

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2020

№ 3 (54)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: "ГЕОГРАФИИ ДЕТСТВА": МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МИРОВ ДЕТСТВА VS ГЛОБАЛЬНОЕ ДЕТСТВО

От редактора рубрики	5
Крейденко Т. Ф., Высоцкая А. В. Региональные особенности социально-экономических условий развития детства в России	7
Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю. Маршруты оффлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ	21
Бухтиярова И. Н., Купряшкина Е. А. Дорога в школу: разнообразие миров детства (на материалах эмпирического исследования "Дети и пространства") ...	35
Зубова О. Г. Городское и сельское пространства в представлении детей: по материалам географических сочинений	48
Минат В. Н. Детское пространственное мышление в региональном географическом познании	58

Круглый стол

Ардальянова А. Ю., Бадараев Д. Д., Бийжанова Э. К., Винокурова А. В., Калинина И. В., Костина Е. Ю., Купряшкин И. В., Орлова Н. А. Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы	69
--	----

Историческое регионоведение

Колоскова Н. И., Аленцов Е. А., Недоступ Е. А., Остапович О. С. Политическое устройство Бразильской империи по Конституции 1824 года	77
Землянский В. Л. Временное Народное собрание Дальнего Востока: основные вехи деятельности первого дальневосточного парламента	85
Попов Ф. А. Конфликт Хабаровской городской думы и Временного правительства Дальнего Востока в 1920 г. ...	96

Экономика и природопользование

Макеева С. Б. Роль трудовых ресурсов в процессе регионального развития России и Китая: современные практики регионоведческой компаративистики	108
--	-----

Социальные и демографические структуры

Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края	120
---	-----

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Бояркина А. В. Китайские исследователи о философско-культурном обосновании концепции Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества" .. **128**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Ермолаева Е. М. Движение за демократию в Республике Корея (1970-е–1990-е гг.) **141**

Писарев И. И. Общественные предубеждения против лоббирования и его регулирование как способ их преодоления **149**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Титова Н. Ю. Опыт развития эко-индустриальных парков АТР как ориентир внедрения циркулярной экономики в РФ **158**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Волынчук А. Б., Козлов Л. Е. М. Ю. Шинковский – политолог-исследователь и организатор политического образования на Дальнем Востоке. К десятилетию со дня кончины **167**

Шабельникова Н. А. "Работать наполовину не умею, не хочу и не могу...": Зиновий Абрамович Муравич – руководитель и наставник (к 50-летию подготовки кадров системы МВД в Приморском крае) **171**

Редакционная коллегия:

Т. Г. Римская (главный редактор), Я. А. Барбенко, В. А. Бурлаков, А. В. Винокурова, С. М. Дударенок, Г. Кристоферсен, М. Г. Ганопольский, К. В. Григоричев, А. Н. Демьяненко, Е. В. Журбей (ответственный редактор), И. Н. Золотухин, В. Н. Караман, А. А. Киреев, В. В. Кожевников, А. М. Кузнецов, Ю. В. Латушко, М. М. Лебедева, Д. А. Литошенко, А. Л. Лукин, Ю. А. Наумов, Н. П. Рыжова, С. В. Севастьянов, А. Г. Филипова, Н. В. Хисамутдинова, О. И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С. Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: "CHILDREN'S GEOGRAPHIES: PLURALITY OF THE WORLDS OF THE CHILDHOOD VS. GLOBAL CHILDHOOD

From the editor of the heading	5
Krejdenko T. F., Vysotskaya A. V. Regional features of socio-economic conditions of childhood development	7
Mayorova-Scheglova S. N., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu. Routes of offline and online childhood life: event analysis	21
Bukhtiyarova I. N., Kupryashkina E. A. The road to school: the diversity of childhood worlds (based on the empirical study "Children and Spaces")	35
Zubova O. G. Urban and rural spaces in the view of children: based on materials of geographical works	48
Minat V. N. Children's spatial thinking in regional geographical knowledge	58

ROUND TABLE

Ardalyanova A. Yu., Badaraev D. D., Biyzhanova Eh. K., Vinokurova A. V., Kalinina I. V., Kostina E. Yu., Kupryashkin I. V., Orlova N. A. Modern Far Eastern border: institutional transformations and center-peripheral processes	69
---	----

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Koloskova N. I., Alentsov E. A., Nedostup E. A., Ostapovich O. S. The political structure of the Empire of Brazil according to the Constitution of 1824	77
Zemlyanskij V. L. Provisional National assembly of the Far East: Milestones of the First Far Eastern Parliament	85
Popov F. A. Conflict of the Khabarovsk City Duma and the Provisional Government of the Far East in 1920	96

ECONOMY AND NATURE

Makeeva S. B. The role of labor resources in the process of regional development of Russia and China: modern practices of regional studies comparative studies	108
---	-----

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Kovalevskij A. V., Blyakher L. E. Far Eastern migration: peculiarities of the interpretation. Example of the Khabarovsk Territory case	120
---	-----

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Boyarkina A. V. Chinese researchers on philosophy and culture ground of Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind	128
---	-----

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF THE REGION

Ermolaeva E. M. Democracy movement in Republic of Korea (1970s–late 1990s) **141**

Pisarev I. I. Public Biases Against Lobbying and Its Regulation as a Way to Overcome Them **149**

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

Titova N. Yu. Development experience of eco-industrial parks in the Asia-Pacific region as a guideline for the implementation of the circular economy in Russia **158**

SCIENTIFIC LIFE

Volynchuk A. B., Kozlov L. E. On the 10th anniversary of the death of M.Yu. Shinkovskiy, political researcher and organizer of political education in the Russian Far East **167**

Shabelnikova N. A. "I can't work half-way, I don't want to, and I can't...": Zinovy Abramovich Muravich – manager and mentor (for the 50th anniversary of the training of personnel of the Ministry of internal Affairs in the Primorsky territory) **171**

Editorial board:

T. G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V. A. Burlakov, A. V. Vinokurova, S. M. Dudaryonok, G. Christoffersen, M. G. Ganopolskij, K. V. Grigorichev, A. N. Demyanenko, E. V. Zhurbey (Editor), I. N. Zolotukhin, V. N. Karaman, A. A. Kireev, V. V. Kozhevnikov, A. M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, M. M. Lebedeva, D. A. Litoshenko, A. L. Lukin, Yu.A. Naumov, N. P. Ryzhova, S. V. Sevastyanov, A. G. Filipova, N. V. Khisamutdinova, O. I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S. E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education
"Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: J. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

В рубрике предлагается к обсуждению новое исследовательское направление, сформировавшееся на стыке географии и социологии, – Children's Geographies. Географии детства изучают отношения между детьми и пространством. Пространство непосредственно воздействует на пути взаимодействия детства с обществом, а также опосредованно – на физическое и психическое состояние детей. Постоянно усиливается влияние на детские жизни глобального окружения, возникает новое явление «глобального детства». Для детей значимость пространства заключается в воздействии на их поведение, жизненные шансы, формирование идентичности. Пространство – это «сцена» для выбора детьми жизненного пути и реализации собственного потенциала. Дети формируются посредством физических миров, в которых они живут, и, в свою очередь, сами участвуют в их формировании.

За рубежом географии детства – активно развивающееся междисциплинарное направление, вовлекающее в научную дискуссию не только географов, но и социологов, антропологов, психологов, историков и других специалистов. Преобладающий взгляд ученых Севера на детство Юга разбавляют публикации на материалах отдельных европейских стран. В сравнении с зарубежными коллегами российские ученые только начинают открывать для себя это новое и перспективное исследовательское направление. В значительной степени этому способствовала конференция «Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик» (Владивосток, 29-31 мая 2018 г.), и проведенный в ее рамках круглый стол «Российская география детства: быть или не быть?», материалы которого были опубликованы на страницах настоящего журнала¹, а также научный проект с одноименным названием, поддержанный РФФИ. Три статьи, вошедшие в рубрику, подготовлены по материалам реализации данного проекта.

Открывает рубрику статья Т. Ф. Крейденко и А. В. Высоцкой об особенностях социально-экономических условий развития детства в российских регионах. Авторами предпринята попытка построить типологию российских регионов исходя из наличия необходимых условий для развития детства. На основе многопризнаковой классификации исследователями были выделены 5 типов регионов РФ, отличающихся институциональными, демографическими, инфраструктурными, финансово-экономическими характеристиками и безопасностью среды, в которую погружено детство.

Если в вышеуказанной статье в качестве эмпирического материала использовались данные федеральной статистики, то в остальных публикациях авторы используют разные исследовательские методы для сбора данных – начиная с традиционного анкетного опроса и заканчивая географическими сочинениями и экспериментами.

С. Н. Майорова-Щеглова, Е. А. Колосова и А. Ю. Губанова обращаются к событийному анализу маршрутов освоения семейного, внесемейного и виртуального пространства детства первых двух десятилетий XXI в. (поколения Y и поколения Z). Авторами разработана интересная методика темпоральной оценки разных событий в жизни респондентов – последним предлагалось вспомнить, когда в их жизни впервые произошло каждое из обозначенных исследователями 78-ми событий. В статье анализируются события, связанные с освоением детьми/подростками/юношеством реального и виртуального пространства, предпринимается попытка отследить корреляции этих событий с возрастом и полом респондентов, социально-экономическим статусом их семьи, а также типом населенного пункта.

Тему пространственных перемещений детей продолжает статья И. Н. Бухтияровой и Е. А. Купряшкиной. Авторы из разного рода детских маршрутов выбрали один – «дом – школа». Несмотря на то, что очень часто ис-

---

¹ См.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 34–42.

следователей такого рода маршрутов обвиняют в упрощении картины детской повседневности, пренебрежении другими необычными, скрытыми детскими мобильностями, анализ данного вида детских перемещений дает много интересной информации. Так, в частности, авторы статьи нацелены на выявление особенностей пространственных перемещений детей, проживающих в разных типах российских городов, на примере дороги в школу. Сочетание закрытых/полузакрытых и открытых вопросов в детской анкете помогает не только собрать данные о длительности, компаниях, используемых транспортных средствах этих перемещений, но и добрать информацию о том, что дети видят по дороге в школу, что позволяет судить не только о наблюдательности респондентов, но и об их отношении к месту проживания.

О. Г. Зубова в статье «Городское и сельское пространства в представлении детей: по материалам географических сочинений» использует тексты сочинений для изучения отношения детей к территории проживания. Детям-участникам исследования предлагалось описать свое любимое место в городе или сельском населенном пункте. В качестве маркеров отношения выделены пространственные, социально-экономические и личностные характеристики. Автор приходит к заключению, что через положительную связь с территорией проживания у молодого поколения формируются общекультурные установки и ценности.

В завершающей рубрику статье «Детское пространственное мышление в региональном географическом познании» В. Н. Минат использует в работе с детьми разных возрастных групп (от 9 до 16 лет) проблемные ситуации пространственно-географического порядка, к каждой из которых предлагался определенный набор вопросов. Описание проблемных ситуаций включало не только тексты, но также фотографии, статистические данные и карты. Автор подчеркивает значение проведенного эксперимента для понимания особенностей восприятия детьми разных возрастов пространственных категорий и приходит к выводу, что познавательное развитие ребенка возможно «благодаря динамичному процессу взаимодействия между ним и его пространственным окружением».

Таким образом, в статьях рубрики представлена множественность миров российского детства, отличающегося разными региональными /локальными условиями формирования и развития, разными половозрастными характеристиками, разным социально-экономическим статусом и культурно-образовательным капиталом семьи и пр. Социогеографический подход к детству помогает осмыслить его как глобальное явление в терминах пространственного мышления, пространственного поведения и пространственных мобильностей.

А. Г. Филипова

УДК 911.7 +332.12

Крейденко Т. Ф., Высоцкая А. В.

Региональные особенности социально-экономических условий развития детства в России

Население – важнейшая категория социально-экономического развития любой территории. Знания о населении как структурном образовании, его категориях, свойствах и определяющих его как сложную, многомерную совокупность различных параметров и характеристик [6] позволяет существенно повысить эффективность всех мер государственной политики и, как следствие, значения всех показателей социально-экономического развития территории [4; 6]. Но если исследования экономических и географических аспектов развития трудоспособного населения и лиц пенсионного возраста специалистами различных направлений являются приоритетным, то внимание, уделяемое исследователями детства (особенно географическим особенностям), крайне незначительно (табл. 1).

В то же время следует отметить, что за последние 30 лет в фокус исследователей детства стало попадать все чаще: более 50 % статей, в той или иной мере касающихся географии детства, были изданы за последние 10 лет. При этом значимость детства в социально-экономическом, технологическом и инновационном развитии экономики велика. Исследование "The Lifecycle Benefits of an Influential Early Childhood Program", проведенное американскими специалистами под руководством нобелевского лауреата Джеймса Хекмана, доказывает, что инвестиции в образование детей могут в дальнейшем существенно снизить (до 13 %) государственные расходы на профессиональную подготовку кадров [17]. При этом наибольший эффект достигается при работе с детьми из семей в трудной социально-экономической ситуации. Каждый доллар, потраченный на высококачественные программы для детей из неблагополучных семей от рождения до пяти лет, обеспечивает возврат инвестиций в размере 13 % в год. Дети, получившие образование в первые годы, на 50 % реже нуждаются в специальном образовании, на 70 % реже совершают преступления, на 50 % реже сами становятся родителями-подростками. Качественное дошкольное образование повышает возможности трудоустройства на 23 %. Взрослые, которые посещали программы для детей младшего возраста, получают на 33 % больше средней заработной платы [17].

Всё чаще приоритеты деятельности государственных органов власти, международных и региональных организаций смещаются в сторону детства. В качестве комплексной оценки её качества можно взять существующие рейтинги международных организаций:

- "Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах" (Исследовательский центр ЮНЕСКО "Инноченти", 2007) [14].
- "End of Childhood Index" (рейтинг стран по условиям жизни детей (международный фонд "Спасем детей") [16].

© Крейденко Т. Ф., Высоцкая А. В., 2020

КРЕЙДЕНКО Татьяна Федоровна, канд. геогр. наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов, доцент кафедры "Экономика организации" Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва). **E-mail:** kreydenko_tf@rudn.ru

ВЫСОЦКАЯ Алёна Валерьевна, начальник учебного центра "Ресурсы Албазино" (г. Комсомольск-на-Амуре). **E-mail:** al-w-buaa@rambler.ru

Таблица 1. Количество тематических публикаций базы данных ScienceDirect (Elsevier/ Scopus)

Поисковой запрос	Количество публикаций, шт.			Доля публикаций в общем объеме за все время, %	
	Всего	2000–2020 гг.	2006–2020 гг.	2000–2020 гг.	2010–2020 гг.
Childhood economy	16 619	11 377	9 709	68,46	48,02
Childhood geography	49 522	46 820	32 441	94,54	53,50
Labor economy	180 303	118 104	99 672	65,50	45,65
Labor geography	122 428	90 845	78 610	74,20	53,53
Retirement economics	18 624	12 842	10 795	68,95	47,10
Geography of aging	442 672	341 612	294 177	77,17	54,72
Economy of aging	202 892	137 177	118 276	67,61	48,94

Источник: составлено на основе [2].

• Рейтинг стран мира по уровню благополучия детей (исследование "Есть ли будущее у наших детей" ВОЗ, ЮНИСЕФ, журнал The Lancet, 2020) [15].

В апреле 2019 г. Аппаратом уполномоченного по правам ребенка была анонсирована разработка рейтинга регионов РФ по качеству детства [3]. Данный рейтинг формируется на основе 100 показателей, характеризующих не только демографическую ситуацию, но и эффективность государственной политики в области семьи и детства, дополнительного образования и т.д. Но представлен на обсуждение он так и не был.

В существующих международных рейтингах позиции России не самые лучшие. Если в рейтинге по условиям жизни Россия в 2019 г. заняла 37 место из 175 стран мира, то в рейтинге по уровню благополучия детей – только 79 из 180 стран мира (табл. 2).

Эффективность реализации государственной политики в вопросах материнства и детства, условия и качество жизни детей зависит от множества факторов.

В первую очередь, это нормативно-правовая база формирования условий жизни детей. Она определяется характером действующего законодательства страны (региона), защищающего права ребенка, соответствии государственных норм и правил нормам международного права [5]. В России принята целая система законодательных актов, направленных на соблюдение прав ребенка (Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, федеральные и региональные нормативно-правовые акты), создан и успешно функционирует как на федеральном, так и региональном уровне орган государственной власти (Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка), контролирующий соблюдение всех законодательных норм в интересах детей. Процесс формирования системы ювенальной юстиции идет очень медленно, сталкиваясь с серьезной критикой со стороны общества. В связи с этим в предлагаемой типологии не оценивается влияние нормативно-правового блока, а анализируется реальное положение дел по вопросам защиты прав детей в российских регионах через оценку индикаторов институционального фактора.

Проявление институционального фактора связано с особенностями взаимоотношений, складывающихся между членами общества в рамках Института семьи и брака. Институциональные показатели являются базовыми для оценки реального уровня защиты прав ребенка.

Демографический фактор характеризует, в первую очередь, количественные показатели детства и является индикатором потенциала формирования детства. Принятие решения семьей о рождении детей определяется не только социально-экономическими условиями жизни семьи, но и традиционными представлениями о семейных ценностях, сформированных в отдельных

Таблица 2. Позиции России в международном рейтинге по условиям жизни детей

Год	Ранг	Баллы	Смертность детей до 5 лет	Задержка роста детей	Доля детей, не посещающих школу	Детский труд	Доля подростков, состоящих в браке	Коэффициент рождаемости среди подростков	Население, перемещенное в результате конфликта	Уровень убийств детей
2017	37	940	9,6	...	1,3	...	7,5	22,7	0,1	1,3
2018	37	944	7,7	...	1,3	...	7,5	22,7	0,1	1,3
2019	37	940	7,6	...	3,4	...	7,5	22,5	0,1	1,5

Источник: составлено по данным международного фонда "Спасем детей" [16].

субъектах РФ. Инфраструктурный фактор – это условия и потенциальные возможности реализации всех прав ребенка, декларируемых Конвенцией ООН, он оценивается через уровень обеспеченности регионов объектами инфраструктуры детства. Реализация таких возможностей ребенком определяется действием финансово-экономического фактора, связанного с оценкой финансовых условий реализации государственной политики в области охраны детства и доступности для семейного бюджета всех возможных вариантов всестороннего развития ребенка. Кроме того, в типологии учитывается фактор безопасности, характеризующий как экологическую, так и криминогенную обстановку в регионах.

Методология исследования

Авторская методика типологизации российских регионов по уровню благополучия условий развития детства построена на основе методики многопризнаковой классификации. Для составления итогового рейтинга были рассчитаны 5 промежуточных рейтингов по каждому из групп факторов. В качестве базовых индикаторов оценки были отобраны статистические показатели, в наибольшей степени характеризующие степень влияния факторов на уровень благополучия условий развития детства. Все показатели являются статистически наблюдаемыми, измеримыми, значимыми для исследования, слабо коррелирующие между собой, в региональном разрезе сопоставимые между собой (в типологии относительные показатели). Информационной базой исследования являются данные Федеральной службы государственной статистики РФ и Федеральных органов исполнительной власти (Министерство спорта РФ, Министерства просвещения РФ, Министерства финансов РФ, Министерства внутренних дел РФ, Генеральной прокуратуры Российской Федерации).

Расчет пороговых значений каждой из 5 групп построен с использованием алгоритма естественных границ Дженкса, ориентированных на группировку схожих значений и максимальное увеличение различий между отдельными группами (табл. 3).

При формировании групп учитывалась необходимость попадания среднероссийских показателей в среднюю группу. Данные по Архангельской Тюменской областям учитывались без значений автономных округов. Каждой группе присваивался соответствующий ранг от 1 до 5: для показателей с прямой корреляционной связью 1 ранг присваивался в случае максимальных значений, для показателей с обратной корреляционной связью – минимальных значений. В результате регионы с наиболее благоприятными социально-экономическими условиями развития детства характеризуются наименьшей суммой рассчитанных рангов.

Таблица 3. Критерии и пороговые значения каждой из групп показателей авторской типологии регионов РФ по уровню благополучия условий детства

Показатель	Уровень условий благополучия детства				
	низкий	ниже среднего	среднее	выше среднего	высокий
Институциональный блок					
Численность детей, родители которых лишены родительских прав (на 10000 детей в возрасте 0-17 лет)	Менее 5	5,1 - 10	10,1 - 15	15,1 - 20	Более 20
Прерывание беременности (на 100 родов)	Менее 25	26-35	36 - 45	46-55	Более 55
Соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов)	Менее 500	501-600	601-700	701-800	Более 800
Демографический блок					
Рождаемость	Менее 8,5	8,6 – 10,5	10,6–12,5	12,6 – 14,5	Более 14,5
Младенческая смертность	Более 6,5	5,6 – 6,5	4,6 – 5,5	3,6 – 4,5	Менее 3,5
Естественное движение	Менее (-5)	(-5) – (-2,1)	(-2) - 1	1,1 - 4	Более 4
Доля детей в структуре населения	Менее 16	16-18	18-20	20,1 - 22	Более 22
Инфраструктурный блок					
Доля детей, отдохнувших в детских оздоровительных лагерях, %	Менее 7,5	7,6 – 12,5	12,6–17,5	17,6 – 22,5	Более 22,5
Обеспеченность спортивными сооружениями (на 100 тыс. населения)	Менее 100	150,1 - 200	200,1-250	250,1-300	Более 300
Обеспеченность учреждениями дополнительного образования (численность объединений и научных обществ в учреждениях дополнительного образования на 1000 детей)	Менее 11	11,1 - 17	17,1 - 23	23,1 - 29	Более 29
Финансово-экономический блок					
Доля государственных расходов на образование в общем объеме расходов	Менее 15	15,1 - 20	20,1-25	25,1 - 30	Более 30
Отношение среднемесячных доходов к величине прожиточного минимума на душу населения для детей	Менее 2,5	2,51 - 3	3,01-3,5	3,51 - 4	Более 4
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	Более 20	20 – 16,1	16 – 12,1	12, - 8,1	Менее 8
Безопасность					
Уровень загрязнений в регионы (выбросы в атмосферу от стационарных источников, т. на 1 человека в год)	Менее 30	30,1 - 90	90,1 - 150	150,1 - 210	Более 210
Уровень преступности (количество совершенных преступлений на 1000 человек)	Менее 5	5,1 - 10	10,1-15	15,1 - 20	Более 20

Источник: составлено авторами.

Результаты исследования

Анализ показателей каждого из блоков факторов позволил выделить основные региональные закономерности в уровне благополучия условий развития детства.

Блок институциональных условий. Результаты исследования институционального фактора показывают сложную ситуацию в большинстве регио-

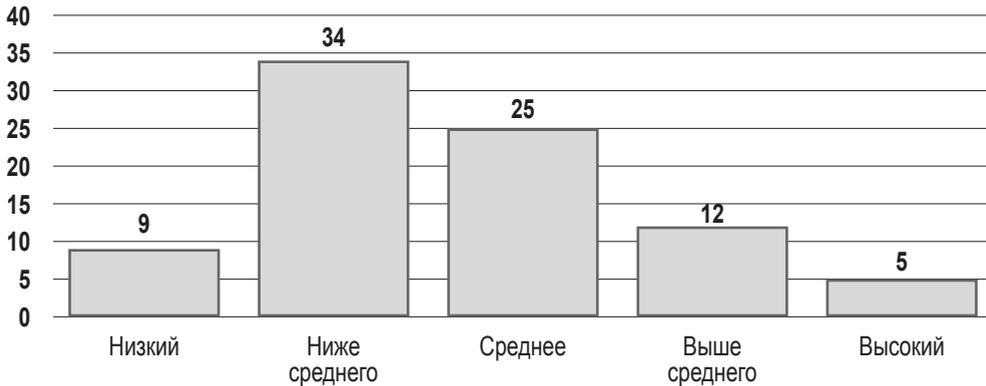

Рис. 1. Группировка регионов РФ по уровню благополучия условий развития детства с точки зрения институционального фактора.
Источник: расчеты на основе [6; 12].

нов РФ: из 55 регионов со значением интегрального показателя ниже среднероссийского 43 были отнесены к группам с низким и ниже среднего уровнем благополучия условий развития детства (рис. 1).

Самые благополучные регионы с точки зрения институционального фактора – республики Северного Кавказа: Дагестан, Ингушетия, Чеченская республика, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия – Алания. Это регионы с присущими им традиционными для региона ценностями в отношении детей, института семьи и брака: в этих регионах самые низкие значения по показателям прерывания беременности, численности детей, родители которых лишены родительских прав, и отношение количества разводов к заключенным бракам. Последний показатель для данных регионов является одним из самых спорных, поскольку большая часть браков не регистрируется в органах государственной власти, а проводится по мусульманским обычаям, что, конечно, отражается и в статистике: соотношения количества официально зарегистрированных браков в регионах в данных регионах в 1,5-2 раза меньше, чем в среднем по стране. Для того чтобы минимизировать влияние фактора низкого уровня брачности в анализе использован показатель отношения реального количества разводов к реальному количеству заключенных браков [7].

Самые неблагополучные регионы – субъекты Дальнего Востока и Европейского Севера, население которых формировалось в первую очередь за счет миграционных процессов (как миграционного притока XX в., так и миграционного оттока в начале XXI в.) и современного уровня социально-экономического развития. Особую роль играет динамика анализируемого показателя и география пенитенциарных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний: регионы с наиболее сложной ситуацией по уровню благополучия условий развития детства с точки зрения институционального фактора являются лидерами по показателю удельной численности заключенных [1]. Как правило, это регионы Крайнего Севера и районы, приравненные к ним, с небольшой численностью населения, но значительным количеством мест лишения свободы.

По относительным показателям числа детей, родители которых лишены родительских прав, абсолютным лидером является Еврейская автономная область (по данным 2017 г.). Значение данного показателя в регионе превышает среднероссийское в 4 раза. При этом лишение родительских прав в регионе продолжает оставаться главной причиной социального сиротства – только в 10 % случаев появление детей, оставшихся без попечения родителей – это результат смерти одного или обоих родителей. Минимальное значение анализируемого показателя отмечено в северокавказских республиках (рис. 2).

Крайне неблагополучная ситуация по стране в целом сложилась и по показателю "число прерывания беременностей". В среднем по России в 2018 г. на 100 родов приходилось 42 аборта. До 2017 г. в ряде регионов РФ коли-

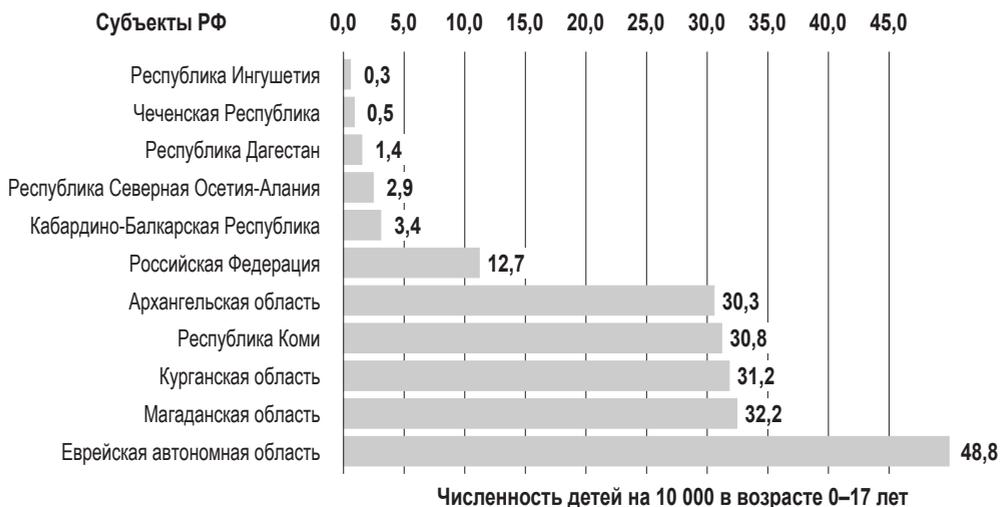

Рис. 2. Регионы с наиболее и наименее благополучной ситуацией по показателю численности детей, родители которых лишены родительских прав (на 10000 детей в возрасте 0–17 лет).
Источник: составлено авторами на основе данных [6].

чество прерываний беременности превышало количество рожденных детей: в разные годы такое положение было отмечено в Псковской и Магаданской областях. Наиболее благополучная ситуация – в регионах Северного Кавказа: прерывание беременности составляет порядка 10–20 % от количества деторождений, в то время как наименее благополучных регионах (Республика Саха (Якутия), Псковская, Оренбургская, Магаданская области, Еврейская автономная область) данный показатель составляет 70–80 %.

В то же время следует отметить, что количество прерываний беременности в целом имеет тенденцию к сокращению (рис. 3)

Можно определить это как результат повышения эффективности реализации демографической политики в стране, но сам показатель продолжает оставаться значительным (треть беременностей заканчивается прерыванием) и темпы его сокращения существенно замедлились, начиная с 2014 г. В то же время формирующиеся тенденции развития демографической ситуации в большинстве регионов вызывают опасения с точки зрения формирования благоприятных условий развития детства.

Блок демографических условий. Демографический фактор является не только индикатором эффективности государственной социальной политики, но и определяет ее основные направления и мероприятия, отражает устойчивость и конкурентоспособность регионов внутри страны и на мировом рынке, а также характер их социально-экономического развития. В ходе анализа показателей блока было выявлено, что демографическая ситуация в субъектах России продолжает оставаться крайне сложной. Только 3 региона (экспортно-ориентированные нефте-газодобывающие регионы Арктической зоны: Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Тюменская область) продемонстрировали благоприятную демографическую ситуацию: при высоком уровне рождаемости, высокая доля детей в структуре населения, низкая младенческая смертность, высокий естественный прирост.

В Ингушетии и Якутии относительно высокие показатели рождаемости, естественного прироста и доли детей нивелируется крайне высокой младенческой смертностью. Наиболее сложная демографическая ситуация зафиксирована в регионах Центральной России с традиционно низкой рождаемостью, длительным периодом естественной убыли населения и низкой долей детей в структуре населения: Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Смоленская области.

В целом по стране демографические показатели продолжают ухудшаться: если в 2014 г. в 45 регионах был отмечен естественный прирост населе-

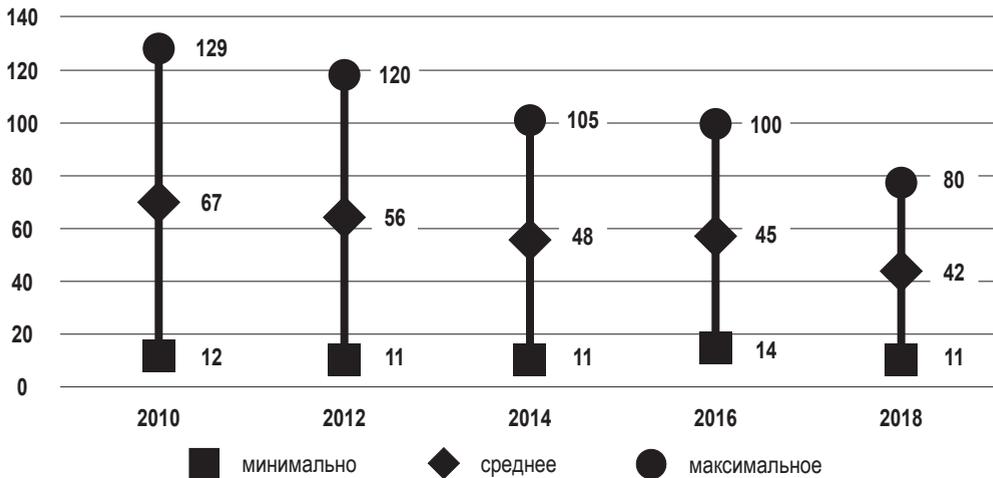

Рис. 3. Динамика пороговых значений по показателю числа прерываний беременности на 100 родов.
Источник: составлено авторами по данным [6].

ния, в 2016 г. – в 40, а в 2018 г. – только в 21 регионе России. При этом во всех субъектах в 2018 г. наблюдалось сокращение естественного прироста или усиление естественной убыли населения по сравнению с 2014 г. Главным демографическим фактором формирования таких трендов является сокращение рождаемости во всех регионах страны за последние 5 лет. При этом доля детей в общей структуре населения растет, что связано, в первую очередь, с общим сокращением численности населения во всех регионах Центрального (за исключением Москвы и Московской области), Северо-Западного (за исключением Калининградской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области), Южного (за исключением Краснодарского края и г. Севастополь), Приволжского (за исключением Татарстана), Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Рост численности населения в регионах – исключения определяется в первую очередь их миграционной привлекательностью.

В Северокавказском федеральном округе численность населения сократилась только в Ставропольском крае и Республике Северная Осетия-Алания, в остальных же регионах существенный естественный прирост приводит к постоянному росту численности населения.

По характеру соотношения показателей рождаемости и младенческой смертности можно выделить 4 типа регионов (рис. 4).

Наиболее серьезная ситуация в регионах с низкой рождаемостью и высокой младенческой смертностью (Смоленская область, Алтайский край, Магаданская область и др.), наиболее благоприятная в отмеченных выше наиболее социально-экономически развитых регионах Крайнего Севера.

Блок инфраструктурных условий. Социальная инфраструктура является основой развития человеческого потенциала и человеческого капитала территории [4]. Без укрепления человеческого капитала невозможно добиться устойчивого экономического роста, нельзя сформировать потенциал рабочей силы, подготовленной для более высококвалифицированных рабочих мест. В условиях глубокой цифровой трансформации социально-экономического и технологического развития общества все большую значимость приобретают не только профессиональные, но и общекультурные и общеобразовательные компетенции, формирование которых начинается еще в детстве. В ходе анализа были оценены показатели потенциальной доступности дополнительных образовательных услуг и возможностей формирования здорового поколения будущей рабочей силы.

Наименее благоприятные инфраструктурные условия сложились в регионах Северного Кавказа, что связано не только с высокой численностью детей (основная часть анализируемых показателей – подушевые), но и со

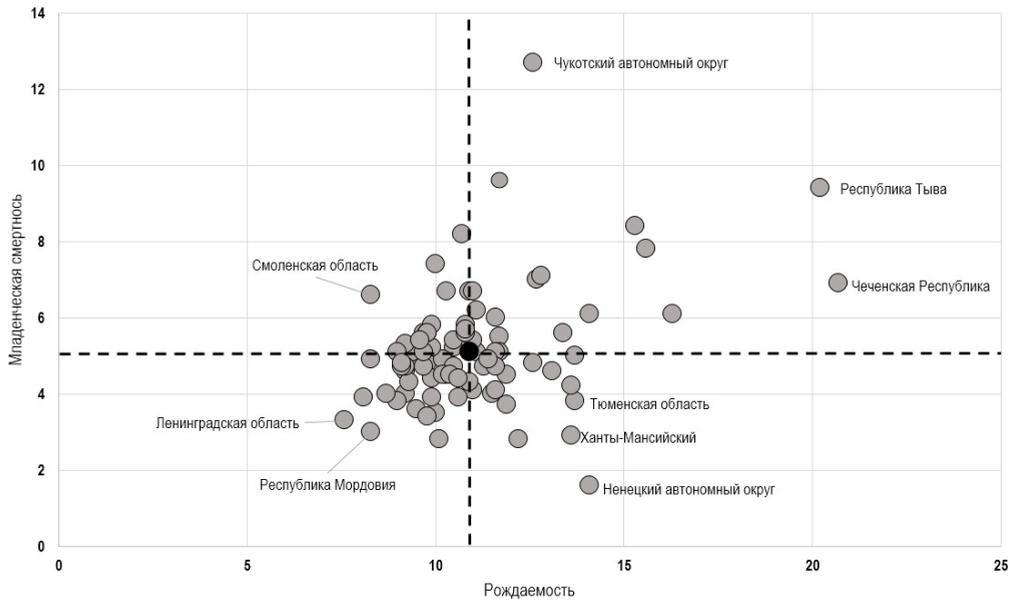

Рис. 4. Группировка регионов РФ по соотношению показателей рождаемости и младенческой смертности (2018 г.)
Источник: составлено на основе [6].

сложившимися в регионе традиционными подходами к воспитанию и образованию детей (рис. 5).

Согласно исследованию экспертов Высшей школы экономики ключевым фактором получения ребенком дополнительного образования являются не столько финансовые возможности семьи, сколько установка родителей о необходимости привлечения дополнительных ресурсов в воспитании и образовании ребенка, их готовности вкладывать в это дополнительные силы и время [10].

Наиболее благоприятные инфраструктурные условия развития детства складываются в регионах с развитой системой городского расселения (в рамках которой создаются условия для формирования разнообразных учреждений дополнительного образования), с небольшой численностью населения (в первую очередь, группы "младше трудоспособного возраста"), но в то же время с высоким культурным потенциалом родителей. Основа реализации созданных в регионах инфраструктурных возможностей развития детства связана с воздействием факторов блока финансово-экономических условий.

Блок финансово-экономических условий. На основе проведенного анализа показателей был сделан вывод, что сложившиеся финансово-экономические условия на сегодняшний день являются одним из определяющих факторов невысокой эффективности региональной государственной политики в сфере охраны семьи, материнства и детства (рис. 6).

Расходы на образование в среднем по стране составляют порядка 21 % от государственного бюджета. В ряде аграрно-индустриальных регионов Северного Кавказа и юга Сибири с высоким естественным приростом значительные расходы на образование в 2019 г. были связаны с началом реализации программы "Современная школа" в рамках национального проекта "Образование" и созданием новых мест в общеобразовательных организациях в целях ликвидации третьей смены обучения.

Крайне низкая доля расходов на образование в Калининградской области связана со структурой регионального бюджета: после отмены в 2016 г. таможенных льгот около половины консолидированного бюджета области формируется за счет субсидий из федерального бюджета на "поддержку рынка труда". В связи с этим даже при значительных в абсолютном значении

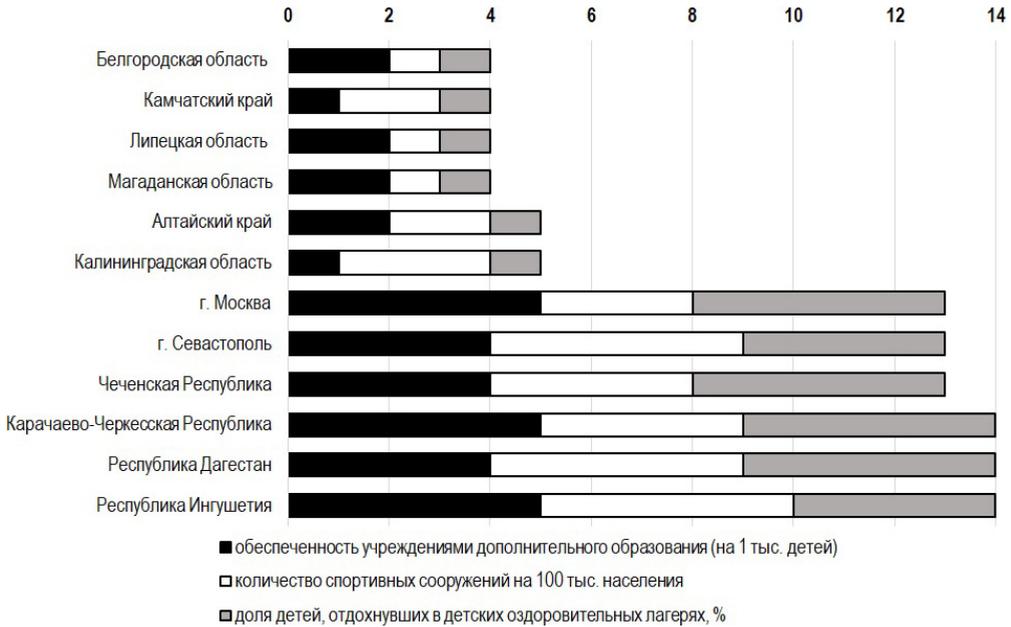

Рис. 5. Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по уровню благополучия инфраструктурных условий развития детства
Источник: расчеты на основе данных [9; 12].

расходах (область занимает 39 место в рейтинге регионов по социальной ориентированности – 2019 г. "РИА Рейтинг", составленного по данным Минфина, Федерального казначейства и Росстата) их доля в структуре бюджета очень мала [13]. В Москве невысокая доля расходов вызвана длительностью процесса оптимизации региональной системы образования и, как результат, сокращением расходов в абсолютном и относительном значении. Наименьшие расходы на образование в 2019 г. отмечены в Чукотском АО – менее 11 % всего бюджета региона [8; 9].

Ситуация в регионах осложнена и финансовыми возможностями отдельных семей. Не более чем в трети регионов РФ доля лиц, проживающих за чертой бедности ниже среднероссийского показателя – 12,6 %. В Республике Тыва и Ингушетия данный показатель выше 30 %. Еще в 8 регионах (республики Северного Кавказа и наименее развитые регионы Сибири) за чертой бедности проживает более 1/5 населения. В 7 регионах РФ размер среднедушевого дохода превышает величину прожиточного минимума, рассчитанного на группу "дети", менее чем в 2 раза (регионы Северного Кавказа и юга Сибири), и только в трех субъектах (Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Москва, г. Санкт-Петербург) – более чем в 4 раза. Выявленные диспропорции являются следствием экономической специализации регионов: высокий уровень занятости населения северокавказских регионов в аграрном секторе не способствует получению высоких доходов. При такой ситуации возможности семей дать ребенку всестороннее образование, в том числе дополнительное, существенно ограничены.

Блок безопасности. Наиболее комфортные условия детства как в отношении экологической, так и криминальной безопасности сложились в регионах Северного Кавказа, что связано и с традиционным укладом семейной и общественной жизни, а также с низким уровнем загрязнения при отсутствии крупных предприятий экологически опасных отраслей и более высокой экологической устойчивостью территории региона (рис. 7).

Регионы с самыми высокими потенциальным риском проявления угроз безопасности жизни ребенка – промышленные регионы Крайнего Севера, население которых формируется в условиях постоянных миграционных пе-

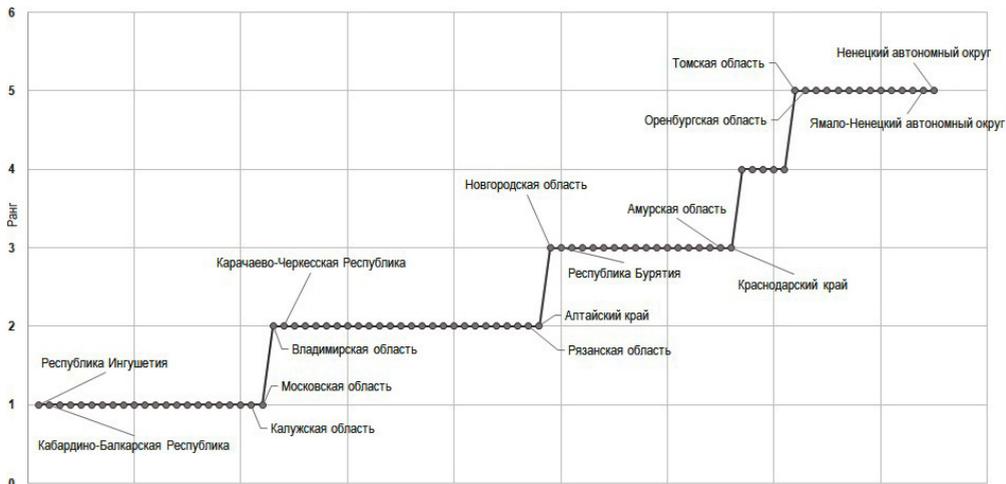

Рис. 6. Группировка регионов России по соотношению демографических показателей и расходов региональных бюджетов на образование
 Источник: составлено на основе данных [9; 12].

ремещений населения, кроме того, система расселения на этой территории длительное время формировалась как часть пенитенциарной системы [11].

Выводы

Систематизация полученных результатов на основе многопризнаковой классификации позволила выделить 5 типов регионов РФ по уровню благоприятности формирования детства (рис. 8).

• I тип, включающий в себя 6 регионов РФ с наиболее благоприятными социально-экономическими условиями развития детства (Чеченская

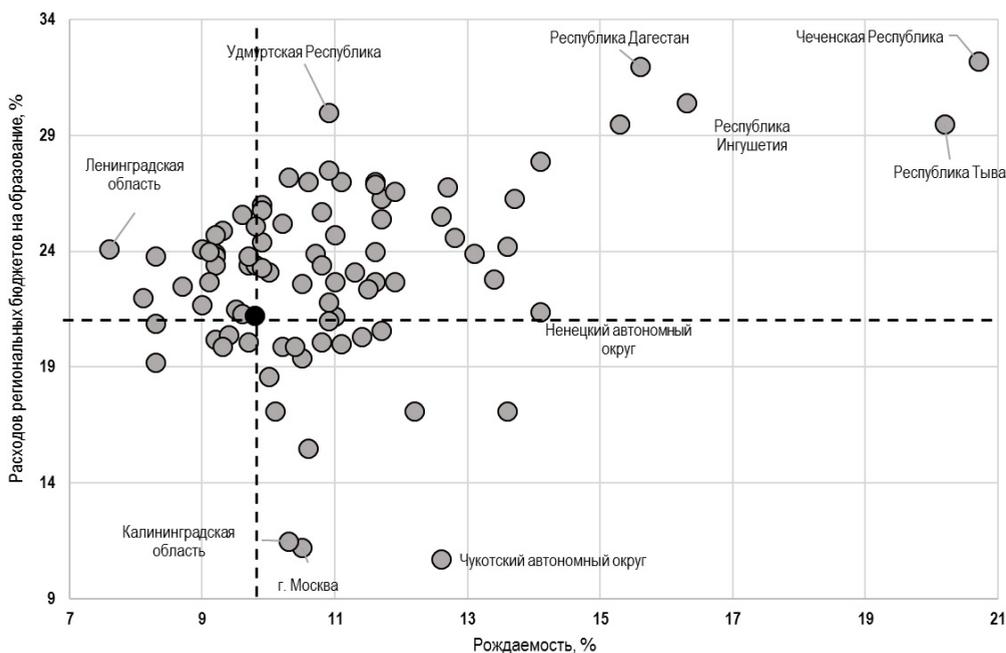

Рис. 7. Группировка регионов России по соотношению показателей безопасности
 Источник: составлено на основе данных [11].

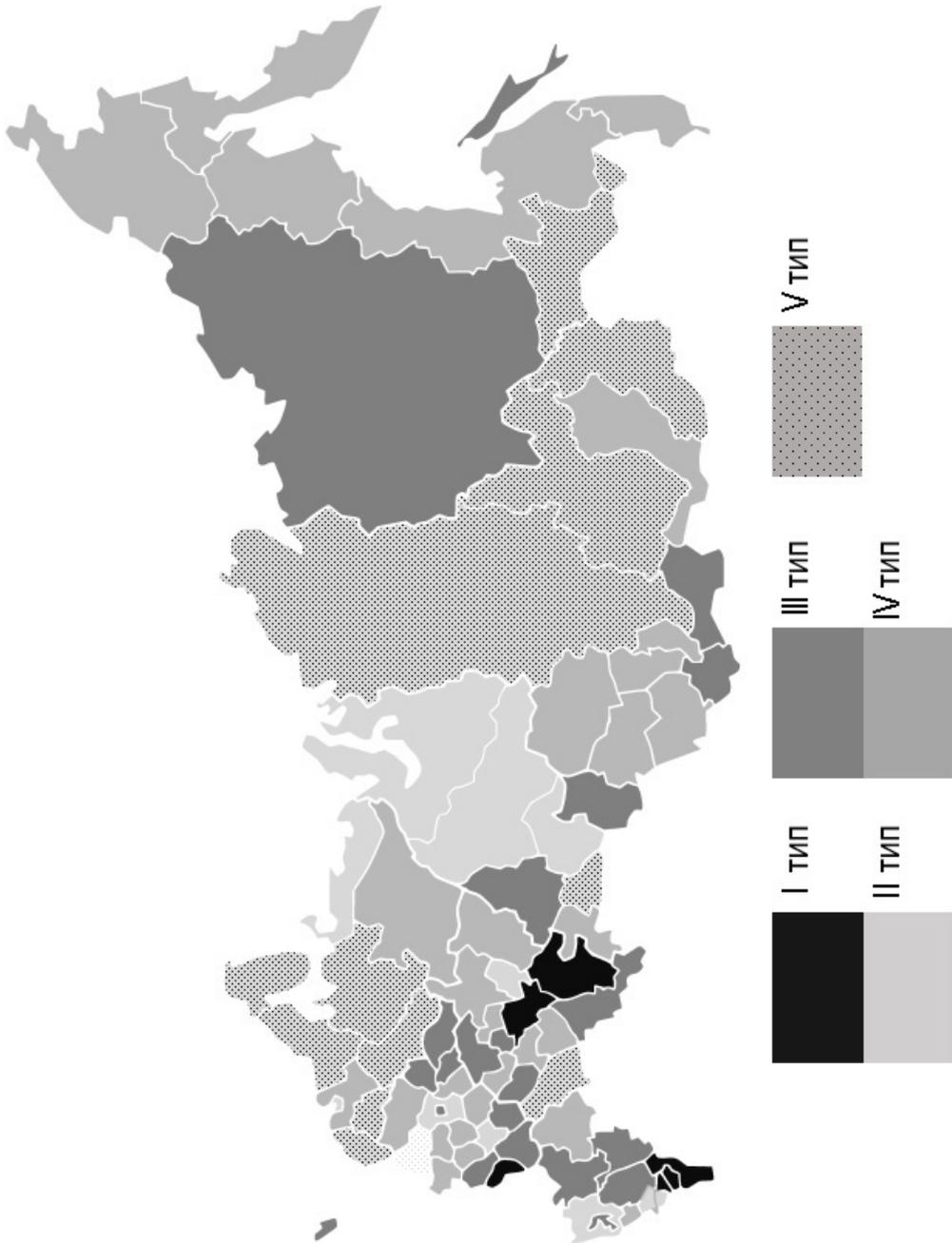

Рис. 8. Картограмма регионов России по типам по уровню благоприятности формирования детства
Источник: составлено авторами

Республика, Республика Дагестан, Татарстан, Башкортостан, Ингушетия Белгородская область), объединяет регионы с традиционными взглядами на семейные ценности с высокой вовлеченностью старшего поколения в процесс воспитания детей.

- II тип регионов (г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Удмуртская, Кабардино-Балкарская и Республика Северная Осетия – Алания, Ханты-Мансийский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Московская, Липецкая и Тюменская области) с условиями формирования детства

выше среднего объединяет промышленно развитые регионы (в том числе за счет экспортных добывающих отраслей экономики районов Крайнего Севера).

• III тип регионов включает в себя широкий перечень субъектов РФ (23 региона) с диверсифицированной экономикой, с разнообразной социальной политикой, реализуемой не только региональными органами власти, но и крупными компаниями (в первую очередь, в ситуации градообразующих предприятий) в рамках их программ корпоративной социальной ответственности (Тамбовская, Ярославская, Калининградская, Пензенская, Ростовская, Свердловская, Нижегородская, Сахалинская, Воронежская, Ивановская, Оренбургская, Костромская, Омская, Курская области, Республики Калмыкия, Чувашия, Адыгея, Саха (Якутия), Тыва, Алтай, Ставропольский край, города Москва и Севастополь).

• IV тип регионов – условия благополучия детства ниже среднего – самый многочисленный тип (34 региона), включающий в себя субъекты РФ в старопромышленных районах Центральной России и Урало-Поволжья (Астраханская, Калужская, Ленинградская, Магаданская, Новосибирская, Томская, Ульяновская, Челябинская, Брянская, Владимирская, Кировская, Рязанская, Тверская, Орловская, Самарская, Тульская, Волгоградская, Кемеровская области, Республики Крым, Мордовия, Хакасия, Карачаево-Черкесская, Бурятия, Коми, Марий Эл, Камчатский, Хабаровский, Пермский, Алтайский, Приморский край, Чукотский автономный округ).

• V тип – наименее благоприятные условия для развития детства сложились в экономически депрессивных регионах Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Мурманская, Саратовская, Амурская, Архангельская, Новгородская, Псковская, Вологодская, Иркутская, Курганская, Смоленская области, Забайкальский и Красноярский край, Республика Карелия, Еврейская автономная область).

В целом в группах с наиболее благоприятными социально-экономическими условиями детства высока доля регионов европейской части России, а с наименее – регионов Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, характер условий развития детства в регионах России определяется финансово-экономическим положением и социально-экономическим статусом семьи, наряду с культурным капиталом родителей. Также к определяющим факторам можно отнести социальную политику заведений различных типов, ориентированных на работу с детьми, с региональными органами государственной власти, а также территориальная доступность социальных объектов как в рамках отдельного региона, так и внутри населенного пункта. Существенный вклад в развитие анализируемых условий вносит характер экономического развития регионов и их сложившаяся специализация.

Литература

1. Аверкиева К. В. География и экономика российской пенитенциарной системы // Демоскоп Weekly. 2015. № 651–652 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0651/demoscope651.pdf> (дата обращения: 27.06.2020).
2. База данных ScienceDirect (Elsevier/ Scopus) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 27.06.2020).
3. В России представят рейтинг регионов по качеству детства [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6351287> (дата обращения: 29.06.2020).
4. Голубицкий А. В. Региональный социально-географический атлас системы общего образования: преодолима ли "Власть территории" // Вопросы образования. 2017. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-sotsialno-geograficheskiy-atlas-sistemy-obshchego-obrazovaniya-preodolima-li-vlast-territorii> (дата обращения: 12.06.2020).
5. Дементьева И. Ф. Факторы риска развития детства в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-riska-razvitiya-detstva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 24.06.2020).
6. Демографический ежегодник России. 2019. Стат.сб. [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 27.06.2020).
7. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994, 640 с.
8. Официальный сайт Казначейства России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roskazna.ru/> (дата обращения: 27.06.2020).

9. Официальный сайт Министерства просвещения России [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2020).
10. Поливанова, К. Н. и др. Образование за стенами школы. Как родители проектируют образовательное пространство детей. К. Н. Поливанова, А. А. Бочавер, К. В. Павленко, Е. В. Сивак; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020, 384 с.
11. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 26.06.2020).
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. сб. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 28.06.2020).
13. Рейтинг регионов по социальной ориентированности бюджетов – 2019 // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190527/1554880581.html> (дата обращения: 27.06.2020).
14. ЮНИСЕФ, "Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах", Доклад Исследовательского центра "Инноченти", Выпуск 7, 2007 год Исследовательский центр ЮНИСЕФ "Инноченти", Флоренция [Электронный ресурс]. URL: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/rc7_rus.pdf (дата обращения: 27.06.2020).
15. A future for the world's children? A WHO–UNICEF–Lancet Commission. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736\(19\)32540-1.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736(19)32540-1.pdf) (дата обращения: 27.06.2020).
16. García J., Heckman J., Leaf D., Prados M. The Life-cycle Benefits of an Influential Early Childhood Program [Электронный ресурс]. URL: <http://ftp.iza.org/dp10456.pdf> (дата обращения: 28.06.2020).
17. Makar S., Stroeve P., Fattakhov R., Morkovkin D., Pivovarova, O. Modern transformations of russian economic space and development of social infrastructure [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/877> (дата обращения: 27.06.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Averkieva K. V. Geografiya i ehkonomika rossijskoj penitentsiarnoj sistemy // Demoskop Weekly. 2015. № 651–652 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0651/demoscope651.pdf> (дата обращения: 27.06.2020).
2. Baza dannykh ScienceDirect (Elsevier/ Scopus) [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 27.06.2020).
3. V Rossii predstavlyat rejting regionov po kachestvu detstva [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/6351287> (дата обращения: 29.06.2020).
4. Golubitskij A. V. Regional'nyj sotsial'no-geograficheskij atlas sistemy obshhego obrazovaniya: preodolima li "Vlast' territorii" // Voprosy obrazovaniya. 2017. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalny-sotsialno-geograficheskij-atlas-sistemy-obshhego-obrazovaniya-preodolima-li-vlast-territorii> (дата обращения: 12.06.2020).
5. Dement'eva I. F. Faktory riska razvitiya detstva v sovremennoj Rossii // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2016. № 2 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-riska-razvitiya-detstva-v-sovremennoj-rossii> (дата обращения: 24.06.2020).
6. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2019. Stat.sb. [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 27.06.2020).
7. Narodonaselenie. EHntsiklopedicheskij slovar'. M.: Bol'shaya Rossijskaya ehntsiklopediya, 1994, 640 s.
8. Ofitsial'nyj sayt Kaznachejstva Rossii [Электронный ресурс]. URL: <http://www roskazna.ru/> (дата обращения: 27.06.2020).
9. Ofitsial'nyj sayt Ministerstva prosveshheniya Rossii [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2020).
10. Polivanova, K. N. i dr. Obrazovanie za stenami shkoly. Kak roditeli proektiruyut obrazovatel'noe prostranstvo detej. K. N. Polivanova, A. A. Bochaver, K. V. Pavlenko, E. V. Sivak; Nats. issled. un-t "Vysshaya shkola ehkonomiki". M. : Izd. dom Vyshej shkoly ehkonomiki, 2020, 384 s.
11. Portal pravovoj statistiki General'noj prokuratury RF [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 26.06.2020).
12. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2019. Stat. sb. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 28.06.2020).
13. Rejting regionov po sotsial'noj orientirovannosti byudzhetrov – 2019 // RIA Novosti. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190527/1554880581.html> (дата обращения: 27.06.2020).

14. YUNISEF, "Problema detskoj bednosti v perspektive. Obzor blagopoluchiya detej v bogatykh stranakh", Doklad Issledovatel'skogo tsentra "Innochenti", Vypusk 7, 2007 god Issledovatel'skij tsentr YUNISEF "Innochenti", Florentsiya [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/rc7_rus.pdf (data obrashheniya: 27.06.2020).

15. A future for the world's children? A WHO–UNICEF–Lancet Commission. [Ehlektronnyj resurs]. URL: [https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736\(19\)32540-1.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736(19)32540-1.pdf) (data obrashheniya: 27.06.2020).

16. García J., Heckman J., Leaf D., Prados M. The Life-cycle Benefits of an Influential Early Childhood Program [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://ftp.iza.org/dp10456.pdf> (data obrashheniya: 28.06.2020).

17. Makar S., Stroev P., Fattakhov R., Morkovkin D., Pivovarova, O. Modern transformations of russian economic space and development of social infrastructure [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/877> (data obrashheniya: 27.06.2020).

Крейдено Т. Ф., Высоцкая А. В. Региональные особенности социально-экономических условий развития детства в России.

Для выявления региональных особенностей социально-экономических условий развития детства была использована авторская методика типологизации российских регионов по уровню благополучия условий развития детства на основе методики многопризнаковой классификации. Данная методика используется для сравнения объектов по комплексу показателей. Для проведения анализа были рассчитаны ранги показателей по пяти группам индикаторов (институциональные, демографические, инфраструктурные, финансово-экономические и безопасность). Анализ полученных результатов позволил выделить пять типов регионов Российской Федерации (РФ) по уровню благоприятности формирования детства.

Ключевые слова: география детства, межрегиональная дифференциация, социально-экономическая типология, условия развития детства

Krejdenko T. F., Vysotskaya A. V. Regional features of socio-economic conditions of childhood development.

To identify regional features of socio-economic conditions of childhood development, the author's method of typologizing Russian regions by the level of well-being of childhood development conditions based on the multi-sign classification method was used. This method is used for comparing objects by a set of indicators. To conduct the analysis, we calculated the ranks of indicators for five groups of indicators (institutional, demographic, infrastructure, financial and economic, and security). The analysis of the obtained results allowed us to distinguish five author's types of regions of the Russian Federation (RF) by the level of favorability of childhood formation.

Key words: childhood geography, interregional differentiation, socio-economic typology, conditions for the development of childhood

---

Для цитирования: Крейдено Т. Ф., Высоцкая А. В. Региональные особенности социально-экономических условий развития детства в России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 7–20. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/7-20

For citation: Krejdenko T. F., Vysotskaya A. V. Regional features of socio-economic conditions of childhood development // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 7–20. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/7-20

УДК 316 *Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю.*

Маршруты офлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ

Общая постановка проблемы

Жители, особенно больших городов, в современном обществе выступают субъектами активных перемещений, обозначающие их статусно-ролевые позиции, социальную идентичность и межкультурные коммуникации. Трансформация повседневной жизни увеличивает или уменьшает реальные социальные контакты, при этом расширяются виртуальные социальные связи в каждодневных практиках.

Одним из перспективных направлений современных социологических исследований является изучение повседневной мобильности. И здесь фокус исследований часто направлен на подрастающее поколение, поскольку оно активно осваивает различные сферы общественной жизни, апробирует новые сферы, и закономерно, что их перемещения в пространстве вызывают достаточный интерес исследователей. Купряшкина Е. А. признает саму мобильность важным социальным явлением, влияющим на развитие личности с раннего возраста [5].

Под детскими мобильностями понимаются любые физические перемещения детей в разных типах сред. Уже сложилась традиция выделять организованные (например, детский туризм), самостоятельные (без сопровождения взрослых) и независимые (т.е. без контроля родителей) мобильности. Кроме этих характеристик в работах выделяются в отдельный вид формы перемещений детей: пешие прогулки, катание на велосипеде, самокате, скутерах, использование общественного транспорта и автомобилей.

Каждый этап взросления сопровождается включением в различные пласты жизни и, как следствие, ведет к освоению ареалов мобильности, по нашему мнению, их выделяются три (внутрисемейная, внесемейная и виртуальная). Так, мобильность дошкольника сконцентрирована в основном в ориентации семейного пространства, у школьника появляются устойчивые маршруты (дом – школа-учреждения культуры, спорта, дополнительного образования), а на более старших возрастных этапах (подростничество и юношество) маршруты связаны с освоением новых общественных пространств и новых городских районов за пределами места проживания.

Каждое из этих перемещение бывает в жизни ребенка впервые, является событием-переходом на новую ступень взросления. Отдельные разрозненные эпизоды могут становиться устойчивыми *маршрутами*, *этот термин, по нашему мнению, можно использовать в узком смысле как события детства, связанные с освоением реального и виртуального пространства, характерные для большинства или достаточно большой группы детей, в отличие от индивидуального жизненного пути.*

© Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю., 2020

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА Светлана Николаевна, д-р социол. наук, профессор, председатель Исследовательского комитета "Социология детства" Российского общества социологов (г. Москва). **E-mail:** sheglova-s@yandex.ru

КОЛОСОВА Елена Андреевна, канд. социол. наук, доцент, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). **E-mail:** the_shmiga@mail.ru

ГУБАНОВА Александра Юрьевна, канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной детской библиотеки (г. Москва). **E-mail:** alexandra.gubanova@gmail.com

Научная разработанность и выделение "белых пятен" исследований

Разрозненные изучения детской мобильности проводятся около века и российскими и зарубежными исследователями. За рубежом изучение детской мобильности связано с физическими перемещениями детей и их влиянием на здоровье, использованием транспорта и активных средств передвижения, применением мобильных навигационных технологий, а также образовательным и развивающим потенциалом города [3].

Фокус работ постепенно смещался. Первоначально ученые концентрировались на замерах удаленности от места проживания ребенка, затем по мере осознания значения детской мобильности для развития юного поколения стали изучаться мотивы, цели этих перемещений (до места новых контактов в игре и общении, обучении).

Таковыми были лонгитюдные исследования с использованием индивидуальных дневников, которые проводились в двух странах: в Англии – на протяжении сорока лет, и в Германии – двадцати лет [цит. 5, с. 116]. Целью исследований было не только изучить изменения уровня детской независимой мобильности, но и разработать систему поведенческих показателей, связанную с рисками для детей в окружающей среде через анализ группы разрешений, допускаемых родителями в отношении перемещений своих детей. Исследования по Германии в 90-х гг. прошлого столетия показали, например, что 10-летний немецкий ребенок обходит округу в радиусе 10-15 минут ходьбы пешком и так узнает практически всех детей своего района [23, p. 37].

Основными векторами работ российских исследователей становятся исследования самостоятельных (независимых) перемещений подростков, доступность городской среды для "особого детства", а также безопасность серфинга детей в виртуальном пространстве. В современном звучании этой проблемы все чаще возникают линии выявления и оценок возможности/желания детей и разрешения взрослыми и обществом самостоятельно передвигаться по местности – пересекать большие дороги, пользоваться общественным транспортом и т.д.

Социогеографический подход прикладных исследований детства, а несомненный авторитет здесь приобрела научная школа энтузиастов с Дальнего Востока, выявляет важные факторы мобильности детей и подростков в городской среде [19]. Выявлены несколько групп факторов, определяющих интенсивность перемещений, – территориально-географические, транспортные, социально-инфраструктурные. С другой стороны, сама мобильность может быть интерпретирована и как социальный конструкт, зависящий от уровня принятия обществом самостоятельности детей и установками на границы родительской ответственности.

Некоторые аспекты перемещений детей изучаются российскими исследователями в связи с границами детства, так зафиксировано указание респондентами на независимые поездки как маркер взросления или даже переломное событие на фазе перехода от детства к юности [11; 20].

Однако из анализа современных ученых совершенно выпал еще один важный фактор – темпоральный, связанный с временными характеристиками. В каком возрасте происходят первые перемещения детей, когда они становятся массовыми маршрутами, охватывающими всю группу детей, какова последовательность освоения объектов среды (семейной, внесемейной, виртуальной)? Еще один из неисследованных аспектов – как само социальное время, конкретно-историческая ситуация проживания детства влияют на мобильности обычного детства. Эти вопросы мы попытаемся осветить в данной статье.

Методология изучения детской мобильности и методическая рамка нашего исследования

Само пространство применительно к детству обычно предлагают разделять на доступные и недоступные, к первым относят институционализированные (т.е. созданные для самих детей образовательные учреждения, центры дополнительного образования, поликлиники и т.д.) и публичные (которые образно называются в одной из работ "вложенными" в пространства взрослых, адаптированные для семей с детьми). Недоступные предлагается трансформировать с опорой на конструкт "доброжелательности к детству" [21] или, на-

оборот, сделать еще более закрытыми для детей (магазины алкоголя, сайты, содержащие информацию порнографического характера, изображение, описание сексуального насилия).

Для изучения уровня мобильности использовались различные методики: от изучения индивидуальных дневников и интервью до опросов в формате очного анкетирования в образовательных и досуговых учреждениях и онлайн-анкетирования на платформе Google. Анализ мобильности делается с учетом различных социальных факторов (места проживания, пола). В маркетинге разработан метод Customer Journey Map (СJM) – дословно можно перевести как карта путешествия/пути пользователя. Такая карта наглядно показывает, как и на каких этапах покупатель взаимодействует с теми или иными продуктами, а также позволяет понять проблемы пользователей, их интересы и потребности, чтобы затем выстроить наиболее выгодный механизм взаимодействия. Такой метод позволяет создать визуализированную историю взаимодействия потребителя с продуктом, сервисом, компанией или брендом через разные каналы в определенный период времени [8].

Обращение к детям добавляет в методы интерактивности: рисунки, игровые приемы, сценарии и пр. Мобильность детей в виртуальной среде уже изучалась с помощью дневниковых фиксаций за серфингом в интернете и наблюдений [10, с. 20].

Однако, если мы хотим исследовать темпоральный аспект, нам было необходимо использовать в эмпирическом проекте биографический метод и в качестве респондентов было решено привлекать именно молодежь, которые уже по официальным рамкам вышли из детства, и каждое из событий этого периода уже имеет свое значение на своеобразной линии жизни. Так, время и пространство одновременно выступают в качестве упорядочивающих элементов рассказа о жизни, что позволяет говорить о возможности анализа биографий, насыщенных в том числе пространственными практиками. Исходя из этих методологических оснований в 2018 г. было проведено исследование "Событийность детства поколения Z". Согласно одной из теорий, приблизительно в 2000 г. на свет "появилось" новое поколение Z (или центениалы по В. В. Радаеву) и, к концу 2018 г. оно официально завершило свою детскую биографию. Таким образом, в исследовании приняли участие представители двух поколений (равные группы), рожденные до 2000 г. (возраст которых составил 19-22 гг.) – поколение Y и рожденные в 2000 г. (кому именно на момент опроса было 18 лет) – поколение Z. Выборка исследования являлась достаточно разнородной и включала в себя 774 респондента из 10 разных регионов Российской Федерации, представлены группы "столичного, городского и сельского" детства. Метод построения выборки – невероятностный, выборка согласных (convenience sampling). Дизайн проекта включал 4 основных этапа: 1) выявление содержательных характеристик событий детства; 2) составление онлайн-опросника, апробация и проведение исследования; 3) структурное моделирование событийности (последовательности событий); 4) поиск факторных структур, корреляций для отдельных групп событий.

Респондентам предъявлялся список из 78 значимых событий, и отвечавшие должны были вспомнить, когда впервые в их жизни произошло каждое из событий. Среди этого перечисления были 37 ситуаций, связанные с освоением пространства, они то и выделены нами для анализа в данной статье. Составляя первоначальный список, мы намеренно исключили из важных событий стандартные перемещения в институции (в школу, детский сад), а также уникальные эпизоды переездов (миграцию, дауншифтинг семьи и пр.).

При установлении некоторых норм физического и психического развития ребенка констатируется значимость периода в полгода, мы приняли также этот временной отрезок как значимый количественный показатель для сравнения среднего возраста событий в разных группах детей.

Результаты исследования

Рассмотрим последовательно маршруты освоения семейного, внесемейного (институционализированное и публичное) и виртуального пространства через событийность детства первых двух десятилетий XXI в. Для выполнения поставленных для данной работы задач мы обратимся к фиксации времени

дебюта того или иного события мобильности ребенка через прожитый опыт перемещений молодежи.

Освоение пространства внутри семьи

Наши коллеги всегда изучали перемещения ребенка в открытом внесемейном пространстве, мы же полагаем, что этого недостаточно, и прежде чем в него (в это пространство) перейти, ребенок должен пройти некоторый набор и последовательность событий. Также уточним, что, хотя мы и называем это пространство ближайшего окружения семейным, но это название также может и включать пространство институции ее замещающей.

Интересны данные психологов о значимости освоения близкой среды ребенком. На ранних стадиях развития в окружающем пространстве в пределах досягаемости находится только пространство лица младенца (само лицо и участок вокруг него); дети производят перемещения, например, ко рту, тянутся за разными предметами. При наступлении следующей стадии ребенок осваивает пространство тела, демонстрируя к нему интерес, реагируя на дотрагивающего до него другого человека, проявляя беспокойство от предметов, которые кладутся на тело. Наконец наступает момент, когда дети ищут предметы примерно в пределах метра от себя, могут добираться до находящихся рядом людей. Но только следующая стадия развития переносит ребенка в социальное пространство, и именно в этот момент и возникают события перемещений в пределах жилища вокруг него [2]. Психологи настаивают, что каждое такое перемещение можно уже расценивать как познавательное путешествие. Эта идея даже стала основой специального направления – кондуктивной педагогики, где в образовательных целях может быть использован маршрут от детской комнаты до кухни, от класса к наружным школьным дверям, через городские площадки или торгово-развлекательные центры. Мы же считаем, что овладение пространством жилища или семьи позволяет приобрести первичные навыки мобильности (нахождения дороги в процессе маршрута) и отработать схемы взаимодействия с родителями и взрослыми по постепенному расширению границ самостоятельности ребенка, которые затем он будет проявлять в реальной жизни. В каждом из этих событий ребенок постепенно соединяет три элемента: физическая среда, люди и время. Понимание протяженности маршрута и времени его прохождения сочетаются с практиками выбора направления, возможностей (когда еще тебе что-то рано совершать, а когда уже пора включаться в движение по маршрутам), обобщения прожитого опыта и превращения его в устойчивые практики.

Таблица 1. Средний возраст освоения маршрутов семейного пространства

События освоения семейного пространства	Средний возраст
Я самостоятельно начал(а) принимать душ/ванну	7,4
Я начал(а) сам(а) убирать свою комнату, свою часть жилища	8,6
Мне доверили ухаживать, убирать за домашним животным, гулять с собакой	9,7
Я начал(а) один/одна оставаться дома при болезни	10,7
Мне доверили помочь с более младшим ребенком	11,4
Я начал(а) сам(а) выбирать, какую одежду надеть	11,5
Я начал(а) сам(а) готовить себе еду	11,9
Мне разрешили самой/самому вести машину (автомобиль)	15,1
Я стал(а) жить отдельно от родителей	17,2

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Зависимость освоения семейных маршрутов от состава семьи.

Основные события и их последовательность, зафиксированные в нашем исследовании, говорят по постепенному освоению жилища младшими членами семьи.

При этом мы зафиксировали, что зависимости от социально-экономического статуса семьи не наблюдается, во всех семьях последовательность событий одна и та же, кроме ухода за домашними питомцами, здесь в семьях с низким уровнем достатка это происходило раньше (в среднем в 9,1 года против 9,8 в семьях среднего достатка и 10,0 в семьях высокого). По-видимому, рамки перемещений в семейном пространстве зависят от устоявшихся представлений родительского сообщества о внутрисемейной регуляции.

Но в зависимости от состава семьи мы обнаружили некоторые закономерности: в семьях с одним родителем все события происходили немного раньше, в некоторых случаях более чем на полгода.

Таким образом, освоение пространства внутри семьи, согласно результатам нашего исследования, не зависит от материального положения, однако молодежь из неполных семей указывали, что некоторые события, связанные с домашними делами, в их жизни происходили раньше, чем у детей, проживавших с обоими родителями. Это может быть связано с необходимостью перераспределения обязанностей внутри семьи и служить аргументом самостоятельности детей, выросших в семьях с одним родителем, в том числе, в отношении событий за пределами дома, о которых пойдет речь дальше.

Из "родительского гнезда": в каком возрасте прокладываются маршруты в открытое пространство

На этапе от младшего школьного к подростковому возрасту меняется характер мобильности: от контролируемых и диктуемых родителями занятий до полностью самостоятельных и неодобряемых взрослыми практиками перемещений. В *таблице 2* представлена последовательность событий освоения открытого пространства в детстве начала века. Посещение кружков, секций и клубов было самой ранней досуговой практикой детей – данный опыт респонденты стали маршрутом после поступления в школу, в возрасте 7,2 лет, но дебют этого события отмечается с 3 лет. Следующим на этапе взросления оказался опыт посещения библиотеки, который также был у опрошенных во время учебы в начальной школе (7,9 лет), что может быть связано с распространенной практикой посещения районных детских библиотек классами с учителем, после чего многие дети начинают ходить туда самостоятельно. На третьем месте оказались прогулки во дворе – большинство детей родители начали отпускать гулять во двор без присмотра во втором классе (8,2 лет). Последние же пять событий происходили, по мнению респондентов уже за пределами их субъективного детства (это, как выявлено произошло около 15 лет, но в границах законодательного.

Таблица 2. Средний возраст освоения маршрутов внесемейного пространства

События освоения открытого пространства	Средний возраст
Я начал(а) заниматься в кружке, секции, клубе	7,2
Я впервые был(а) в библиотеке	7,9
Я самостоятельно стал(а) гулять во дворе	8,2
Я впервые поехал (а) в другой город, местность	8,5
Я впервые был(а) в театре	8,6
Я начал(а) самостоятельно ездить по населенному пункту, городу, где жил(а)	9,9
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	10,3
Я впервые поехал (а) в лагерь, центр с группой ребят без родителей	10,5
Я впервые поехал(а) за границу	10,6
Я самостоятельно ходил(а) на спортивные мероприятия	10,9
Я впервые стал(а) ходить в кино без родителей	12,3
Я пошел/пошла за грибами, на рыбалку, охоту без родителей	13,1
Я сам(а) был(а) в парикмахерской, сам(а) выбирал(а) прическу	13,2
Я впервые остался/осталась на ночь у друзей	13,4
Я впервые участвовал(а) в вечеринке без взрослых	14,2
Я начал(а) самостоятельно ходить к врачу	14,3
Я впервые был(а) на свидании	14,8
Ходил(а) на свои деньги в кафе, ресторан	15,1
Я гулял(а) ночью с друзьями, любимым(ой)	15,5
Я ходил(а) на политические митинги и выборы	16,5
Я стал(а) жить отдельно от родителей	17,2

Источник: составлено авторами.

Средний возраст событий, связанных с мобильностью во внесемейной сфере, точно зависел от социально-экономического статуса семьи. Некоторые из отмеченных различий могут быть объяснены дефицитом денежных средств (дополнительное образование, посещение театров, поездки за границу и др.) Однако, все отличия этим фактором объяснить невозможно.

Сложный вопрос встает перед исследователями при интерпретации этих данных. Имеет место быть запаздывающая самостоятельная мобильность обеспеченных или опережающая у бедных? Инфантилизация первых или раннее взросление вторых? Единое мнение в исследовательском коллективе пока не сформировалось, есть все основания говорить о парадоксах развития мобильности в разных группах как одной из тенденций противоречивости трансформаций детства.

Если мы обратимся к сравнению по полу респондентов, то обнаружим, что в российском обществе сохраняется гендерная традиция большего контроля и ограничений для девочек, они "выходят" в пространство позже. И это часто не связано с гендерным разделением труда. Например, даже самостоятельные походы в магазин за покупками у девочек становятся групповыми практиками в 10,3 года, а у мальчиков уже в 9,7 лет.

Таблица 3. Зависимость маршрутов детства от экономического статуса семьи

События детства	Богатые	Средний класс	Бедные
Я начал(а) заниматься в кружке, секции, клубе	6,6	7,2	7,8
Я впервые поехал (а) в другой город, местность	7,3	8,7	9,2
Я впервые был(а) в библиотеке	8	-	-
Я самостоятельно стал(а) гулять во дворе	8,5	8,3	7,6
Я впервые был(а) в театре	8,6	9,7	10,3
Я впервые поехал(а) за границу	9,4	10,9	11,6
Я впервые поехал (а) в лагерь, центр, поход, на экскурсию с группой ребят без родителей	10,4	10,4	11,0
Я начал(а) самостоятельно ездить (например, в школу, к бабушке и т.д.) по населенному пункту, городу, где жил(а)	10,5	10,0	9,2
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	10,6	10,3	9,8
Я самостоятельно ходил(а) на спортивные мероприятия	10,9	10,9	10,8
Я впервые стал(а) ходить в кино без родителей	11,8	12,4	12,5
Я впервые остался/осталась на ночь у друзей	13,4	13,3	13,8
Я сам(а) был(а) в парикмахерской, сам(а) выбирал(а) прическу	13,4	13,1	13,5
Я впервые пошел/пошла за грибами, на рыбалку, охоту без родителей	13,5	13,0	13,2
Я участвовал(а) в волонтерском проекте (помогал(а), организовывал(а) что-то без денег, от души)	14,3	14,3	13,9
Я впервые был(а) на свидании	14,4	14,8	15,1
Я впервые участвовал(а) в вечеринке без взрослых	14,4	14,2	14,2
Я начал(а) самостоятельно ходить к врачу	14,6	14,3	14,1
Ходил(а) на свои деньги в кафе, ресторан	14,7	15,1	15,4
Я гулял(а) ночью с друзьями, любимым(ой)	15,4	15,6	15,2
Я ходил(а) на политические митинги и выборы	15,7	16,4	17,0

Источник: составлено авторами.

Нам показалось интересным провести точечный анализ одного из важнейших для становления личности ребенка социокультурных событий – первого посещения библиотеки.

Исследования, проведенные совместно социологами и психологами РГДБ, направленные на изучение людей, которые приходят в детскую библиотеку (читателей, посетителей, пользователей), показали, что дети до 7 лет чаще всего приходят с мамами (76%), реже с бабушками (10%) и папами (9,3%) [7]. Замечено, что современные родители предпочитают записать ребенка в библиотеку как можно раньше, некоторые читатели библиотеки делают это буквально с первых дней жизни ребенка, а инфраструктура библиотеки позволяет посещать библиотеку вместе с новорожденным (пеленальные столики, места для кормления, микроволновка для разогрева смеси и т.д.)

Большинство детей осваивают этот маршрут в дошкольном и младшем, школьном возрасте (от 6 до 8 лет), в 6 лет – 16,5%, в 7 лет – 30,3%, в 8 лет – 14,3%. Сравнительный анализ данных по событийности показал, что особых

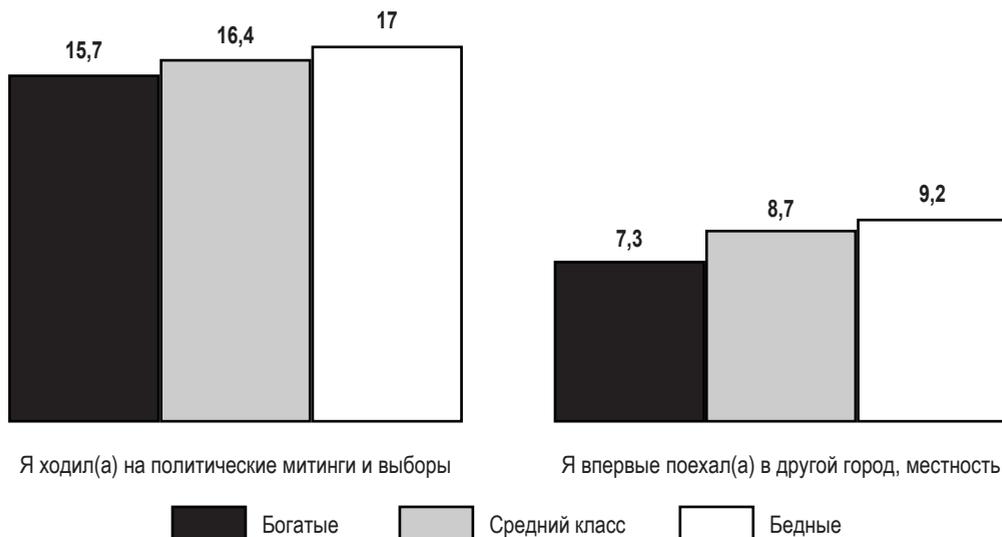

Рис. 2. Зависимость среднего возраста событий детства от экономического статуса семьи

отличий между детьми разного пола по освоению данного маршрута нет, и те, и другие в среднем впервые приходят в библиотеку в 7,9 – 8,2 года. Можно с уверенностью сказать, что дети из полных семей или семей с одним родителем приходят в библиотеку раньше, чем те, кто воспитываются бабушками и дедушками (7,9–7,7–8,9 лет соответственно).

Что касается отличий представителей разных социальных слоев, то очевидно, что более раннее посещение библиотек характерно для представителей бедного класса (7,6 лет), тогда как представители среднего и богатого класса почти на полгода позже осваивают этот маршрут (8,1 лет).

По месту проживания можно говорить о том, что данные маршрут более актуален для представителей сельской местности (7,6 лет), чем для жителей больших городов (8,3 лет). Во многом это связано с тем, что в сельской местности библиотека нередко единственный "островок" культуры в округе и жители активно осваивают этот маршрут в поисках литературы, которую сложно купить, мероприятий, которые нередко проводятся именно на площадке библиотеки и т.д.

Хотим обратиться отдельно еще к одному из событий детства – поездкам в загородные лагеря, центры. У поколения родителей современных детей первые поездки в летний, загородный лагерь (дальние поездки без родителей) назывались в качестве того события, после которого они считали, что стали взрослыми, у них детство закончилось [22]. Пребывание в лагере было массовым событием детства, оно интерпретировалось как своеобразный этап инициации российского ребенка конца прошлого века со следующими значимыми элементами: физические трудности (уборка помещений, приготовление еды, дальние походы и др.), послушание новым взрослым, испытание свободой от родителей и одновременно одиночеством. По мнению Б. В. Кузрянова, сегодня среда лагеря становится иной, оздоровительно-образовательным пространством, но ее значение все равно велико, так как характеризуется коллективным характером деятельности, общения и досуга, групповой активности вместо индивидуальной, преобладающей в современной семье [4, с. 73]. Сама конкретно-историческая ситуация проживания детства, общественное мнение – оценка такого рода события в жизни ребенка изменились. По результатам нашего исследования 8,6% детей так и не побывали в лагере до 18-летия. Особенно их много среди представителей среднего класса, а также среди проживающих в детстве в больших городах.

Особо выделим события подростковой субкультуры. Возраст наступления таких независимых мобильностей как ночные прогулки, вечеринки, свидания почти не зависят от выделенных выше типов поселения и экономи-

Таблица 4. Средний возраст освоения информационно-коммуникационных технологий представителями поколений Y и Z

Событие	Средний возраст события	
	Поколение Y	Поколение Z
У меня появился планшет (или другой собственный гаджет) для выхода в интернет	10,7	9,7
У меня появился свой компьютер	11,6	10,7
Я начал(а) играть на компьютере в игры	11,9	11,0
У меня появились свои фотографии со своими друзьями	12,1	11,3
У меня появился свой аккаунт в сети	12,6	11,5
Я начал(а) искать на компьютере нужную информацию	14,1	12,9
Я проходил(а) испытания (тестирование, экзамен, олимпиаду) по интернету	14,1	13,4

Источник: составлено авторами

ческим статусом семьи, но четко коррелирует с полом респондентов и типом семьи.

Маршруты онлайн-жизни

Виртуальная жизнь, которая для нового поколения является уже привычной, повседневной, тоже, по нашему мнению, может быть рассмотрена через фокус мобильностей, от единичных эпизодов освоения компьютера и Интернета до устойчивых практик. Здесь главное обнаруженное различие в виртуальных перемещениях, по данным нашего исследования, связано с тем, что события у детей, родившихся после 2000 г. проходили раньше, в некоторых случаях более чем на год.

В начале 2000-х гг. Интернет использовался детьми преимущественно для развлечения. Об этом свидетельствует факт нашего исследования, что игреки и зеты начали играть на компьютере раньше, чем искать информацию и проходить тестирования – в 11,9 и 11 лет соответственно. Первый опыт поиска информации у обоих поколений произошел достаточно поздно – в 12,9 лет у поколения Z и 14,1 лет у представителей поколения Y.

Такая событийность сохраняется и в настоящее время, так согласно Отраслевому докладу Института Исследований Интернета среди онлайн-практик детей в 2019 г. лидировали онлайн-игры (59%) и видеоконтент (53%), ещё 42% смотрели образовательный контент в Интернете [13].

По мере взросления к подростковому возрасту увеличивается потребление образовательного контента, он оказывается на втором месте образовательный контент (чем старше, тем больше, 42,9% у младших подростков и 56,2% у старших, соответственно). Также отметим, что исследование 2019 г. показало, что для подростков 14-ти лет важной практикой становятся социальные сети (49,2%) [13].

Новым маршрутом онлайн-жизни нового поколения стал выход в интернет с целью представления своего собственного контента.

Среди возможных форм представления собственного контента можно выделить такие как литературное творчество (сочинение и публикация собственных рассказов и романов или так называемых "фанфиков" – продолжений опубликованных произведений известных авторов, кинофильмов и сериалов, видеоигр и др.), художественное и музыкальное творчество, а также интенсивно развивающееся в настоящее время направление видеоблогов. Как форма размещения информации в Интернете, видеоблогинг находится сегодня на пике популярности, несмотря на то, что первые видеоблоги появились ещё 20 лет назад, в 2000 г., массовый характер явление приобрело в 2005 г. с развитием видеохостинга YouTube [18]. Согласно данным агентства

"Полилог" [15], основной аудиторией интернет-платформы YouTube являются подростки 13–17 лет и молодежь 18–24 лет. Проведенное исследование показало, что у подростков имеется сразу несколько целей ведения видеоблога: социализация, самоутверждение, приобретение популярности, заработок [1].

В 2018 г. число цитирований на видеохостинге YouTube детьми и подростками до 18 лет составляло 244 097 [13], и уступало только таким популярным социальным сетям как "ВКонтакте" и "Facebook". По мнению исследователей российского видеоблогинга, в настоящее время он переходит в стадию активного развития – аудитория быстро растет, ежемесячный прирост новых подписчиков в 2015 г. составлял 50-100 тысяч человек, и если данная тенденция сохранится в ближайшие 5-10 лет, то к 2020–2025 гг. видеоблогинг станет классическим средством массовой коммуникации [15].

К сожалению, пока наука не располагает данными о том, как рано дети начинают проходить "девиантные" маршруты. Однако, косвенные данные указывают, что это происходит довольно рано. Согласно проведенному в 2017 г. исследованию "Медийный портрет подростка двухтысячных годов" на первом месте среди онлайн-рисков по мнению подростков стоит ненужная (реклама) или негативная (опасная) информация, так ответили 61% опрошенных [9, с. 25]. По мнению родителей младших школьников, они могут столкнуться с агрессией и жестокостью (14,4%), порнографией (10,8%), "группами смерти" и ненормативной лексикой (по 7,2%) [14].

Мы предполагаем, что и дальше онлайн-маршруты будут прокладываться интенсивнее и есть тенденции их распространения в разных группах, независимо от пола, места проживания и типа семьи, единственным сдерживающим это явление фактором является недостаток семьи, так как для этого детям необходимы "продвинутые" гаджеты. Возраст вхождения в Интернет снизился до 4-5 лет, причем, треть из дошкольников пользуются Интернетом самостоятельно [13]. К моменту поступления в школу у 44% современных детей уже есть собственный смартфон, а у младших школьников (8-11 лет) этот процент выше почти в 2 раза (74%) [13].

Прогнозы и дальнейшие перспективы исследований

В ходе нашего исследования мы смогли ответить на все поставленные исследовательские вопросы. Несмотря на то, что дебют в события происходит в каждой индивидуальной биографии, мы считаем, что с помощью выявления среднего возраста удалось установить момент превращения этих единичных событий в массовые маршруты. Как мы выявили, наиболее насыщен внутри-семейными практиками возраст дошкольного, младшего школьного и раннего подросткового возраста, а в старшем подростковом возрасте выстраиваются в особую событийность дебюты освоения внесемейного детства. Именно последний вид событий может быть условно поделен на три группы – обусловленные возможностями дохода, усиленным родительским контролем в полных благополучных семьях и третья, в которой триггерами являются подростковые интересы и субкультура.

Мы констатируем, что сегодняшнее детское поколение не лишено опыта разнообразных оффлайн-перемещений, общество признает значение физической активности детей: игры на открытом воздухе, перемещение внутри района жизни и за его пределами, несмотря на конкурирование реального и виртуального пространства.

Анализ эмпирических данных показывает, что будет возрастать роль социально-исторических факторов в детских мобильностях. Нам удалось зафиксировать, что само социальное время, конкретно-историческая ситуация проживания детства влияют на мобильности обычного детства. Последовательность событий мобильностей у условных сравниваемых поколений Y/Z одинакова, но различается именно возраст освоения событий. Если освоение онлайн-маршрутов происходят теперь раньше, то относительно независимых перемещения мы этого не обнаруживаем. Изменения родительства, стремление к пролонгированному детству и внедрение технических средств уже влияют на характер таких перемещений. Например, распространяется тенденция установления тотального контроля за детскими перемещениями в реальной и виртуальной среде. Новые гаджеты пропагандируют новую этику отношений между родителями и подростками ("будь постоянно на связи"

и "все должно быть у ответственных родителей под контролем"). Возникает противоречивая ситуация провозглашения собственной автономии ребенка, например, в игре, встречах с ровесниками, выборе дополнительного образования, и этичности постоянного контроля за перемещениями детей в целях их защиты, между выстраиванием собственного жизненного пространства взрослых родителей и затянутой погруженностью их в мир ребенка до момента его полного взросления.

Каждое событие мобильности имеет свой возраст и мы предполагаем, что это во многом предопределяет сам процесс взросления современного ребенка. Тезис А. В. Стрельниковой о том, что движение в пространственных координатах не может рассматриваться как простая географическая мобильность, является актуальным и для детских перемещений [17, с. 30–35]. Мобильность в детстве подобно территориальной мобильности имеет "отсроченный" эффект, так могут обеспечиваться новые стартовые позиции. Возраст начала перемещений и превращение его затем в маршрут (средний возраст) становятся фиксаторами достижений на линии жизненной траектории. Эта соотношенность времени и пространства является важной характеристикой биографии человека.

От того, как рано/поздно, активно/ пассивно осваивают пространство (территориальное, семейное, правовое, виртуальное) дети, будет, в определенной степени зависеть, каково будет новое взрослое поколение. Так, по нашему мнению, отодвигание времени дебютов многих внесемейных передвижений в новом поколении Z закрепляет тенденции инфантилизации, уже фиксируемые многими учеными [12].

Интересные умозаключения относительно детских перемещений возникли у нас в связи с периодом пандемии и самоизоляции в 2020 г. Это время, как фаза ограничения мобильности и своеобразных трансформаций некоторых традиционных маршрутов детской жизни, конечно, скажется на обществе, но не завтра, а серьезно отдаленно. Предполагается, что взрослое сообщество быстро вернется на "проторенные маршруты" доковидной жизни. Однако, если мы говорим о детстве, здесь будут наблюдаться иные ситуации. Средовые влияния, в случае, если они продолжатся более чем на полгода, способны задержать или стимулировать социальное становление индивидов, породить устойчивую неуверенность в прохождении какого-то этапа взросления, что может и стагнировать формирование сложных навыков и переформатировать стереотипы взрослого поведения. Вероятно, у определенных групп детей произойдут отклонения от маршрута – сдвинутся возрастные рамки каких-то событий. На целый год будут отодвинуты поездки в лагерь, другие города, за границу. С другой стороны, при вынужденной самоизоляции в семьях, где родители обязаны были работать, некоторые старшие дети дебютировали раньше во внутрисемейной помощи – уходе за младшими сестрами и братьями. Есть свидетельства, что городские дошкольники раньше начали свои виртуальные путешествия по онлайн- образовательным маршрутам.

Наступает время изучения маршрутов будущего. Исследование мобильностей детей несомненно выходит за рамки социологии города, миграции и региональных исследований, здесь возникает много аспектов, которые должны решаться в рамках социологии детства. Трансформации зависят не только от решений властей, а от "воли" детей, от их агентности, как все громче заявляют социологи детства: Дети, подростки ринутся в реальность или же они примут ситуацию регламентированности прогулок, домашних занятий, общения с друзьями? Психологи смогут разобраться – возможно ли помочь каждому, а социологи детства могли бы на этом этапе делать точные, с применением методически выверенных инструментов и процедур, "фотографии" новых онлайн и оффлайн маршрутов, и по возможности предложить идеи некоторых социоинженерных мер после завершения пандемии, чтобы условно нивелировать пропажу, отставание или опережение событий.

Литература

1. Азбель А. А., Илюшин Л. С., Манухина С. В. Исследование подростковых видеоблогов: функционально-коммуникативный анализ содержания и речевой культуры // *Ped.Rev.* 2018. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-podrostkovyh-videoblogov-funktsionalno-kommunikativnyu-analiz-soderzhaniya-i-rechevoy-kultury> (дата обращения: 15.07.2020).
2. Бест Э. Структурирование пространства // *Психологическая наука и образование* 2002. № 2. С. 60–66.
3. Данилова А. В. Маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи // *Социология города*. 2017. № 2. С. 20–29.
4. Куприянов Б. В. Вариативность оздоровительно-образовательного пространства загородного детского лагеря // *Вестник Московского городского педагогического университета*. Серия "Педагогика и психология". 2017. № 3(41). С. 72–78.
5. Купряшкина Е. А. Особенности детской независимой мобильности в городах Приморского края // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 115–123.
6. Лактюхина Е. Г. Умные вещи века: новые технологии в детско-родительских отношениях // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 4. С. 59–64.
7. Малахова Н. Г. Дети и родители – читатели библиотеки // *Социолог и психолог в библиотеке: Сб. Статей и материалов*. Вып IX. Рос.гос.б-ка для молодежи; Ред. сост. М. М. Самохина. М., 2014. С. 106–111.
8. Матвиенко О. И., Алёшина О. Г. Карта пути клиента (Customer journey map) – инструмент изучения поведения потребителя от возникновения потребности до совершения покупки // *Modern Economy Success*. 2020. № 1. С. 91–98.
9. Медийный портрет подростка двухтысячных годов. Пособие. С. Б. Цымбаленко. М.: ООДО "Лига юных журналистов", 2018. 72 с.
10. Методические рекомендации по поиску и отбору качественных сайтов для детей и подростков. Российская государственная детская библиотека; автор: Губанова А. Ю.; ред. Колосова Е. А. М., 2014. 43 с.
11. Митрофанова С. Ю. "Я – взрослый/Я – взрослая": представления третьеклассников о собственном будущем // *Вестник Самарского государственного университета*. 2013. № 2(103). С. 10–21.
12. Митрофанова С. Ю. (Не)законченное детство современных юношей и девушек // *Вестник ВЭГУ*. 2019. № 2 (100). С. 89–96.
13. Отраслевой доклад "Детский Рунет 2018", 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2019/02/Detskiy-Runet-2018-Report.pdf> (дата обращения: 07.07.2020).
14. Отраслевой доклад "Детский Рунет 2019", 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2020/03/ChildRunet-2019-26032020.pdf> (дата обращения: 07.07.2020).
15. Российский видеоблогинг 2015. Роль и значение в коммуникациях в цифровой среде/Агентство "Полилог". 2015. URL: <http://www.polylog.ru/a/pdf/2015-06-09-vlogging-analysis.pdf> (дата обращения: 14.07.2020).
16. Саранча М.А., Вапнярская О.И. Феномен детского туризма как предмет классификации: проблемы и основные направления // *Сервис в России и за рубежом*. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 39–49. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10303
17. Стрельникова А. Перемещения в пространственных координатах больше, чем географическая мобильность // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2014. Т. 6. № 8. С. 30–35.
18. Филипова А. Г., Ардалянова А. Ю., Абросимова Е. Е. Videоблогинг и современные подростки: опасности интернет-пространства // *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoblogging-i-sovremennye-podrostki-opasnosti-internet-prostranstva> (дата обращения: 15.07.2020).
19. Филипова А. Г., Купряшкина Е. А., Ракитина Н. Э. Факторы детской мобильности в городской среде: по материалам экспертных интервью // *Научный журнал Дискурс*. 2018. № 11 (25). С. 203–215.
20. Цымбаленко С. Б., Щеглова С. Н. Какие они, подростки девяностых? // *Воспитание школьников*. 1996. № 1. С. 2–7.
21. Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В. Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 2. С. 160–177.
22. Щеглова С. Н. Определение границ перехода от детства к молодости и от молодости к взрослости // *Молодежь 97: надежды и разочарования*. М.: НИЦ ИМ, 1997. С. 157–166.
23. Krappman L., Oswald H. *Alltag der Schulkinder*. Weinheim: Juventa, 1995. 146 s.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Azbel' A. A., Plyushin L. S., Manukhina S. V. Issledovanie podrostkovykh videoblogov: funktsional'no-kommunikativnyy analiz sodержaniya i rechevoj kul'tury // *Ped. Rev.* 2018. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-podrostkovykh-videoblogov-funktsionalno-kommunikativnyy-analiz-soderzhaniya-i-rechevoj-kul'tury> (data obrashheniya: 15.07.2020).
2. Best E.H. Strukturirovanie prostranstva // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* 2002. № 2. S. 60–66.
3. Danilova A. V. Marshruty povsednevnykh peremeshhenij v dosugovykh praktikakh gorodskoj molodezhi // *Sotsiologiya goroda*. 2017. № 2. S. 20–29.
4. Kupriyanov B. V. Variativnost' ozdorovitel'no-obrazovatel'nogo prostranstva zagorodnogo detskogo lagerya // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Pedagogika i psikhologiya"*. 2017. № 3(41). С. 72–78.
5. Kupryashkina E. A. Osobennosti detskoj nezavisimoy mobil'nosti v gorodakh Primorskogo kraja // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2018. № 2 (50). S. 115–123.
6. Laktukhina E. G. Umnye veshhi veka: novye tekhnologii v detsko-roditel'skikh otноsheniyakh // *Logos et Rraxis*. 2019. T. 18. № 4. S. 59–64.
7. Malakhova N. G. Deti i roditeli – chitateli biblioteki // *Sotsiolog i psikholog v biblioteke: Sb. Statej i materialov. Vyp IX. Ros.gos.b-ka dlya molodezhi; Red. sost. M. M. Samokhina. M., 2014. S. 106–111.*
8. Matvienko O. I., Alyoshina O. G. Karta puti klienta (Customer journey map) – instrument izucheniya povedeniya potrebitelya ot vozniknoveniya potrebnosti do soversheniya pokupki // *Modern Economy Success*. 2020. № 1. S. 91–98.
9. Medijnyj portret podroстка dvukhtysyachnykh godov. Posobie. S. B. TSymbalenko. M.: OODO "Liga yunykh zhurnalistov", 2018. 72 s.
10. Metodicheskie rekomendatsii po poisku i otboru kachestvennykh sajtov dlya detej i podrostkov. Rossijskaya gosudarstvennaya detskaya biblioteka; avtor: Gubanova A. YU.; red. Kolosova E. A. M., 2014. 43 s.
11. Mitrofanova S. YU. "Ya – vzroslyj/Ya – vzroslyaya": predstavleniya tret'eklassnikov o sobstvennom budushhem // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 2(103). S. 10–21.
12. Mitrofanova S. YU. (Ne)zakonchennoe detstvo sovremennykh yunoshej i devushek // *Vestnik VEHGU*. 2019. № 2 (100). S. 89–96.
13. Otrasevoj doklad "Detskij Runet 2018", 2019. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2019/02/Detskij-Runet-2018-Report.pdf> (data obrashheniya: 07.07.2020).
14. Otrasevoj doklad "Detskij Runet 2019", 2020. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2020/03/ChildRunet-2019-26032020.pdf> (data obrashheniya: 07.07.2020).
15. Rossijskij videoblogging 2015. Rol' i znachenie v kommunikatsiyakh v tsifrovoj srede/Agentstvo "Polilog". 2015. URL: <http://www.polylog.ru/a/pdf/2015-06-09-vlogging-analysis.pdf> (data obrashheniya: 14.07.2020).
16. Sarancha M.A., Vapnyarskaya O.I. Fenomen detskogo turizma kak predmet klassifikatsii: problemy i osnovnye napravleniya // *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2018. T. 12. Vyp. 3. S. 39–49. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10303
17. Strel'nikova A. Peremeshheniya v prostranstvennykh koordinatakh bol'she, chem geograficheskaya mobil'nost' // *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 2014. T. 6. № 8. S. 30–35.
18. Filipova A. G., Ardalyanova A. YU., Abrosimova E. E. Videoblogging i sovremennye podrostki: opasnosti internet-prostranstva // *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoblogging-i-sovremennye-podrostki-opasnosti-internet-prostranstva> (data obrashheniya: 15.07.2020).
19. Filipova A. G., Kupryashkina E. A., Rakitina N. E.H. Faktory detskoj mobil'nosti v gorodskoj srede: po materialam ehkspertnykh interv'yu // *Nauchnyj zhurnal Diskurs*. 2018. № 11 (25). S. 203–215.
20. TSymbalenko S. B., Shheglova S. N. Kakie oni, podrostki devyanostykh? // *Vospitanie shkol'nikov*. 1996. № 1. S. 2–7.
21. Shpakovskaya L. L., Chernova Zh. V. Gorod, družhestvennyj sem'e: novoe publichnoe prostranstvo dlya detej i ikh roditel'ej // *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2017. № 2. S. 160–177.
22. Shheglova S. N. Opredelenie granits perekhoda ot detstva k molodosti i ot molodosti k vzroslosti // *Molodezh' 97: nadezhdy i razocharovaniya*. M.: NITS IM, 1997. S. 157–166.
23. Krappman L., Oswald H. *Alltag der Schulkinder*. Weinheim: Juventa, 1995. 146 s.

Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю. Маршруты оффлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ.

В статье обосновывается расширение факторов детской мобильности и включение темпорального фактора, связанного с характеристиками времени: возрастные дебюты перемещений, превращение отдельных эпизодов активностей в групповые маршруты, последовательность освоения объектов среды, влияние конкретно-исторической ситуации проживания. В самостоятельной мобильности выделяются три ареала перемещений (внутрисемейная, внесемейная и виртуальная мобильности). С опорой на авторское исследование 2018 года представляются темпоральные характеристики многих событий современного детства и описываются некоторые прогнозы и гипотезы взаимосвязи мобильности и взросления.

Ключевые слова: *детство, событие детства, детская мобильность, маршруты*

Mayorova-Scheglova S. N., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu. Routes of offline and online childhood life: event analysis.

The article substantiates the expansion of factors of children's mobility and the inclusion of a temporal factor associated with the characteristics of time: age-related debuts of movements, the transformation of individual episodes of activity into group routes, the sequence of development of environmental objects, the influence of the specific historical situation of residence. There are three areas of movements in independent mobility – intrafamily, extrafamily, and virtual mobility. Based on the author's study in 2018, the temporal characteristics of many events of modern childhood are presented and some forecasts and hypotheses of the relationship between mobility and growing up are described.

Key words: *childhood, childhood event, child mobility, route*

Для цитирования: Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю. Маршруты оффлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 21–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/21-34

For citation: Mayorova-Scheglova S. N., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu. Routes of offline and online childhood life: event analysis // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 21–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/21-34

УДК 327.7

Бухтиярова И. Н., Купряшкина Е. А.

Дорога в школу: разнообразие миров детства
(на материалах эмпирического исследования "Дети и пространства")

Введение

Мобильность как совокупность взаимосвязанных вариаций движения оказывает влияние на все сферы жизни человека, одновременно объединяя в себе категории знаний из ряда научных областей – психология, география, социология и др. Не исключением является и повседневная жизнь детей, передвижения которых имеют свою специфику. По определению Ansell, повседневная мобильность детей – это локальная, непосредственная, физическая, социальная и материальная связь между политическими, культурными и экономическими сетями всех масштабов [7]. ВОЗ под повседневной мобильностью понимает весь спектр физических движений повседневной жизни (Всемирная организация здравоохранения, 1998 г.) [28]. Маршруты, осуществляемые детьми в их повседневной жизни, характеристики мобильности, как то независимость, интенсивность, содержательность и мотивация, влияют на формирование личности ребенка, его социальное окружение, семейную жизнь, круг интересов и качество жизни в целом. Хотя, конечно, можно говорить и об обратном влиянии социального окружения ребенка на его мобильные практики.

Научный интерес к проблематике детской мобильности возник относительно недавно, этим изменениям способствовал «мобильный поворот», идейный фундамент которого заложил Дж. Урри. Согласно Дж. Урри, вся социальная жизнь происходит через взаимосвязанные пересекающиеся процессы, включающие различные типы движения: телесные перемещения людей; физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами; воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через различные печатные или визуальные носители информации; виртуальные путешествия [3]. Значительный вклад в изучение детства в этой парадигме внесли работы зарубежных ученых Prout [21], Lee and Motzkau [17], Ryan [23], и Kraftl [15] и др.

Главной идеей одного из ключевых подходов к исследованию детской мобильности является её независимость как возможность и разрешение для детей самостоятельно передвигаться по местности – пересекать большие дороги, пользоваться общественным транспортом и т.д. (M. Hillman, J. Adams, J. Whitelegg [13]; M. Kytta [14]; M. O'Brien, D. Jones, D. Sloan [18]). Свобода передвижения в отсутствие сопровождающих взрослых предполагает наибольшую физическую активность детей [25]. Кроме того, более независимые в отношении передвижения дети чаще играют со своими сверстниками, как в помещениях, так и на открытом воздухе [27]. Что касается когнитивного развития, то независимая мобильность помогает детям научиться картографированию и ориентации на местности, в пределах своего района и города

© Бухтиярова И. Н., Купряшкина Е. А., 2020

БУХТИЯРОВА Ирина Николаевна, канд. пед. наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. Ломоносова, кандидат педагогических наук (г. Москва). E-mail: ira_irina@mail.ru

КУПРЯШКИНА Евгения Алексеевна, канд. социол. наук педагог-психолог Академического колледжа Дальневосточного центра непрерывного образования (г. Владивосток). E-mail: zhenya.gorelowa@yandex.ru

[22]. С эмоциональной точки зрения, высокий уровень детской независимой мобильности способствует более эффективному выстраиванию социальных отношений со сверстниками [11] и с естественной средой [10]. Независимая мобильность также связана с более сильным чувством общности, снижением уровня тревожности и чувства одиночества, особенно в подростковом возрасте [20].

Одним из наиболее популярных исследовательских направлений в отношении изучения детской мобильности является исследование детского маршрута «дом – школа», например, Barker 2008 [9]; Hillman 2006 [14]; Sharpe and Tranter 2010 [26]; Schoeppe et al. 2013 [24]. В работе S. Schoepe, P. Tranter, M. J. Duncan, C. Curtis, A. Carver, K. Malone представлен вторичный анализ данных нескольких исследований детской независимой мобильности, проведенных в период с 1991 по 2012 гг. в Австралии [8]. Результаты исследования демонстрируют тенденцию усиления независимой мобильности детей в формах самостоятельных перемещений «дом – школа», самостоятельных использований общественного транспорта, самостоятельных переходов через главную дорогу. Аналогичные индикаторы независимой мобильности обнаруживаются в исследовании детских перемещений в Северной Ирландии (B. Brendan O’Keeffe, A. O’Beirne [19]).

С точки зрения детской мобильности, изучение маршрута «дом – школа» вносит важный вклад в общее понимание мобильности, включая изучение категорий сопровождающих (родители, братья и сестры, друзья, домашние животные), использование транспортных средств (общественного транспорта, личного автомобиля, в сопровождении взрослых или самостоятельно), возможностей применения средств активной мобильности (велосипеды, скейты, ролики и т.д.), транспортной политики города, особенностей инфраструктуры населенного пункта и т.д.

Цель и методы исследования

Целью исследования является выявление особенностей пространственных перемещений детей, проживающих в разных типах российских городов. В качестве основного маршрута повседневности рассматривается маршрут «дом – школа».

Методом исследования был выбран анкетный опрос. Структура анкеты представлена блоками вопросов: «Переезды и трудности», «Перемещения», «Населенный пункт», «Окружающий мир/ География», «Дорога в школу», «Путешествия», «Паспортичка», всего – 21 вопрос.

Для решения исследовательских задач, ограниченных рамками данной статьи, остановимся на характеристике одного раздела анкеты – «Дорога в школу», включающего 4 вопроса.

В исследовании приняли участие 2352 ребенка из 17 населенных пунктов разных типов 7 федеральных округов Российской Федерации, в том числе мальчиков – 46,7%, девочек – 50,4%. При построении выборки был использован случайный тип выборочной совокупности, применялся многоступенчатый кластерный метод построения выборки (отобраны населенные пункты, различные по размерам, представляющие разные федеральные округа, отобраны школы и классы). Объем выборочной совокупности после операции взвешивания соответствует процентному соотношению численности населения в каждом типе населенного пункта по федеральным округам, а также соотношению по среднему звену (5–9 кл.) и старшему звену (10–11 кл.) учащихся [2, 4]. Выбор населенных пунктов обоснован представительством каждого типа населенного пункта в 7 Федеральных округах РФ – Северо-Западном, Центральном, Дальневосточном, Южном, Сибирском, Уральском, Приволжском.

По возрастной структуре выборка формировалась из детей-учащихся школ с 5 по 11 класс, результаты распределились следующим образом: учеников 5 класса было опрошено 9,1%, 6 класса – 9,9%, 7 класса – 19,8%, 8 класса – 19,8%, 9 класса – 18,8%, 10 класса – 12,1% и учащихся 11 класса – 10,6% соответственно.

Для реализации целей исследования все населенные пункты, в которых проводился опрос, были отсортированы по размеру: село, малые города – численность населения до 50 тыс. чел.; средние города – с населением 50-100 тыс.

Таблица 1. Распределение респондентов по типам населенного пункта по численности населения.

Размер населенного пункта	Проценты
Крупнейший	25,3
Крупный	28,2
Большой	21,2
Средний	4,5
Малый	5,4
Село	15,4
Всего	100,0

Источник: составлено авторами

чел., большие – 100–250 тыс.чел, крупные – 250 тыс. – 1 млн.чел., крупнейшие – более 1 млн.чел.

Распределение участников исследования по населенным пунктам представлено в *таблице 1*.

Раздел анкеты «Дорога в школу» включал вопросы о том, каким способом ребенок добирается до школы, с кем, сколько времени тратится на дорогу.

Открытый вопрос «Что ты видишь по дороге в школу» требовал дополнительной кодировки. Места, упоминаемых детьми в описании, были разделены на 12 групп:

- достопримечательности / достопримечательные места (памятники, церковь, музеи, галереи, театр);
- учреждения социальной инфраструктуры (школы, вузы, детские сады, больница, поликлиники, дом творчества, спортшколы);
- дорожно-транспортная инфраструктура (дороги, тротуары, проспекты, транспорт, светофоры, пробки, пешеходные переходы, ГАИ, аэропорт, железнодорожные пути, мосты, фуникулер);
- торгово-развлекательные места (ТРЦ, кинотеатры, кафе, магазины, рынки, батутные центры, парк с аттракционами, океанариумы, зоопарки, цирк);
- общественные пространства (парки, прогулочные зоны, скверы, набережные, места для активностей, детские площадки, стадионы, спортивные площадки, фонтаны);
- физическая нецивилизованность (заброшенные / недостроенные здания, грязь, свалки, битые окна, граффити, открытые люки, грязные подъезды);
- социальная нецивилизованность (бродяги, гопники, попрошайки, наркоманы, алкоголики, бродячие животные);
- здания и постройки функционирующие (дома, гаражи, придомовые постройки, дача);
- природные места (река, мыс, море, лес, бухта, поля, сад);
- люди и животные;
- другое;
- производственный фактор (заводы, промышленные предприятия, военные объекты).

Результаты и их обсуждение

Описание маршрута «дом – школа». В *таблицах 2–6* представлено описание результатов исследования в отношении особенностей перемещения детей до школы – продолжительность пути, способ преодоления расстояния «дом – школа», наличие сопровождающих в зависимости от пола, возраста и типа населенного пункта.

Таблица 2. Сопряженность времени, затрачиваемого на дорогу в школу, и типа населенного пункта

Время до школы	Тип населенного пункта по численности населения					
	крупнейший	крупный	большой	средний	малый	село
Менее 5 минут	21,5%	21,0%	29,5%	37,9%	28,8%	33,9%
6-15 минут	41,1%	48,9%	49,5%	36,8%	54,8%	52,3%
16-30 мин	19,8%	24,4%	17,0%	18,9%	16,3%	11,2%
31-45 минут	9,0%	3,9%	2,7%	6,3%	0,0%	2,0%
Более 45 минут	8,7%	1,8%	1,1%	0,0%	0,0%	0,7%

Источник: составлено авторами

В *таблице 2* представлена сопряженность длительности перемещения по маршрут «дом – школа» и типа населенного пункта.

Как видно из *таблицы 2*, большая часть опрошенных из всех населенных пунктов проводят в пути от 6 до 15 минут. При этом, в крупнейших городах таких ответов – 41,1%, в крупных – 48,9%, в больших – 49,5%, в средних – 36,8%, в малых – 54,8%, в сёлах – 52,3%. На втором месте по частоте выборов во всех типах населенных пунктов вариант «менее 5 минут». Здесь стоит отметить, что средних и малых городах, а также в селах дети тратят на дорогу до школы времени меньше, чем в более крупных населенных пунктах. А варианты ответов «более 31 минут» и «более 45 минут» чаще остальных выбирали участники исследования из крупнейших и крупных городов, что связано с большими расстояниями, возможностью выбора специализированных школ – гимназий, лицеев. Гипотеза о том, что удаленность зависит от типа населенного пункта подтвердилась (уровень значимости $\alpha=0$, коэффициент корреляции $r = -0,108$) чем меньше город, тем меньше дети времени тратят на дорогу до школы.

Можно предположить, что удаленность зависит от класса (уровень значимости $\alpha=0,026$) – чем меньше класс, тем меньше дети времени тратят на дорогу до школы, но зависимость очень слабая (коэффициент корреляции = $-0,095$). В целом учащиеся всех классов чаще всего тратят на дорогу в школу от 16 до 30 минут (см. *таблицу 3*). Вариант ответа «35–45 минут» чаще встречается у учащихся старших классов.

Статистически значимой связи длительности пути в школу и пола респондента не выявлено. На первом месте, как у мальчиков (46,4%), так и у девочек (48,3%) вариант ответа «6-15 минут», на втором – «менее 5 минут» (у

Таблица 3. Сопряженность времени, затрачиваемого на дорогу в школу, и класса респондента

Время до школы	Класс						
	5	6	7	8	9	10	11
Менее 5 минут	25,1%	21,3%	25,4%	28,0%	26,2%	23,3%	31,3%
6-15 минут	45,4%	53,5%	47,9%	48,0%	47,2%	41,1%	47,6%
16-30 мин	19,1%	17,8%	21,0%	16,6%	20,5%	22,0%	13,9%
31-45 минут	6,0%	5,4%	2,7%	3,7%	3,7%	8,5%	6,3%
Более 45 минут	4,4%	2,0%	2,9%	3,7%	2,4%	5,1%	1,0%

Источник: составлено авторами

Таблица 4. Сопряженность способов, которыми респондент добирается до школы, и типа населенного пункта

Каким способом добираться до школы	Тип населенного пункта по численности населения					
	Крупнейший	Крупный	Большой	Средний	Малый	Село
Пешком	64,5%	52,7%	73,4%	79,6%	73,9%	71,5%
На общественном транспорте	15,6%	25,3%	16,8%	9,7%	18,5%	14,2%
На машине	19,8%	22,0%	9,8%	10,7%	7,6%	14,2%

Источник: составлено авторами

мальчиков 26,8%, у девочек 25%), на третьем месте – вариант «16-30 минут» (у мальчиков 19,3%, у девочек 18,9%).

Большая часть всех опрошенных добирается до школы пешком (62,1%). Автомобиль и общественный транспорт используют практически равное количество респондентов (15,6% и 17,4% соответственно).

В *таблице 4* представлена сопряженность типа населенного пункта и способа, которым респондент добирается до школы. Участники исследования из крупнейших и крупных городов реже ходят в школу пешком, чаще используют общественный транспорт и ездят до школы на автомобиле с родителями, нежели чем жители больших, средних, малых городов, а также сёл. Гипотеза о том, что способ добраться до школы зависит от размера населенного пункта подтвердилась (уровень значимости $\alpha=0,00$) – чем меньше населенный пункт, тем чаще дети ходят пешком до школы, но зависимость очень слабая (коэффициент корреляции = $-0,108$).

Исходя из данных, представленных в *таблице 5*, видна зависимость между способом, которым дети добираются до школы, и возрастом детей. Чем младше дети, тем чаще их возят на машине в школу. Однако зависимость слабая (коэффициент корреляции = $-0,095$). Ученики старших классов чаще отмечали, что ходят в школу пешком (для сравнения в 5 классе – 58,8%, в 11 классе – 63,2). Кроме того, старшеклассники чаще используют общественный транспорт (в 5 классе таких ответов 10,1%, а в 11 уже в 2 раза больше – 24,1%). Описываемая зависимость, с одной стороны, связана с опасениями родителей и их неготовностью отпускать детей без сопровождения до определенного возраста, а с другой, с овладением детьми по мере взросления необходимыми навыками – принимать решения, вступать в контакт с незнакомыми людьми, выбрать наиболее удобный маршрут, использовать различные gps-устройства и т.д.

В *таблице 6* приведены данные, связанные с наличием/ отсутствием у детей-участников исследования компаньонов по пути в школу. Для проведения корреляционного анализа мы перекодировали вопрос, объединив в одну категорию братьев, сестер и сверстников, в другую – родителей и других взрослых.

Таблица 5. Сопряженность способов, которыми респондент добирается до школы, и класса

Каким способом добираться до школы	КЛАСС						
	5	6	7	8	9	10	11
Пешком	58,8%	54,1%	66,6%	72,5%	68,2%	64,2%	63,2%
На общественном транспорте	10,1%	17,9%	18,4%	14,0%	20,9%	23,3%	24,1%
На машине	31,2%	28,0%	15,0%	13,5%	10,9%	12,5%	12,7%

Источник: составлено авторами

Таблица 6. Сопряженность компаньонов, с которыми респондент добирается до школы, и класса

С кем ты добираться до школы	Класс						
	5	6	7	8	9	10	11
Один	36,1%	55,0%	51,7%	54,0%	59,8%	60,5%	62,1%
Братья, сестры и сверстники	34,6%	18,0%	32,6%	34,0%	28,7%	26,6%	29,4%
Родители и другие взрослые	29,3%	27,0%	15,6%	11,9%	11,5%	12,9%	8,4%

Источник: составлено авторами

лых. В результате были полученные данные: более половины всех опрошенных добираются до школы в одиночку (51%), около 28% – в компании братьев, сестер и сверстников, а 14,5% – со взрослыми.

Сравнение компаньонов перемещений с возрастом ребенка демонстрирует следующую закономерность – наличие сопровождающего по пути в школу зависит от класса (см. таблицу 6). Чем старше ребенок, тем чаще он ходит в школу один (уровень значимости $\alpha=0,00$; коэффициент корреляции $r=-0,154$)

Начиная с 9 класса, частота выбора варианта «хожу в школу один» увеличивается, для сравнения – только 36,1% пятиклассников ходят в школу в одиночку, в то время как среди одиннадцатиклассников таких более 62%. Кроме того, значительные различия можно отметить в отношении сопровождения школьников взрослыми – после 7-го класса количество детей, добирающихся с родителями или другими взрослыми, заметно снижается, а в между 5-м и 11-м классами разница в частоте выбора варианта ответа «со взрослыми» составила 3,5 раза.

Что видят дети по дороге в школу

Как было отмечено ранее, респондентам задавался открытый вопрос о том, что они видят по дороге в школу. Ответы детей были разделены на 12 групп. Значительно чаще других респонденты указывали дорожно-транспортную инфраструктуру (22,1%), а также здания и функционирующие постройки (20,9%), далее со значительным отрывом следуют люди и животные (12,9%), природные места (11,3%), торгово-развлекательные места (10,6%), учреждения социальной инфраструктуры (школы, детские сады, медучреждения) – 8,7%, общественные пространства (парки, набережные и др.) – 5,3%, физическая нецивилизованность – 3,6%, социальная нецивилизованность – 1,8%, достопримечательности – 1,4%, производственный фактор – 0,5%. 1,8% респондентов выбрали другие варианты ответов. Среди эти ответов: «ничего особого», «ничего интересного». Для некоторых ребят дорога в школу неразрывно связана с телефоном – «глядя в экран смартфона», «экран телефона, смартфона». Также респонденты часто описывали не дорогу, а свое состояние – «я сплю (сны)» «сны, обычно я сплю», «безысходность», «грусть и тоску», «тлен и безысходность», «уныние», «темноту и мутность», «все скучно и однообразно». Были указаны и такие ответы, как «иногда смотрю на небо, когда облаков нет», «по дороге пытаюсь рассчитать, когда или в какое время зайду в школу», «плакаты и баннеры» и др.

Сопряженность объектов, встречаемых респондентами по дороге в школу, с полом респондентов представлена в таблице 7. У мальчиков первые три позиции занимают – дорожно-транспортная инфраструктура (22,3%), здания и функционирующие постройки (20,1%), люди и животные (14,5%). У девочек распределение выглядит следующим образом: здания и функционирующие постройки (21,5%), дорожно-транспортная инфраструктура (20,0%), природные места (12,3%). Отметим также, что общественные пространства, природные и торгово-развлекательные места чаще указывали девочки, мальчики же больше девочек обращали внимание на достопримечательности и производственный фактор.

Таблица 7. Сопряженность объектов, встречаемых респондентом по дороге в школу, и пола респондента

Объекты	Пол	
	Мужской	Женский
Достопримечательности	1,8%	1,2%
Учреждения социальной инфраструктуры	8,4%	9,0%
Дорожно-транспортная инфраструктура	22,3%	20,0%
Торгово-развлекательные места	10,2%	11,1%
Общественные пространства	4,2%	6,1%
Физическая нецивилизованность	3,7%	3,6%
Социальная нецивилизованность	2,0%	1,6%
Здания и постройки функционирующие	20,1%	21,5%
Природные места	10,0%	12,3%
Люди и животные	14,5%	11,8%
Другое	2,3%	1,3%
Производственный фактор	0,6%	0,4%

Источник: составлено авторами

Далее было посчитано количество категорий объектов, встречаемых по дороге в школу девочками и мальчиками. Девочки отмечают больше встречаемых по дороге в школу категорий объектов, чем мальчики. Так, среди мальчиков одну категорию указало наибольшее количество респондентов – 36%, среди девочек лидирует показатель в 2 объекта – 29,6%. Выявлена слабая корреляционная зависимость между полом и количеством отмеченных категорий, (уровень значимости $\alpha=0$, коэффициент корреляции $r=0,136$) (см. таблицу 8).

Сравнивая объекты, наблюдаемые по дороге в школу, с возрастом участников опроса (см. таблицу 9), можно сделать вывод о том, что природные

Таблица 8. Количество категорий объектов, встречаемых по дороге в школу, указанных девочками и мальчиками

Кол-во категорий объектов	В18. ПОЛ	
	Мужской в %	Женский в %
0	7,4%	4,3%
1	36,0%	24,9%
2	26,0%	29,6%
3	19,2%	23,7%
4	8,6%	12,6%
5	2,8%	5,0%
Всего	100,0%	100,0%

Источник: составлено авторами

Таблица 9. Сопряженность объектов, встречаемых респондентом по дороге в школу, и класса респондента

Объекты, встречаемые респондентом по дороге в школу	Класс							Всего
	5	6	7	8	9	10	11	
Достопримечательности	10,0%	7,1%	28,6%	18,6%	22,9%	11,4%	1,4%	100%
	1,6%	1,2%	1,9%	1,3%	1,8%	1,3%	0,2%	
Учреждения социальной инфраструктуры	7,5%	6,3%	20,0%	22,7%	19,3%	12,8%	11,6%	100%
	7,2%	6,1%	7,7%	9,8%	9,2%	8,5%	11,0%	
Дорожно-транспортная инфраструктура	10,6%	9,1%	20,6%	19,7%	18,4%	13,1%	8,6%	100%
	25,2%	21,5%	19,4%	20,8%	21,5%	21,2%	20,0%	
Торгово-развлекательные места	9,7%	12,8%	25,4%	20,9%	14,3%	11,6%	5,2%	100%
	11,7%	15,5%	12,2%	11,2%	8,5%	9,6%	6,2%	
Общественные пространства	6,3%	8,3%	24,8%	18,9%	16,1%	15,7%	9,8%	100%
	3,7%	4,9%	5,9%	5,0%	4,7%	6,4%	5,7%	
Физическая нецивилизованность	8,5%	5,7%	20,5%	21,6%	21,0%	8,0%	14,8%	100%
	3,5%	2,3%	3,3%	3,9%	4,3%	2,2%	6,0%	
Социальная нецивилизованность	5,7%	2,3%	29,9%	21,8%	13,8%	19,5%	6,9%	100%
	1,2%	0,5%	2,4%	2,0%	1,4%	2,7%	1,4%	
Здания и постройки функционирующие	8,8%	8,6%	21,6%	19,4%	18,3%	13,5%	9,7%	100%
	20,7%	20,4%	20,3%	20,4%	21,2%	21,7%	22,5%	
Природные места	10,3%	9,7%	24,0%	18,5%	16,3%	12,1%	9,2%	100%
	13,1%	12,4%	12,2%	10,5%	10,3%	10,5%	11,5%	
Люди и животные	6,8%	9,2%	22,3%	18,3%	20,9%	14,3%	8,1%	100%
	10,0%	13,6%	13,0%	11,9%	15,1%	14,4%	11,7%	
Другое	9,4%	8,2%	15,3%	24,7%	15,3%	10,6%	16,5%	100%
	1,9%	1,6%	1,2%	2,2%	1,5%	1,4%	3,2%	
Производственный фактор	4,3%	0,0%	21,7%	43,5%	17,4%	4,3%	8,7%	100%
	0,2%	0,0%	0,5%	1,0%	0,5%	0,2%	0,5%	
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	

Источник: составлено авторами

места по дороге в школу склонны замечать дети младшего возраста (5 класс – 13,1%, 6 класс – 12,4%, 7 класс – 12,2%), эта же возрастная группа чаще упоминает торгово-развлекательные места (5 класс – 11,7%, 6 класс – 15,5%, 7 класс – 12,2%). Старшие школьники чаще пишут о том, что встречаются на своем пути в школу здания и функционирующие постройки (11 класс – 22,5%, 10 класс – 21,7%, 9 класс – 21,2%), также отмечают признаки физической нецивилизованности (11 класс – 6%) и учреждения социальной инфраструктуры (11 класс – 11%).

Была выявлена слабая зависимость между классом респондентов и количеством отмеченных объектов: чем младше ребенок, тем больше он замечает категорий (уровень значимости $\alpha=0$, коэффициент корреляции $r=-0,041$)

Чаще всего учащиеся всех классов, за исключением 7-го и 10-го, указывали по 1 объекту. Самыми внимательными оказались ученики 5 класса,

Таблица 10. Сопряженность количества указанных объектов, встречаемых респондентом по дороге в школу, и класса респондента

Количество объектов, встречаемых по дороге в школу	Класс						
	5	6	7	8	9	10	11
0	5,3%	7,6%	4,4%	8,4%	5,6%	2,9%	9,5%
1	31,4%	35,1%	22,8%	27,7%	35,3%	25,7%	39,4%
2	30,0%	28,0%	28,4%	24,6%	28,0%	33,3%	23,7%
3	20,8%	20,0%	24,8%	25,0%	17,1%	20,3%	18,7%
4	9,2%	8,0%	13,3%	10,6%	9,8%	14,9%	5,8%
5	3,4%	1,3%	6,2%	3,8%	4,2%	2,9%	2,9%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источник: составлено авторами

Таблица 10. Сопряженность объектов, встречаемых респондентом по дороге в школу, и типа населенного пункта

Объекты, встречаемые респондентом по дороге в школу	Тип населенного пункта по численности населения					
	Крупнейший	Крупный	Большой	Средний	Малый	Село
Достопримечательности	2,5%	1,6%	0,2%	2,6%	0,0%	1,0%
Учреждения социальной инфраструктуры	8,0%	7,4%	9,2%	11,1%	7,2%	10,9%
Дорожно-транспортная инфраструктура	22,9%	21,8%	20,9%	21,3%	24,2%	16,0%
Торгово-развлекательные места	9,6%	11,5%	11,3%	9,8%	7,8%	11,0%
Общественные пространства	6,3%	3,7%	4,5%	7,7%	3,3%	7,2%
Физическая нецивилизованность	3,6%	1,8%	4,5%	1,7%	7,8%	5,1%
Социальная нецивилизованность	1,4%	1,7%	2,9%	1,3%	1,3%	1,3%
Здания и постройки функционирующие	19,5%	23,9%	20,6%	22,1%	13,1%	19,8%
Природные места	9,7%	12,4%	9,5%	11,5%	3,3%	16,6%
Люди и животные	13,8%	12,5%	15,1%	5,5%	26,1%	8,7%
Другое	1,9%	1,2%	1,1%	3,0%	5,9%	2,4%
Производственный фактор	0,7%	0,5%	0,2%	2,6%	0,0%	0,0%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источник: составлено авторами

отметившие больше всех среди других классов объектов по дороге в школу (5 объектов – 6,2%). 14,9% 9-классников указали 4 объекта. (см. таблицу 10).

Далее рассмотрим влияние размера населенного пункта на виды встречаемых ребенком по дороге в школу объектов (см. таблицу 11). Достопримечательности по дороге в школу отмечали чаще всего жители средних (2,6 %),

Таблица 12. Сопряженность количества объектов, встречаемых респондентом по дороге в школу, и типа населенного пункта

Количество категорий объектов, встречаемых по дороге в школу	Тип населенного пункта по численности населения					
	Крупнейший	Крупный	Большой	Средний	Малый	Село
0	2,7%	8,1%	9,2%	3,8%	21,9%	6,3%
1	27,7%	32,9%	24,2%	30,5%	52,3%	28,7%
2	27,2%	29,4%	25,7%	29,5%	15,6%	29,8%
3	23,2%	19,5%	24,6%	20,0%	6,3%	21,2%
4	13,6%	7,8%	11,8%	6,7%	2,3%	11,8%
5	5,5%	2,3%	4,4%	9,5%	1,6%	2,2%

Источник: составлено авторами

крупнейших (2,5 %) и крупных (1,6%) городов. Жителями малых, крупнейших и крупных городов также выделена дорожно-транспортная инфраструктура (24,2%, 22,9% и 21,8% соответственно). Природные места указывали ребята из сельской местности (16,8%), крупных (12,4%) и средних (11,5%) городов. А вот на признаки социальной нецивилизованности чаще обращают внимание дети – жители больших, крупных и крупнейших городов (2,9%, 1,7%, 1,4% соответственно).

В таблице 12 представлена сопряженность размера населенного пункта и количества наблюдаемых ребенком объектов по дороге в школу. В результате корреляционного анализа выявлено, что чем больше город, тем, разнообразнее дорога в школу (уровень значимости $\alpha=0$, коэффициент корреляции $r=-0,80$).

Самой интересной дорога в школу оказывается у детей из средних городов (9,5%), которые указывают 5 объектов, наблюдаемых по пути, невнимательными или не отмечающими никаких интересных объектов, согласно исследованию, стали дети-жители малых городов – 21,9%. Жители малых городов чаще жителей других населенных пунктов выбирали один объект, реже – два и более.

Заключение

Изучение разнообразия маршрутов детской повседневности характеризует значительные изменения в представлениях о мобильности, детстве, важности свободы выбора маршрутов, компаньонов и способов, с помощью которых дети перемещаются в различных пространственных, географических и социальных контекстах. Выявление особенностей повседневных перемещений в направлении «дом – школа» позволяет не только определить этот уровень необходимой для всестороннего развития личности свободы, но и описать наполненность впечатлениями, коммуникациями, приключениями и разнообразием жизни ребенка.

Выводы, полученные в ходе исследования, демонстрируют различное описание пути в школу участников исследования, так, жители более крупных населенных пунктов проводят в пути больше времени, при этом реже ходят пешком, чаще используют общественный транспорт и чаще замечают признаки социальной нецивилизованности в своём городе. Ученики младших классов оказались более внимательными по дороге в школу и быстрее других в осуществлении этого маршрута, однако чаще с использованием личного транспорта в сопровождении родителей. А по мере взросления увеличивается количество перемещений до школы в одиночку. Девочки в сравнении с мальчиками по пути в школу чаще замечают общественные пространства, природные и торгово-развлекательные места. Мальчики оказались менее внимательными и чаще отмечают достопримечательности и производственный фактор.

Возрастание интереса к исследованиям в данном направлении, широкие дискуссии в рамках изучения мобильности, географии детства и социальных исследований детства закладывает значимую теоретическую и концептуальную основу для дальнейшего улучшения понимания детей и молодежи.

Литература

1. Бухтиярова И. Н., Купряшкина Е. А. Дети и место жительства: особенности использования социогеографического подхода (по результатам эмпирического исследования) // Комплексные исследования детства. 2019. № 3. Т. 1. С. 200–211.
2. Города России. Численность населения. [Электронный ресурс] Режим доступа (URL): <https://gorodarus.ru> (дата обращения 21.06.2020).
3. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2012. 336 с.
4. Федеральная служба Госстатистики. [Электронный ресурс] Режим доступа (URL): <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 21.06.2020).
5. Филипова А. Г., Ракитина Н. Э., Купряшкина Е. А. Новые исследовательские ориентации в социологии детства // Социологические исследования. 2018. № 3 (407). С. 86–93.
6. Филипова А. Г., Ракитина Н. Э. Городская "доброжелательность" к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды (на материалах городов юга Дальнего Востока). Владивосток : Изд-во Даль-невост. федерал. ун-та. 2017. 188 с.
7. Ansell N. Childhood and the politics of scale: Descaling children's geographies? // Progress in Human Geography. 2009. 33(2). P. 190–209.
8. Australian children's independent mobility levels: secondary analyses of cross-sectional data between 1991 and 2012. S. Schoepe, P. Tranter, M. J. Duncan [et al.] // Children's Geographies. 2016. Vol. 14. Iss. 4. P. 408–421.
9. Barker J. Men and motors? Fathers' involvement in children's travel // Early Child Development and Care. 2008. 178(7–8). P. 853–866.
10. Bixler R. D., Floyd M. F., Hammitt W. E. Environmental socialization: quantitative tests of the childhood play hypothesis // Environment and behaviour. 2002. Vol. 34. Iss. 6. P. 795.
11. Children in danger: coping with the consequences of community violence. J. Garbarino, N. Dubrow, K. Kostelny [et al.]. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publishers. 1992. 276 p.
12. Groves B. M. Growing up in a violent world: the impact of family and community violence on young children and their families // Topics in early childhood special education. 1997. Vol. 17. Iss. 1. P. 74–102.
13. Hillman M., Adams J., Whitelegg J. One false move... A study of children's independent mobility. London: PSI Publishing. 1990. 196 p.
14. Hillman M. Children's rights and adults' wrongs // Children's Geographies. 2006. 4(1). P. 61–67.
15. Kraftl P. Beyond 'voice', beyond 'agency', beyond 'politics'? Hybrid childhoods and some critical reflections on children's emotional geographies // Emotion Space and Society. 2013. 9. P. 13–23.
16. Kytta M. Children's independent mobility in urban, small town, and rural environments // Growing up in a changing urban landscape. ed. by R. Camstra. Assen: Royal Van Gorcum. 1997. P. 41–52.
17. Lee N., Motzkau J. Navigating the bio-politics of childhood // Childhood. 2011. 11(7). P. 7–19.
18. O'Brien M., Rustin M., Jones D. and Sloan D. 'Children's Independent Spatial Mobility in the Urban Public Realm' Childhood // A Global Journal of Child Research (Special issue of children's geographies). 2000. Vol 7(3). P. 257–277.
19. O'Keeffe B., O'Beirne, A. Children's independent mobility on the island of Ireland. Limerick: Mary Immaculate College. 2014. 2 p. URL: <http://www.mic.ul.ie/childmobility/Documents/Didyouknow.pdf> (дата обращения: 22.03.2017).
20. Prezza M., Pacilli M. G. Current fear of crime and sense of community and loelness in Italian adolescents: the role of autonomous mobility and play during childhood // Journal of community psychology. 2007. Vol. 35. Iss. 2. P. 151–170.
21. Prout A. The future of childhood. Oxon. New York: RoutledgeFalmer. 2005
22. Rissotto A., Tonucci F. Freedom of movement and environmental knowledge in elementary school // Journal of environmental psychology. 2002. Vol. 22. P. 65–77.
23. Ryan K. The new wave of childhood studies: Breaking the grip of bio-social dualism? // Childhood. 2012. 20. P. 297–306.
24. Schoeppe S., Duncan M., Badland H., Oliver M., & Curtis C. Associations of children's independent mobility and active travel with physical activity, sedentary

behaviour and weight status: A systematic review // *Journal of Science and Medicine in Sport*. 2013. 16. P. 312–319.

25. Setting children free: children's independent movement in the local environment. R. Mackett, B. Brown, Y. Gong [et al.]. London. 2007. 13 p. (UCL CASA. Working paper series; paper 118. March 07). URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/3474/1/3474.pdf> (дата обращения: 12.04.2017).

26. Sharpe S., Tranter P. The hope for oil crisis: Children, oil vulnerability and (in) dependent mobility // *Australian Planner*. 2010. 47(4). P. 284–292.

27. The influence of psychosocial and environmental factors on children's independent mobility and relationship to peer frequentation. M. Prezza, S. Pilloni, C. Morabito [et al.] // *Journal of community & Applied social psychology*. 2001. Vol. 11. P. 435–450.

28. World Health Organization. Promoting active living in and through schools: Policy statement and guidance for action. Report of a WHO meeting. Esbjerg, 1998.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bukhtiyarova I. N., Kupryashkina E. A. Deti i mesto zhitel'stva: osobennosti ispol'zovaniya sotsiogeograficheskogo podkhoda (po rezul'tatam ehmpiricheskogo issledovaniya) // *Kompleksnye issledovaniya detstva*. 2019. № 3. T. 1. S. 200–211.

2. Goroda Rossii. Chislennost' naseleniya. [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa (URL): <https://gorodrus.ru> (data obrashheniya 21.06.2020).

3. Urri Dzh. Sotsiologiya za predelami obshhestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M.: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2012. 336 s.

4. Federal'naya sluzhba Gosstatistiki. [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa (URL): <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (data obrashheniya 21.06.2020).

5. Filipova A. G., Rakitina N. E.H., Kupryashkina E. A. Novye issledovatel'skie orientatsii v sotsiologii detstva // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. № 3 (407). S. 86–93.

6. Filipova A. G., Rakitina N. E.H. Gorodskaya "dobrozhelatel'nost'" k detyam: ot neravenstva k souchastvuyushhemu proektirovaniyu gorodskoj sredy (na materialakh gorodov yuga Dal'nego Vostoka). Vladivostok : Izd-vo Dal'-nevost. federal. un-ta, 2017. 188 s.

7. Ansell N. Childhood and the politics of scale: Descaling children's geographies? // *Progress in Human Geography*. 2009. 33(2), P. 190–209.

8. Australian children's independent mobility levels: secondary analyses of cross-sectional data between 1991 and 2012. S. Schoepe, P. Tranter, M. J. Duncan [et al.] // *Children's Geographies*. 2016. Vol. 14, Iss. 4. P. 408–421.

9. Barker J. Men and motors? Fathers' involvement in children's travel // *Early Child Development and Care*. 2008. 178(7–8), P. 853–866.

10. Bixler R. D., Floyd M. F., Hammitt W. E. Environmental socialization: quantitative tests of the childhood play hypothesis // *Environment and behaviour*. 2002. Vol. 34, Iss. 6. P. 795.

11. Children in danger: coping with the consequences of community violence. J. Garbarino, N. Dubrow, K. Kostelny [et al.]. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publishers, 1992. 276 p.

12. Groves B. M. Growing up in a violent world: the impact of family and community violence on young children and their families // *Topics in early childhood special education*. 1997. Vol. 17, Iss. 1. P. 74–102.

13. Hillman M., Adams J., Whitelegg J. One false move... A study of children's independent mobility. London: PSI Publishing, 1990. 196 p.

14. Hillman M. Children's rights and adults' wrongs // *Children's Geographies*. 2006. 4(1). P. 61–67.

15. Kraftl P. Beyond 'voice', beyond 'agency', beyond 'politics'? Hybrid childhoods and some critical reflections on children's emotional geographies // *Emotion Space and Society*. 2013. 9. R. 13–23.

16. Kytta M. Children's independent mobility in urban, small town, and rural environments // *Growing up in a changing urban landscape*. ed. by R. Camstra. Assen: Royal Van Gorcum, 1997. P. 41–52.

17. Lee N., Motzkau J. Navigating the bio-politics of childhood // *Childhood*. 2011. 11(7), P. 7–19.

18. O'Brien M., Rustin M., Jones D. and Sloan D. 'Children's Independent Spatial Mobility in the Urban Public Realm' *Childhood // A Global Journal of Child Research (Special issue of children's geographies)*. 2000. Vol 7(3). R. 257–277.

19. O'Keeffe B., O'Beirne, A. Children's independent mobility on the island of Ireland. Limerick: Mary Immaculate College, 2014. 2 p. URL: <http://www.mic.ul.ie/childmobility/Documents/Didyouknow.pdf> (data obrashheniya: 22.03.2017).

20. Prezza M., Pacilli M. G. Current fear of crime and sense of community and loeliness in Italian adolescents: the role of autonomous mobility and play during childhood // *Journal of community psychology*. 2007. Vol. 35, Iss. 2. P. 151–170.

21. Prout A. The future of childhood. Oxon. New York: RoutledgeFalmer, 2005

22. Rissotto A., Tonucci F. Freedom of movement and environmental knowledge in elementary school // *Journal of environmental psychology*. 2002. Vol. 22. P. 65–77.
23. Ryan K. The new wave of childhood studies: Breaking the grip of bio-social dualism? // *Childhood*. 2012. 20. R. 297–306.
24. Schoeppe S., Duncan M., Badland H., Oliver M., & Curtis C. Associations of children's independent mobility and active travel with physical activity, sedentary behaviour and weight status: A systematic review // *Journal of Science and Medicine in Sport*. 2013. 16. R. 312–319.
25. Setting children free: children's independent movement in the local environment. R. Mackett, B. Brown, Y. Gong [et al.]. London, 2007. 13 p. (UCL CASA. Working paper series; paper 118, March 07). URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/3474/1/3474.pdf> (data obrasheniya: 12.04.2017).
26. Sharpe S., Tranter P. The hope for oil crisis: Children, oil vulnerability and (in) dependent mobility // *Australian Planner*. 2010. 47(4). P. 284–292.
27. The influence of psychosocial and environmental factors on children's independent mobility and relationship to peer frequentation. M. Prezza, S. Pilloni, C. Morabito [et al.] // *Journal of community & Applied social psychology*. 2001. Vol. 11. P. 435–450.
28. World Health Organization. Promoting active living in and through schools: Policy statement and guidance for action. Report of a WHO meeting, Esbjerg, 1998.

Бухтиярова И. Н., Купряшкина Е. А. Дорога в школу: разнообразие миров детства (на материалах эмпирического исследования "Дети и пространства").

В статье представлено эмпирическое исследование пространственных перемещений детей, опираясь на основные теоретические и методологические аспекты изучения детской повседневности. В основе описания особенностей детской мобильности заложено изучение маршрута "дом – школа", а также сравнительный анализ детских перемещений по полу, возрасту и типу населенного пункта, характеризующий содержательность и независимость детской мобильности.

Ключевые слова: *мобильность, детская мобильность, детская повседневность, маршрут "дом – школа".*

Bukhtiyarova I. N., Kupryashkina E. A. The road to school: the diversity of childhood worlds (based on the empirical study "Children and Spaces").

The article presents an empirical study of the spatial movements of children, based on the key theoretical and methodological aspects of the study of children's everyday life. The description of the features of children's mobility is based on the study of the "home – school" route, as well as a comparative analysis of children's movements by gender, age and type of settlement, which characterizes the content and independence of children's mobility.

Key words: *mobility, children's mobility, daily routine, home – school route*

Для цитирования: Бухтиярова И. Н., Купряшкина Е. А. Дорога в школу: разнообразие миров детства (на материалах эмпирического исследования "Дети и пространства") // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 35–47. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/35-47

For citation: Bukhtiyarova I. N., Kupryashkina E. A. The road to school: the diversity of childhood worlds (based on the empirical study "Children and Spaces") // *Ojkumena. Regional researches*. 2020. № 3. P. 35–47. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/35-47

Городское и сельское пространства в представлении детей: по материалам географических сочинений

Введение

В современном мире увеличивается число городских жителей, в том числе детей до 18 лет. Согласно представлению взрослых, город – враждебная для мира детства среда, включающая различные риски и вызовы. Взгляд детей на городскую жизнь отличается от взрослого. Через выбранные ими любимые места можно проанализировать восприятие географического пространства и существующие социально-экономические факторы неравенства, а также представления о том, каким должен быть удобный и дружелюбный город/село по отношению к детям. При этом ребенок выступает как активный субъект. Согласно концепции "лестницы участия", на разных уровнях дети могут вовлекаться в городские процессы, становиться активными участниками различных проектов и программ [12].

Пространственные характеристики мест, их оценка изучаются в русле нового междисциплинарного направления – географии детства, сформировавшегося на стыке гуманитарной географии и социальных исследований детства [6]. В рамках социогеографического подхода исследователями изучаются вопросы детско-подростковых мобильностей в городской и сельской средах, в том числе с использованием разных средств перемещений (велосипеды, ролики, скейты, общественный транспорт и пр.), взаимодействия детей и природных/социально-культурных объектов, участия детей в преобразовании среды.

Стимулами для развития географии детства, согласно Клэр Фриман, стало "изгнание детей из общественных пространств", "ограничение доступности для детей свободной игры на свежем воздухе вне присмотра взрослых", "затянувшаяся зависимость детей от взрослых" [11]. То есть география детства помимо пространственного взгляда на детей вовлечена в отстаивание субъектности ребенка, его права на выражение собственного мнения, в т.ч. в сфере городского планирования, окружающей среды и других.

Проблемы организации пространства детской повседневности тесно связаны с проблемой социального неравенства позиций детей в реализации возможностей жизнеобеспечения и развития, внутренние индикаторы которого показывают дифференциацию по уровню социально-экономического и культурно-образовательного семейного капитала, а также территории проживания детей [7].

Через сопоставление текстов сочинений детей, проживающих в мегаполисах, крупных, средних, малых городах и селе, можно выявить стратифицированность детского сообщества, множественности миров детства. На территории своего проживания дети совершенствуют навыки пространственной ориентации и имеют больше возможностей для демонстрации собственной субъектности, что также является актуальным направлением социологических исследований.

© Зубова О. Г., 2020

ЗУБОВА Оксана Геннадьевна, канд. полит. наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва). E-mail: zubovaoksana@bk.ru

Методология

Для сбора эмпирических данных был выбран метод сочинения, предоставляющий детям возможность, описать свое любимое место в городе/ селе по краткому плану: чем это место нравится, где оно расположено, как часто и с кем там бывает, что делает.

Сочинение как метод сбора данных редко встречается в социологических исследованиях, так как сложно собирать, обрабатывать и интерпретировать полученные данные [1]. Но в исследованиях с участием детей, он представляет богатый материал для изучения структуры сознания личности, особенностей социальных представлений и ценностей, а также эмоциональных реакций, сама форма сочинения является удобной для сбора данных, позволяет более гибко и творчески подходить к решению поставленных задач. Кроме того, работа с документальными источниками, позволяет выявлять особенности социокультурных характеристик через используемые языковые образы, а также скрытые проекции и существующие взаимосвязи личности с окружающей средой.

Метод сочинения в нашем исследовании расширил границы описания детьми пространства города, позволил определить отношение к территории проживания и основные маркеры, которые его формируют.

В 2019 г. были собраны 140 сочинений школьников в возрасте 9–17 лет из городов Комсомольска-на-Амуре (11), Астрахани (8), Калининграда (54), Москвы (23), Санкт-Петербурга (6), Черемхово (10) и села Долгоруково (28). Представленные локации отличаются по своим размерам, удаленности от европейской части России и социально-экономическим возможностям организации пространства для детей. По полу – 54% девушек, 46% юношей. Самая большая возрастная группа от 12 до 15 лет – 48%, от 9 до 11 лет – 23%, 16-17 лет – 29%.

Был проведен качественный анализ собранных сочинений. Методом анализа эмпирических данных стало осевое кодирование (по Страусс и Корбин). Были выделены следующие коды: любимое место в городе; его описание; построение маршрута от дома до этого места; чем это место привлекательно, для чего его посещают, сформированное отношение к территории своего проживания.

Через географические сочинения детей, в которых описывались любимые места, решались задачи изучения территории проживания с точки зрения пространственных, социально-экономических и субъективных характеристик.

Результаты и дискуссия

При анализе детских сочинений нами были выделены следующие характеристики описываемых мест: пространственные, позволяющие показать удаленность места от места жительства, его географическое описание, построение маршрута передвижения; социально-экономические, затрагивающие инфраструктуру, финансовую доступность, направленность на детей разных возрастов и личностные, связанные с привязанностью к месту, территории проживания, субъективностью выбора любимого места.

Физические характеристики городского пространства с позиции детей. Рассмотрим изучаемые локации с точки зрения пространственных характеристик выбираемых мест. Особое место занимают города мегаполисы, являющиеся главными по посещаемости из-за множества достопримечательностей, культурных и развлекательных объектов.

Москва – самый крупный город страны, столица Российской Федерации. Город расположен на реке Москве, в центре европейской части России. Площадь населенного пункта – 2561,5 квадратный километр. Общая численность жителей Москвы на 1 января 2020 г. составила 12678079 человек, и она постоянно увеличивается [4]. При выборе любимого места в сочинениях школьники, прежде всего, указывали популярные достопримечательности и культурные объекты. Это Красная Площадь, ВДНХ, Старый и Новый Арбат, Воробьевы горы, Поклонная гора, Измайловский Кремль, Москва-Сити, Центральный детский магазин на Лубянке, Планетарий, Третьяковская галерея, музеи и выставочные комплексы на территории ВДНХ. Упоминаются спортивные объекты: пейнтбольный клуб, скейт-парк, футбольный стадион, домашняя арена клуба "Спартак". Среди развлекательных мест, выделяется

аквапарк "Мореон", музеи-аттракционы на территории Арбата, торговые центры.

Все эти места находятся далеко от места проживания детей. Основные маршруты передвижения выстраиваются с учетом метро, в котором школьники хорошо ориентируются, описание мест географически привязано к станциям метро: *"Мое любимое место в городе – это Красная площадь, она находится в центре Москвы, на станции метро "Охотный ряд". Так как я живу за МКАДом, мне приходится долго ехать до центра"* (15 лет, ж.), *"Парк Горького находится на станции метро "Парк культуры", что достаточно далеко от моего дома"* (13 лет, ж.), *"Старый Арбат находится в часе езды на метро от моего дома"* (14 лет, м.).

В своих любимых местах школьники бывают не так часто, как хотели бы, в основном с родителями, другими родственниками, но также самостоятельно и с друзьями. Из-за необходимости перемещений на дальние расстояния, у детей-москвичей сформировано другое отношение к возможностям посещения объектов на значительных расстояниях, в том числе и с использованием метро, наземного транспорта, электричек.

Присутствуют и описания мест, расположенных рядом с домом. Это в основном природные и спортивные объекты: парк Мещерский, лес в Переделкино, стадион возле школы и т.д. Главная их особенность в том, что здесь можно погулять, позаниматься спортом, встретиться с друзьями и до них можно пойти пешком или проехать недалеко на общественном транспорте.

Санкт-Петербург – второй по численности населения город в России, расположенный в Северо-Западном федеральном округе, на берегах реки Невы, в 634 километрах к северо-западу от Москвы. Площадь населенного пункта – 1439 квадратных километров. Общая численность жителей на 2019 г. составила 5383000 человек, и она постоянно возрастает [2].

Среди любимых мест в Санкт-Петербурге участники исследования выделяли в основном центр города с его многочисленными архитектурными строениями, храмами и достопримечательностями, среди которых упоминали Исаакиевский собор, Петропавловскую крепость, Дворцовую площадь. Присутствуют общие описания, без детализации, подчеркивается, что сложно выделить любимое место, так как в городе огромное количество красивых памятников, музеев, парков, улиц, мостов и других культурных объектов. В эти места приходят гулять с семьей, учителями и классом, друзьями: *"я люблю гулять по улицам и паркам с друзьями, особенно в центре"* (13 лет, ж.). Подчеркиваются, что места расположены далеко от дома, маршруты посещения не выстраиваются, но упоминается достаточно частое их посещение, с целью прогулок и культурной программы, не только в праздничные дни и каникулы, но и в другое свободное время. Менять в этом городе авторы сочинений ничего не хотят, только призывают бережнее относиться и сохранять то, что уже есть. В сочинениях практически не описывались детские площадки. Интерес представляет одно из сочинений, где любимым местом стал кооперативный гараж, где *"можно много чем заняться: провести дискотеку с мощными колонками, пожарить шашлыки, расписать доски в гараже, положить плитку"* (13 лет, м.). Так как многие площадки уже не рассчитаны на подростков, они начинают осваивать новые территории для встреч и своего времяпровождения, это проявление потребности в самостоятельности и самоутверждении. В описываемом кейсе предлагается некрасивую стену расписать, чтобы сделать место своего постоянного посещения более комфортным и эстетически приятным, исходя из представления мира подростковой субкультуры.

В мегаполисах альтернатив организации досуга детей больше, дети перемещаются на более отдаленные расстояния, имеют возможность посещения культурных объектов и достопримечательностей, меньше пишут про свою повседневную жизнь в пространстве места проживания, так как реже гуляют во дворах. Каких-либо изменений вносить не хотят, только сохранить то, что уже есть. Высказывается пожелание сокращения расстояний, чтобы любимые места стали ближе к месту жительства и их чаще можно было посещать.

Астрахань входит в перечень исторических городов России. Распологается в верхней части дельты реки Волги, на 11 островах Прикаспийской низменности. Площадь – 208,70 км². Численность населения на 1 января 2020 г. – 671311 человек [5].

Дети, проживающие в Астрахани, среди любимых мест отмечали, прежде всего, исторические и культурные достопримечательности, которые являются визитной карточкой города. Это Астраханский Кремль, включающий соборы, музеи и другие объекты, Астраханский театр оперы и балета, памятник Петру I, музыкальный фонтан и скульптуры на городской набережной. Также были выделены центральные улицы и историческая часть города, в частности, Никольская улица, улица Кирова, Индийское торговое подворье, городская набережная. Больше всего отмечают отреставрированные и построенные объекты, полюболюбившиеся жителям города, например, городская набережная: *"Набережная в любое время года прекрасна, но летом - это рай земной... Вдоль набережной расположено множество уютных кафе и развлечений: аттракционы, игровые площадки, летний театр, - поэтому она считается одним из лучших мест для семейного отдыха"* (15 лет, ж.) и театр оперы и балета: *"безумно красивое здание, профессиональная театральная труппа, сохраняющая традиции театрального искусства, люблю это место за его грандиозность и величественность"* (14 лет, ж.).

Практически все описываемые места находятся в центре города, поэтому их доступность определяется районом проживания детей и наличием в семье машины. Для кого-то посещение мест – это повседневная практика, особенно в летнее время, для кого-то посещение возможно только в выходные дни и городские праздники. Благодаря размерам города эти места для всех городских жителей, включая детей, физически доступны. В 12 лет дети посещают эти объекты с семьей, другими родственниками, в 16–17 лет предпочитают гулять здесь с друзьями. Но если есть младшие братья и сестры, места посещаются вместе с ними.

В сочинениях не были отмечены любимые места рядом с домом детей или рядом со школой. Вся сосредоточенность городской жизни наблюдается именно в центре, где организованы разные виды возможных активностей, в том числе, рассчитанные на семейный отдых.

Калининград – город в России, административный центр Калининградской области, являющийся самым западным областным центром РФ. Расположен при впадении реки Преголи в Калининградский залив. Численность населения в городе Калининграде на 1 января 2020 г. – 489359 человек [8].

В Калининграде большую группу описанных объектов составляют природные, в том числе находящиеся за пределами города. Одним из самых любимых мест являются парки, указывается их точное местонахождение и даже особенности расположения: *"Юность" "расположен в южной части города рядом с Фридрихсбургской крепостью"*, Центральный парк культуры и отдыха – на *"пересечении проспекта Мира и проспекта Победы, недалеко от Зоопарка и кинотеатра "Заря"*, Южный парк – в *"южной части Калининграда, на пересечении ул. Аллея Смелых и Проспекта Калинина"*. Парки привлекают как своей природной красотой, так и возможностью развлечений, занятий спортом. Чаще всего по популярности упоминается Южный парк, потому что здесь можно *"насладиться природой, прогуливаясь вдоль водоёма, посетить известный многим парк миниатюр, в котором установлено девять копий сооружений, находящихся на территории России (в масштабе 1:25)"* (12 лет, ж.).

Также популярно Верхнее озеро – *"там красиво в любое время года, есть лодочные станции, кафе и рестораны, можно покататься на велосипеде, роликах и т. д. – там есть специальное место для велодорожки, скейт-парк и детская площадка, рядом расположен парк Юность, где множество аттракционов, картинг и самое высокое место в городе – колесо обозрения"* (16 лет, м.), Куршская коса – *"естественный природный заповедник, расположенный на северо-западе России, вдоль Балтийского моря, между Калининградом и Клайпедой. Заповедник включает в себя несколько особенностей, моя любимая - "Танцующий лес"*" (13 лет, ж.), Летнее озеро, где можно *"заниматься моими любимыми делами: ездить на велосипеде, роликах, готовить шашлыки и просто прогуливаться"* (12 лет, м.).

Вторую группу составляют достопримечательности и центр города: площадь Победы, улица Кутузова со старинными зданиями, Музей янтаря и т.д. Одно из главных среди них – остров Канта. В одном из сочинений описан подробный маршрут, как можно туда попасть: *"Добраться до острова Кан-*

та можно по центральным улицам Калининграда (ул. Октябрьская и Ленинский проспект). Выходить нужно на остановках "Рыбная деревня", "СК Юность" или "Дом культуры моряков". Если ехать на автомобиле, ориентиром может служить адрес: ул. Октябрьская, 2. Это идеальное место для семейных прогулок и культурного отдыха" (14 лет, м.). Все эти места расположены так, что до них можно добраться на общественном транспорте или даже пойти пешком: "остров Канта не слишком далеко от моего дома, поэтому мы с семьёй часто доходим до острова пешком" (13 лет, ж.).

Из образовательных и развлекательных объектов были выделены Дом искусств, зоопарк, пони-клуб "Каприолька" в Калининградском зоопарке ("Меня и других детей учат не только кататься на лошадях. Мы их чистим, ухаживаем за ними и кормим. Учат нас быть ответственными (10 лет, ж.), библиотека им. А. П. Соболева, так как там работает мама школьника, аквапарк. Среди спортивных объектов – футбольное поле "Пионер" ("Я хожу на футбол каждый день с моей командой и играю там в футбол" (10 лет, м.), скейт-парк ("В этом месте я набираюсь адреналина и становлюсь более смелым, изучая всё новые и новые трюки" (13 лет, м.).

Отличительной чертой сочинений является то, при описании объектов дети выстраивают маршруты не только до конкретного любимого места, но и продумывают варианты дальнейших возможных прогулок по городу: "Площадь Победы находится в самом центре Калининграда. Это достаточно далеко от моего дома, но несмотря на это я люблю гулять там с подружкой. Это место очень красивое и интересное. В центре площади находится стела Победы. Рядом с ней есть несколько фонтанов... Недалеко от площади находится Верхнее озеро, где можно отдохнуть и полюбоваться природой, устроить пикник. Если проехать одну остановку от площади, и затем немного пройтись, можно дойти до острова Канта" (15 лет, ж.).

Комсомольск-на-Амуре – второй по величине город Хабаровского края и четвёртый на Дальнем Востоке России. Расположен на левом берегу Амура, в 404 км к северо-востоку от Хабаровска. Численность населения в 2020 г. составила 244 724 человек, наблюдается уменьшение [10].

Среди любимых мест в городе чаще всего отмечается парк Гагарина, где можно отдохнуть, покататься на роликах, аттракционах и получить много эмоций; такие природные объекты, как берег Амура, "ГЛК Холдоми", база отдыха "Альмир", сквер возле драматического театра, из спортивных объектов – батутный центр, школа бокса "Ринг 85". Посещают эти места нечасто, с семьёй, в основном в праздничные дни, каникулы, выходные. Дети оценивают эти места как удаленные от места своего жительства, куда можно добраться на машине, общественном транспорте.

В сочинениях много описания природы: "на Холдоми очень чистый воздух, очень красиво и уютно. Летом я бываю просто из-за того, чтобы отдохнуть от городской суеты, а зимой мы с родителями и с друзьями едем туда чтобы покататься на лыжах и сноубордах". (15 лет, ж.). В детских сочинениях отсутствует описание повседневных объектов для времяпровождения, например, дворов, площадок, спортивных объектов рядом с домом.

Черемхово – небольшой город в Иркутской области, расположенный на реке Черемшанке, в 124 километрах к северо-западу от Иркутска. Площадь населенного пункта – 114 квадратных километров. Численность населения в 2020 г. составляет 50 154 человека [9].

Среди любимых мест в Черемхово чаще всего выделялся парк Культуры и отдыха, из-за его многофункциональности. Это красивый природный объект, где есть "сосновая роща, различные деревья и посадки", где "хорошо в любое время года", кроме того, в парке есть "большой спортивный стадион, роллердром, аттракционы", для развлечения и занятий спортом, "организуются праздники и другие мероприятия". Это популярное место для семейного отдыха и прогулок в выходные: "Мы всегда встаем очень рано, завтракаем и идем гулять, иногда мама с собой берет бутерброды и чай. В парке мы бегаем, фотографируемся, играем в футбол с папой и братом". (13 лет, м.). Также среди общественных мест описывалась площадь у мэрии, где проходят шествия и концерты.

Отмечались места рядом с домом, в частности "родной двор", детские площадки, особенно новые. Пример из сочинения: "площадка покрыта мяг-

ким асфальтом и на него не больно падать. Вокруг площадки есть клумбы. На них мама посадила цветы: розы, пионы, тюльпаны и георгины. Во дворе также растут яблоны и вишня. Весной все они очень красиво цветут". (12 лет, ж.). А также частный дом у бабушки, где *"всегда пахнет чем-нибудь вкусненьким, что она стряпает"*.

Из торговых и развлекательных объектов – это магазин рядом с домом, где можно купить сладости и яркое, интересное кафе Harvard, где можно познакомиться с новыми людьми.

Все объекты расположены или рядом с местом проживания или недалеко, так что можно добраться с семьей и самостоятельно. Если во дворах есть новые площадки и территория для детей, то они становятся любимым повседневным местом, дети хотят, чтобы таких объектов было больше. Их отсутствие компенсируется наличием парка, где есть возможность организации разных форм активностей, можно провести время с семьей и друзьями.

Село Долгоруково – центр Долгоруковского района Липецкой области и Долгоруковского сельского поселения, расположено на железнодорожной линии Елец – Касторная. По организации инфраструктуры, образа жизни, масштабности территории отличается от города. Численность населения всего Долгоруковского района на 1 января 2020 г. составила 16498 человек [3].

Среди любимых описываемых мест много было спортивных объектов, прежде всего, площадок, расположенных рядом с домом, территория школы, где можно играть в футбол и бегать, территория рядом с бассейном, футбольное поле, а также стадион "Юность", где проходят соревнования и спортивные занятия. Данные объекты отмечали те, кто занимается любительским или профессиональным спортом: *"Чаще всего свое свободное время я провожу на стадионе "Юность". Здесь я бываю часто, так как я занимаюсь футболом, именно тут проходят мои тренировки"* (16 лет, м). *"На стадионе проводятся различные соревнования и мероприятия, где я непосредственно принимаю участие"* (17 лет, м).

Также среди любимых мест упоминается центральная площадь, летний парк, сквер, клуб, местный ДК. Сюда подростки приходят погулять, встретиться с друзьями, покататься на велосипедах, посмотреть кино, потанцевать.

В одном из сочинений выделяется Музей-усадьба "Край Долгоруких", открытый в 1967 г. Другие часто упоминаемые объекты – стадион "Юность", Летний парк.

В представленных сочинениях не отображены маршруты для посещения мест из-за размеров территории, до всех описываемых мест можно добраться пешком. Выбор мест для организации детского досуга не очень многообразен, но при этом отражает различные потребности и интересы, а само пространство удобно, так как все центральные объекты расположены недалеко от места проживания детей.

Социально-экономические характеристики выбранных мест. В сочинениях отмечаются альтернативы бесплатного отдыха и выбора тех мест, где это можно осуществить, особенно в малых городах. Так в Черемхово школьник выбирает центральные площадки города из-за финансового фактора: *"Мне нравится гулять по нашей аллее Славы около танка. Нравится наша площадь у мэрии, где проходят шествия и концерты. Мне нравятся эти места, потому что для этого не нужны деньги и можно быть там в любое время"* (13 лет, м.).

Примером стратификации детского сообщества выступает выбор платных/бесплатных мест отдыха. Другой пример из г. Черемхово связан с посещением кафе Harvard. *"С моим лучшим другом мы там и познакомились и теперь после школы часто сидим, ... с семьей часто приходим туда, отмечаем дни рождения друзей, а иногда и родственников. Я бы хотел, чтобы таких кафе в городе было больше"*.

О бесплатных видах досуга писали и школьники из Комсомольска-на-Амуре: *"в парке есть зона, где можно повеселиться и бесплатно. На том участке много разнообразных турников по которым мы постоянно идём"*. (15 лет, ж.) и из других городов.

В Калининграде одним из любимых подростками мест является кофейня: *"в кофейне "Порт-О-Кофе" я бываю несколько раз в неделю. В основном*

после школы/дополнительных занятий в компании лучших друзей. Мы громко смеёмся, обсуждаем прожитый день и что с нами происходило в течение трудного дня. Обычно я заказываю кофе раф с разными сиропами, но иногда могу позволить себе перекусить отличными вафлями или мороженым" (16 лет, ж).

Привлекательность торговых центров и магазинов определяется возможностями различных покупок, что формирует устойчивое потребительское поведение детей. Из сочинений: *"мое любимое место в городе - магазин около дома, если мы идем в магазин с бабушкой, то мне часто покупают сладости"*. (11 лет, ж).

В сочинениях детей – жителей мегаполисов встречается понимание политики ценообразования. Так ЦДМ на Лубянке в Москве рассматривается как культурно-развлекательный объект, а не магазин, где очень завышенные цены и *"поэтому покупать там ничего не стоит"*.

Описывают дети и стоимость посещения спортзалов, бесплатные дополнительные занятия, свои возможности посещения музеев, развлекательный центров, магазинов, кафе: *"мне нравится бывать в Макдональдс. Я бываю там то часто, то редко, всё зависит от того, что у меня есть или нету денег"*. (13 лет, м.)

Редко, но встречается и выбор места в зависимости от того, что там можно подработать старшекласникам, в частности на Южном рынке в Калининграде, но в сочинении не уточняется каким именно образом.

Субъективные маркеры выбора любимого места, их связь с формированием отношения к территории проживания. Любимые места являются важными составляющими организации городского и сельского пространства для детей. Любимое место для детей – это то место:

- где можно провести свое свободное время,
- куда периодически хочется возвращаться независимо от своей занятости и возможностей,
- место, которое связано с хорошими воспоминаниями,
- атмосферное место,
- где можно отдохнуть от городской суеты,
- где можно подзарядиться энергией и поднять настроение, когда тебе одиноко или грустно,
- где можно встретиться с друзьями.

У всех рассматриваемых территорий сформирован положительный имидж. Дети любят те места, где живут, это не означает, что все хотят здесь остаться жить и дальше, но с местом сформирована положительная связь. Приведем примеры из сочинений: село Долгоруково *"Я люблю свое село, оно небольшое, но очень красивое, в нем есть много красивых мест и достопримечательностей"* (15 лет, ж); *"Мне нравится, что мое село развивается и преобразуется"* (16 лет, м); Москва *"нравится за обилие достопримечательностей и памятников культуры, мне повезло, что я здесь живу"*; Санкт-Петербург *"Я ничего не хочу менять в этом городе, он и так прекрасен"* (11 лет, ж); Черемхово *"Я люблю свой город. В нём всё хорошо, все рядом. Если бы у меня спросили, в каком городе я хотел бы жить, то всегда отвечаю, что я остался бы здесь, где нахожусь"* (13 лет, м.); Комсомольск-на-Амуре *"В моём городе много прекрасных мест, и очень красивая природа"* (15 лет, ж.); Калининград *"Я люблю город, в нём много прекрасных мест: от захватывающего центра, до самых отдалённых краёв"* (11 лет, м.), *"Мне очень повезло родиться и жить в Калининграде. Этот город отличается от других городов, есть в нём что-то необычное, манящее, а его природа, море – это то, что заставляет влюбляться в Калининград снова и снова"* (15 лет, ж.); Астрахань *"удивительный город и здесь очень много мест, дорогих моему сердцу. Я люблю свой город, и именно поэтому каждый уголок мил мне"* (13 лет, ж.), *"этот город не очень большой, но может быть поэтому я люблю его еще больше, мне нравится по нему гулять, особенно по центру, ходить по мирным атмосферным улочкам, находить какие-либо интересные новые места"* (14 лет, ж.).

В сочинениях подчеркивается гордость за местные достопримечательности, указываются новые построенные объекты и изменения, связанные с появлением новых площадок, спортивных объектов.

Обобщая все сочинения, были выделены основные маркеры, по которым дети определяют любимые места. Во-первых, это место, знакомое с детства и ставшее близким. *"Я здесь живу с самого рождения, и конечно, есть место, которое люблю особенно – это лесок в посёлке "Люблино", где находится дом моих бабушки и дедушки"* (14 лет, ж). Во-вторых, культурный объект, известная достопримечательность: *"В Москве очень много красивых и интересных мест, так что выбрать какое-то одно любимое – невозможно", но больше всего мне нравится Красная площадь* (13 лет, м.). В-третьих, многофункциональность места: *там есть красивые фонтаны, на фоне которых можно сделать красивые фотографии, можно зайти в самый большой храм города – храм Христа Спасителя. Если вам наскучили достопримечательности, вблизи площади есть целых 3 торговых центра, где можно перекусить и сделать покупки. А если вы устали от города в целом, в 100 метрах от площади есть Северный вокзал, который позволит вам доехать до побережья"* (14 лет, м.).

Дополнительными критериями выбора места становятся увлечения детей (например, спортом), наличие природных объектов, развитая инфраструктура места.

Заключение

Возможности городов разных масштабов, а также сельской местности в организации пространства для детей отличаются, с одной стороны, ограниченностью или многообразием форм, с другой – близостью расположения основных посещаемых объектов.

Неравенство детства, связанное с физическими и социально-экономическими характеристиками, с одинаковой силой проявляется при сравнении детей из городов различных типов, а также при сравнении детей из семей с разным уровнем экономического и культурно-образовательного капитала. Группу индикаторов социального неравенства можно расширить, добавив следующие: достаточная обеспеченность и эффективная работа общественного транспорта; комфортность организации центральных объектов для возможностей перемещений; наличие оборудованных площадок, природных и других объектов рядом с местом проживания; уровень культурного развития региона. Их наличие или отсутствие являются важными маркерами для формирования благополучия территории для детей. Были выявлены проблемы, связанные с отсутствием мест для повседневного посещения подростками, вне зависимости от территории проживания.

Субъективной характеристикой территории выступает восприятие детьми и подростками своего города/села, связь с малой родиной. Так, описывая места для посещения в своем городе, дети в целом положительно оценивали свое место жительства. В каждой изучаемой локации были выделены свои факторы-аттракторы. В обобщенном виде эти факторы можно определить как пространственные, природные, исторические и социокультурные. Их приоритеты определяются региональными особенностями изучаемых локаций. Через положительную связь с территорией своего проживания формируются общекультурные установки и ценности.

В географических сочинениях дети не только описывают свое отношение к территории проживания, но и мыслят на перспективу – что хотели бы сохранить или изменить в месте своего проживания. Вполне закономерно связь подростков с территорией проживания усиливается пропорционально длительности проживания на ней. Сохранение связано с памятниками культуры, природой, историческими улицами и зонами, присутствующими даже в сельской местности, а изменение – с возможностями создания комфортного пространства рядом с домом, в частности, оборудованных площадок с различными зонами для удобного времяпровождения детей разных возрастов, а также скверов, парков и спортивных объектов. Дети могут стать активными соучастниками процессов планирования и улучшения пространства для их жизни, прежде всего, через проектную деятельность, экологические акции, возможность участия в обсуждении идей по изменению или планированию территории рядом с домом, центральных площадок и других объектов.

Литература

1. Моисеева В. В. Школьное сочинение как источник социальных представлений о наркотиках // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2005. № 21. С. 128–149.
2. Общая численность населения Санкт-Петербурга на 2019–2020 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorodarus.ru/sankt-peterburg.html> (дата обращения: 13.07.2020).
3. Оценка численности населения на 1 января 2020 года и в среднем за 2019 год. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области Электронный [Электронный ресурс]. URL: <http://lipstat.gks.ru> (дата обращения: 13.07.2020).
4. Оценка численности постоянного населения г. Москвы на 01 января 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://mosstat.gks.ru/folder/64634> (дата обращения: 13.07.2020).
5. Оценка численности постоянного населения Астраханской области на 1 января 2020 года (окончательные итоги). [Электронный ресурс]. URL: <https://astrastat.gks.ru/folder/41523> (дата обращения: 13.07.2020).
6. Филипова А. Г., Ракитина Н. Э., Купряшкина Е. А. Новые исследовательские ориентации в социологии детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 86–93.
7. Филипова А. Г. Социальное неравенство детей в городской среде (на примере г. Комсомольска-на-Амуре) // Ученые записки Комсомольска-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе, культуре. 2012. № 2. С. 67–75.
8. Численность населения Калининградской области на 01.01.2020 г [Электронный ресурс]. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 13.07.2020).
9. Численность населения Черемхово на 2020 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorodarus.ru/cheremkhovo.html> (дата обращения: 13.07.2020).
10. Численность населения Комсомольска-на-Амуре. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorodarus.ru/komsomolsk-na-amure.html> (дата обращения: 13.07.2020).
11. Freeman C. Twenty-five years of children's geographies: a planner's perspective // Children's Geographies. 2020. 18(1). P. 110–121.
12. Hart Roger A. Children's Participation: From tokenism to citizenship. International Child Development Centre: Florence, 1999.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Moiseeva V. V. SHkol'noe sochinenie kak istochnik sotsial'nykh predstavlenij o narkotikakh // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. 2005. № 21. S. 128–149.
2. Obshhaya chislennost' naseleniya Sankt-Peterburga na 2019–2020 god. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://gorodarus.ru/sankt-peterburg.html> (data obrashheniya: 13.07.2020).
3. Otsenka chislennosti naseleniya na 1 yanvarya 2020 goda i v srednem za 2019 god. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Lipetskoj oblasti EHlektronnyj [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://lipstat.gks.ru> (data obrashheniya: 13.07.2020).
4. Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya g. Moskvyy na 01 yanvarya 2020 g. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://mosstat.gks.ru/folder/64634> (data obrashheniya: 13.07.2020).
5. Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya Astrakhanskoj oblasti na 1 yanvarya 2020 goda (okonchatel'nye itogi). [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://astrastat.gks.ru/folder/41523> (data obrashheniya: 13.07.2020).
6. Filipova A. G., Rakitina N. EH., Kupryashkina E. A. Novye issledovatel'skie orientatsii v sotsiologii detstva // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 3. S. 86–93.
7. Filipova A. G. Sotsial'noe neravenstvo detej v gorodskoj srede (na primere g. Komsomol'ska-na-Amure) // Uchenye zapiski Komsomol'ska-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Nauki o cheloveke, obshhestve, kul'ture. 2012. № 2. S. 67–75.
8. CHislennost' naseleniya Kaliningradskoj oblasti na 01.01.2020 g [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (data obrashheniya: 13.07.2020).
9. CHislennost' naseleniya CHeremkhovo na 2020 god. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://gorodarus.ru/cheremkhovo.html> (data obrashheniya: 13.07.2020).
10. CHislennost' naseleniya Komsomol'ska-na-Amure. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://gorodarus.ru/komsomolsk-na-amure.html> (data obrashheniya: 13.07.2020).
11. Freeman C. Twenty-five years of children's geographies: a planner's perspective // Children's Geographies. 2020. 18(1). P. 110–121.

12. Hart Roger A. Children's Participation: From tokenism to citizenship. International Child Development Centre: Florence, 1999.

Зубова О. Г. Городское и сельское пространства в представлении детей: по материалам географических сочинений.

В статье рассматривается организация городского и сельского пространства с точки зрения их дружелюбности по отношению к детям и подросткам. Пространственные характеристики мест, их оценка изучается в русле нового междисциплинарного направления – географии детства, сформировавшегося на стыке гуманитарной географии и социальных исследований детства. Для сбора эмпирических данных был выбран метод сочинения, предоставляющий детям возможность описать свое любимое место в городе. Всего было собрано 140 сочинений школьников в возрасте 9–17 лет из городов Комсомольска-на-Амуре, Астрахани, Калининграда, Москвы, Санкт-Петербурга, Черемхово и села Долгоруково. Представленные локации отличаются по своим размерам, удаленности от европейской части России и социально-экономическим возможностям организации пространства для детей. Через географические сочинения детей, в которых описывались любимые места, решались задачи изучения территории проживания с точки зрения пространственных, социально-экономических и субъективных характеристик.

Ключевые слова: *метод сочинений, географическое пространство детства, городская среда, индикаторы социально-экономического неравенства детства*

Zubova O. G. Urban and rural spaces in the view of children: based on materials of geographical works.

The article considers the organization of urban and rural space in terms of their friendliness towards children and adolescents. The spatial characteristics of places, their assessment is studied in line with a new interdisciplinary direction - the geography of childhood, formed at the intersection of humanitarian geography and social studies of childhood. To collect empirical data, an essay method was chosen that provides children with the opportunity to describe their favorite place in the city. In total, 140 compositions were collected by schoolchildren aged 9–17 from the cities of Komsomolsk-on-Amur, Astrakhan, Kaliningrad, Moscow, St. Petersburg, Cheremkhovo and the village of Dolgorukovo. The presented locations differ in their size, remoteness from the European part of Russia and the socio-economic opportunities for organizing space for children. Through geographical essays of children, which described their favorite places, the problems of studying the territory of residence in terms of spatial, socio-economic and subjective characteristics were solved.

Key words: *method of essays, geographical space of childhood, urban environment, indicators of socio-economic inequality of childhood*

Для цитирования: Зубова О. Г. Городское и сельское пространства в представлении детей: по материалам географических сочинений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 48–57. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/48-57

For citation: Zubova O. G. Urban and rural spaces in the view of children: based on materials of geographical works // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 48–57. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/48-57

УДК 316.612

Минат В. Н.

Детское пространственное мышление в региональном географическом познании

Введение

Из многих опубликованных работ, посвященных теме общего развития детей, наиболее существенными для географических региональных исследований являются те, что касаются формирования пространственных понятий, навыков ориентации ребенка, с одной стороны, в окружающем его микропространстве, соответствующем определенному возрастному мировосприятию, а с другой – в районах, находящихся далеко за пределами личных восприятий. Географические исследования в течение долгого времени сводились к описаниям, анализу и интерпретации явлений с точки зрения их распределения в пространстве, взаимосвязи и взаимообусловленности. Не без оснований утверждалось, что вся практика и философия географии зависят от развития концептуальной основы, опираясь на которую географ может изучить распределение объектов и событий в пространстве.

Современная проблема формирования *пространственного мышления у ребенка* представляется чрезвычайно актуальной, а ее решение имеет практическую значимость для понимания процесса *взаимодействия между детьми и пространством*, поскольку последнее непосредственно воздействует на систему отношений "детство – общество", а также опосредованно – на физическое и психическое состояние детей. Постоянно усиливается влияние на детские жизни пространственного регионального и глобального окружения, историческую и современную сущность которых дети имеют возможность реалистически воспринимать посредством теоретического и эмпирического познания целостной *географической картины мира*. Дети формируются посредством физических пространственно-временных миров, в которых они живут, и, в свою очередь, сами участвуют в их формировании. Для реализации своего потенциала в рамках такого участия, ребенок нуждается в постоянном интеллектуальном росте, формировании личностной идентичности и в то же время идеалов и навыков коллективизма, так недостающих юному индивидууму в современном "глобальном детстве".

Цель настоящего исследования заключается в выявлении *тенденций формирования пространственного мышления детей в региональном географическом познании современного мира*. Для ее достижения автор воспользовался как теоретическим, так и эмпирическим (в данном случае экспериментальным) методами познания, непосредственно примененными к предмету исследования – *пространственному мышлению ребенка*.

Обзор

В большинстве наук и областей знаний, использующих понятие "*пространство*", оно хотя и употребляется, но специально не обсуждается как методологическая и теоретическая проблема. Однако немного найдется наук, для которых это понятие было бы одним из базовых. К их числу, наряду с физикой и геометрией, принадлежит и география. Полностью солидарен с таким утверждением Л. В. Смирнягин: "Понятие Пространства – одно из самых важных в географии" [11, с. 8], а М. Д. Шарыгин и Л. Б. Чупина, диалектически объединяя пространственный и временной аспекты считают "одной из ключевых"

© Минат В. Н., 2020

МИНАТ Валерий Николаевич, канд. геогр. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева (г. Рязань). E-mail: minat.valera@yandex.ru

чевых в географических исследованиях" [12, с. 5] категорию "географическое пространство-время".

Понятие "пространство", несомненно, является одним из самых важных в географии, поскольку с его помощью, а тем более с помощью понятия "пространство – время", удачно схватываются единство (совместимость) разнородных вещей и целостность мира в рамках пространственно-временного континуума. О важности понятия "пространство" для географии свидетельствует то, что о пространственном подходе говорят как о *ядре географического познания*. Поэтому нельзя не согласиться с Ю.В. Костинским в том, что "география, безусловно, не может оставаться в стороне от обсуждения понятия "пространство", ибо последнее выступает в ней и в качестве предмета (т.к. география иногда определяется как пространствоведение), и инструмента познания, ключевого объяснительного принципа. Положение осложняется тем, что для географии принципиально необходимо связать естественно-научное и социокультурное понимание пространства, когда как другие дисциплины (скажем, литературоведение, физика) этим могут и пренебречь" [3, с. 16].

Действительно, пространственный подход в географии отражается посредством геопространственной парадигмы – важной, возможно, основополагающей составляющей предмета единой науки, но не универсальной, существующей наряду с другими научными концепциями и теориями.

Став взрослыми, мы настолько привыкаем видеть мир с позиций эвклидовой геометрии, что иной раз забываем, сколько проблем остаются в этом смысле не решенными в сознании ребенка. В последние десятилетия рамки пространственных представлений необычайно расширились по сравнению с геометрической научной картиной мира. Тем не менее способность видеть и понимать пространство в соответствии с понятиями Эвклида – продукт длительного развития, хотя, впрочем, такую способность отнюдь нельзя считать некой отправной точкой для *осмысления пространства* детьми. Не только педагоги, но и социологи отлично понимают, что дети проходят совершенно определенную фазу развития, в ходе которой представления о пространственных взаимосвязях строятся с помощью действий на объектах в пространстве. Эти действия, чисто моторные вначале, впоследствии осмысливаются и достигают наиболее рационального применения в операционных системах [6].

В течение первых полутора-двух лет жизни координация сенсорного опыта с моторной деятельностью порождает ощущение ограниченного и в высшей степени локализованного "*практического пространства*". Начиная с появления у ребенка речевых навыков на втором году жизни и до его 11 – 12-летнего возраста тянется период *конкретного мышления*. Развитие речи способствует внутренней "трансформации" действий в мысли и позволяет ребенку выработать мысленные образы о взаимосвязях, которые прежде воспринимались им только на сенсорно-моторном уровне. Первые пространственные представления, которые ребенок может понять и вообразить, носят топологический характер, т. е. связаны с такими признаками, как близость, разделение, последовательность, отгороженность и целостность. Умение отличать эти признаки обычно уже бывает свойственно детям семи лет. Способность к восприятию подобных различий и составляет основу для развития более всеобъемлющих систем и непрерывно интегрируется в рамках проективных и эвклидовых представлений о пространстве. Последние, будучи более сложными по своей организации, характерны для более позднего этапа развития ребенка. Проективные представления появляются у ребенка тогда, когда он начинает понимать, как выглядят объекты при их рассмотрении с различных позиций. Так, постепенно он обретает способность определять их относительное местоположение, не производя непосредственно измерения расстояний. Эвклидово пространство дает картину предметного мира в рамках всеобъемлющей, исходной системы координат.

Географические координаты (широта и долгота), определяемые детьми с самого начала изучения курса школьной географии, используются географами для определения положения не просто в пространстве Земли, но и более конкретно – в рамках *территориальной системы* того или иного пространственного уровня [10]. Они образуют градусную сеть, покрывающую весь земной шар. При этом, согласно концепции "*индивидуального и группового пространства*", индивидуальное пространство можно определить как пространство вза-

имосвязанных однородных объектов. Общность индивидуальных пространств образует групповое пространство или истинно географическое пространство [12]. В современной научной литературе наряду с термином "индивидуальное пространство" в качестве синонима употребляется понятие "собственное пространство" [1].

Собственное пространство географического объекта всегда хорошо ощущается и понимается детьми, поскольку гораздо больше соответствует "личному мироощущению" ребенка. Построение четкого *мысленного образа мира* как некоего целого требует, чтобы каждый *индивидуальный "личный мир"* каким-то образом согласовывался с внешним "общественным миром", ориентированным в рамках опорной абстрактной системы. Изучая сложности, испытываемые детьми в их стремлении понять карту, специалисты установили, что множество детей младших и средних классов средней школы испытывают чувство неуверенности и даже замешательства, когда им предлагается разобраться в пространственных соотношениях, находящихся за пределами воображаемой опорной системы, которую они сами создали для себя. И только в старших классах дети вполне ориентировались в закономерностях размещения объектов в пространстве, основываясь на "*внешней опорной системе*".

Методы и материалы

Попытки разобраться в интеллектуально-возрастном многообразии индивидуальных восприятий мира с помощью средств, используемых общественными науками, естественно, могут иметь лишь ограниченное применение. Более полезным представляется использование *проблемного подхода* к оценке пространственного мышления детей, относящихся к разным возрастным группам. В рамках указанного подхода нами было предпринято *экспериментальное исследование с использованием метода проблемных ситуаций* (вызывающих состояние интеллектуального затруднения у ребенка), в котором мы попытались совместить аналитический аспект, свойственный любому исследованию, с живыми человеческими (основанными на еще небогатом детском опыте) восприятиями, интуицией и далее иррациональностью. Опыт использования именно такого экспериментального подхода в исследованиях, проводимых в постоянном детском коллективе, неоднократно оправдывал себя с точки зрения релевантности (т. е. реального соответствия результатов поставленной цели) [4; 6; 7].

Для того чтобы оценить качество суждений, высказываемых детьми различных возрастных групп в подобных обстоятельствах, автор предложил вниманию большой группы детей ряд *проблемных ситуаций пространственно-географического порядка*. Смысл эксперимента сводился к тому, чтобы исследовать зарождающуюся способность детей и подростков дать реалистиче-

Таблица 1. Предлагаемые проблемные ситуации для оценки пространственного мышления детей

№ п/п	Район мира	Тема познавательной проблемы	Предлагаемый материал	Кол-во вопросов
1	Антонио-Аранга, долина Магдалены (Колумбия)	Эрозия почв	Текст	3
2	Нарож, Восточноафриканская рифтовая долина	Миграция племени масан	Карта	1
3	Портидж-ла-Прери, Манитоба (Канада); производство зерна	Агропромышленный район с монокультурной специализацией	Три фотографии, карта	3
4	Город Нара, остров Хонсю (Япония)	Деревня, жители которой выращивают рис	Текст, карта и фотография	2
5	Парк, остров Льюис (о-ва Внешние Гибриды)	Фермеры-арендаторы	Карта и диаграммы	3

Источник: составлено автором.

скую и разумную оценку человеческой деятельности в *районах, находящихся далеко за пределами его личных восприятий (таблица 1)*.

Каждый из выбранных районов отличался своей, совершенно особой спецификой в смысле географического положения и особого сочетания человеческой деятельности и природных факторов. Детям были предложены прекрасно оформленные наглядные и информационные материалы, содержащие обширную информацию в форме текстов, фотографий, статистических данных и карт. Выбор вопросов определялся стремлением фиксировать внимание детей на некоторых наиболее интересных и значительных в познавательном отношении моментах данной ситуации. Таким образом, речь шла о проверке, скорее, способности детей рассуждать, а не их фактических знаний. Ответы на каждый вопрос оценивались независимо. Они анализировались по методу, который прежде применялся для исследования размышлений детей, навеянных чтением отрывков из художественной прозы.

В указанном эксперименте добровольно участвовало 120 детей и подростков в возрасте от 9 до 16 лет (*биологический возраст*). Следует отметить, что экспериментальное исследование охватило весь возрастной диапазон учащихся средней школы при известных возрастных допусках в ту и другую сторону, учитывая их *умственный возраст*, когда за основу взят уровень умственного развития человека по сравнению с этим уровнем у людей такого же возраста. Все это позволило включить в эксперимент группу детей, которые находились на возрастной и умственной стадиях индивидуального психологического развития с преобладанием *конкретных мыслительных операций*, и другую группу, которая достигла стадии *формальных операций*. Предполагалось выяснить (с практической возможной точностью) ту последовательность развития, которую можно считать наиболее вероятной между двумя указанными крайними категориями.

И хотя все проблемы, предлагавшиеся детям, ставились ради одной общей цели, они существенно отличались друг от друга по таким признакам, как местоположение района на земном шаре, технический потенциал местных социумов (сообществ), богатство, разнообразие и комплексность природных условий и ресурсов, характер подачи информационного и иллюстративного материала и уровень трудности поставленных вопросов. Все это разнообразие не могло не отразиться на ответах детей. Впрочем, укажем, что, хотя 12 серий ответов существенно различались в деталях, они все же оказались весьма сходными по своей общей форме, причем было замечено, что некоторые наиболее примечательные черты этих ответов повторялись по единому образцу у разных индивидуумов. Число ответов варьировало в зависимости от вопросов и возрастной категории. Анализ всех 12 серий ответов показал, что детей можно было относить либо к одной, либо к другой возрастной группе, за исключением тех, кто уже прочно закрепился либо на I, либо на IV уровне.

Главные особенности, характеризующие каждую из последовательных стадий развития, иллюстрируются в *таблице 2*.

Ребенок в меру своих сил осмысливает все, что видит или с чем сталкивается, при помощи *мыслительных структур*, которыми он овладел на данной

Таблица 2. Оценочные уровни ответов детей различных возрастных групп

Возрастная группа	Биологический возраст	Умственный возраст	Главные особенности
I	11 лет и младше	12 лет и младше	Не ориентированы на реальную действительность
II	12 – 12,5 лет	13 – 13,5 лет	Ориентированы на действительность; используют один-единственный источник информации
III	около 13,5 лет	14 – 14,5 лет	Комбинируют несколько информационно-познавательных источников; умеют увязывать причину и следствие
IV	14,5 лет и старше	15,5 лет и старше	Всеобъемлющее (порой комплексное) суждение, основанное на гипотетическо-дедуктивном рассуждении

стадии своего развития. Чтобы уловить, а затем и объяснить *проблемную ситуацию географического характера*, необходимо умение эффективно оперировать большим количеством переменных величин, взаимодействующих друг с другом. Пока ребенок не достиг отроческого возраста, это умение находится далеко за пределами его способностей мыслить. Экспериментальные исследования глубины суждений, на которую способны дети различных возрастов, сталкивающиеся с научными проблемами, показали, что умение разбираться в проблемах, связанных с несколькими переменными величинами, появляется не раньше 12-летнего возраста. Полное и удовлетворительное объяснение возможно только при условии *комплексного рассмотрения всех факторов на стадии формальных операций*.

Сложилось устойчивое мнение, что в годы отрочества замечается постепенный переход от преимущественно описательных форм мышления, характерных для первых этапов развития, к умению давать объяснения. Результаты нашего исследования, позволим утверждать, убедительно подтверждают такой вывод. Рост и развитие способности подростка к доказательным рассуждениям на основе географического материала – есть медленный и постепенный процесс, в ходе которого каждая из достигнутых стадий понемногу, порой едва заметно, переходит в следующую. И хотя здесь трудно дать точное разграничение возрастных границ, все же четыре основных группы, показанных в *таблице 2*, можно принять за основу.

Результаты и их обсуждение

Ориентируясь в своей оценке на биологические и умственные параметры, а также потенциальные особенности ответов на предложенные вопросы для детей различных возрастных групп, учитывая при этом полученные ими знания, умения и навыки в изучении географии (физической, социально-экономической) и других дисциплин из курса средней школы, мы получили результаты, отражающие пространственное мышление детей в региональном географическом познании.

В *таблице 3* представлены результаты эксперимента по 2 из 5 предложенных проблемных ситуаций (за неимением места, ограниченного рекомендуемым объемом научной статьи), достаточно полно отражающих, на наш взгляд, пространственное мышление детей, относимых ко всем 4 возрастным группам. В отобранных для демонстрации результирующих оценок выполненных заданиях испытуемые использовали максимальное количество информационного материала (в его различном сочетании). Это позволило не только повысить реалистичность картины мира и самостоятельность выполнения заданий и ответов на поставленные вопросы (*оценка умений добывания новых знаний*), но и, учитывая постановку конкретной проблемы, оценить *навыки работы с источником информации о пространстве* для детей той или иной возрастной группы.

На полученные результаты, по нашему мнению, оказали воздействие те ограничения, которые имеют место на стадии *конкретных операций*. Они постепенно исчезают в возрасте от 12 до 15 лет, когда подросток в состоянии производить целенаправленные операции в рамках концептуальной системы. Это означает, что способность подростка к *операторному мышлению* уже не ограничивается практическими проблемами и конкретными ситуациями, поскольку он уже в состоянии прибегать к *гипотетическо-дедуктивным рассуждениям* и с их помощью решать проблемы и пользоваться возможностями, с которыми до сих пор не сталкивался.

Полученные результаты приводят нас к выводу, что нельзя представить себе 11-летнего ребенка, способного изучать ту или другую сферу деятельности, незнакомую ему по непосредственному, личному опыту, не пересекаясь с его "личным пространством" или знакомым и понятным ему микропространством. Это, конечно, позволяет ребенку I возрастной группы так или иначе выражать свои представления о ней, но, при доминировании в сознании конкретных операций пространственного мышления, даже если предложить ему проанализировать материал, содержащийся на карте какого-то района, далекого от его личного опыта, ребенок окажется перед познавательной задачей совершенно иного порядка. Самые юные по умственному возрасту дети (12 лет и младше) обнаруживали полную неспособность подойти к этому вопросу с реалистических позиций. Их ответы свидетельствовали о большом "про-

пространственном замешательстве". Из таблицы 3 следует, что многие дети I возрастной группы реагируют на поставленные вопросы чисто *перцепторно* (на уровне восприятия), стремясь в данном случае обыграть явный визуальный контраст между компактным характером деревни и разбросанностью земельных участков. Детям биологического возраста 12 – 12,5 лет, относимым по умственным способностям к 13 – 13,5-летним (II возрастная группа), уже удавалось производить пусть ограниченный, но все же реалистический анализ карты, исходя из сведений, относящихся к отдельным элементам исследуемого пространства. Эти элементы они рассматривали в отрыве от общей картины. У детей, относимых к III возрастной группе, наблюдения и анализ постепенно становились более квалифицированными и детальными. Испытуемые в биологическом возрасте 13,5 лет, обладающие умственным возрастом 14 – 14,5-летних подростков, сумели сочетать известные им исходные данные и, опираясь на них, дать хорошо продуманный анализ карты. Наконец, если говорить о наиболее зрелом суждений 14,5-летних подростков, интеллектуально относимых к 15,5-летним, составившим IV возрастную группу, то для них характерно, что вся исследуемая сфера действий с самого начала воспринимается как что-то целое. Здесь наблюдается широкая тенденция комплексно оценить всю обстановку, сформулировать собственную гипотезу и логически обосновать ее, подкрепляя ссылками на различные источники информации.

Полученные результаты позволяют оценить пространственное мышление детей и подростков разных возрастных групп применительно к тем случаям, когда, прежде чем осмыслить всю заданную проблемную ситуацию и самостоятельно объяснить ее, детям приходится определять *местоположение изучаемого района в стране или на континенте*. Результаты эксперимента показывают, что до 13 лет дети не могут сколько-нибудь точно определять местоположение рассматриваемого ими района, не умеют ориентироваться в его пространстве. Эти умения очень тесно связаны друг с другом и зависят от того, насколько умело применяет ребенок понятия евклидовой геометрии, которые были усвоены им раньше на стадии конкретных операций, к решению задач, требующих формально-операторного мышления. Таким образом, на стадии абстрактного мышления требуется *повторный цикл развития*. Пространственная путаница, наблюдаемая у маленьких детей, свидетельствует о том, что они не в состоянии создать в своем воображении мысленную картину изучаемых явлений и не могут увязать их сколько-нибудь четко с позиций пространственных взаимосвязей.

Особо выделим *картографический метод*, широко применяемый испытуемыми для выполнения проблемных заданий. Без карты не может быть ни самой географии, ни комплексного, системного пространственного мышления как такового. При этом карта как система информации использует сложный искусственный язык для выборочного описания окружающего нас мира (мир-системы). Сообщаемая ею информация, выраженная в кодированной форме, представляет собой упрощенное воспроизведение реальной действительности. Если ребенок способен преобразовать ее символику в осязаемые образы (чему учат на уроках географии в средней школе), то в этом случае карта может служить инструментом для анализа действительности, помогающим различать причинные взаимосвязи, существующие в изучаемом пространстве. Таким образом, карта открывает перспективы для интерпретации и объяснения содержащейся в ней информации. Но интерпретация символического материала возможна лишь на *концептуальном уровне*, предполагающем использование тех познавательных структур, которые связывают сиоминутное восприятие и предшествующий опыт индивид. Ребенок, лишенный необходимого знания и опыта, не в состоянии "перевести" или расшифровать замысел картографа. Интуитивная реакция на какие-либо подробности, наиболее заметные в визуальном отношении, мало что дает, если она не подкреплена известным пониманием реальной действительности.

И еще один важный аспект. В настоящее время и географы, и социологи активно исследуют проблему непосредственного восприятия детьми своего окружения [2; 8; 9]. Тенденция пространственного мировосприятия и познания окружающей действительности некоторых детей, как и многих взрослых людей, судить о мире с одной-единственной – их собственной – точки зрения,

Таблица 3. Результаты эксперимента по оценке пространственного мышления детей

Возрастная группа	№ п/п ситуации	Краткая характеристика результатов эксперимента	
		по конкретной проблемной ситуации	
I			общая в рамках возрастной группы
	3	<p>При отсутствии текстового описания, дети этой возрастной группы воспринимают картографическое изображение и три фотографии (на первой из которых находится изображение участка поверхности, засеянного зерновыми культурами, на второй – населенный пункт, расположенный на этой территории, на третьей – процесс погрузки зерна с элеватора в железнодорожный вагон) в качестве отдельного сегмента пространства, не связанного с людьми, занятыми сельскохозяйственным производством. Поэтому дать правдивый ответ на вопрос "Почему этот маленький городок вырос именно здесь, на пересечении шоссе и железной дороги?" они не смогли. Превалировал ответ: "Людам удобнее ездить в этот городок, потому что он в середине" – характерное для данного возраста мышление в рамках эвклидовой геометрии.</p>	<p>В пространственном мышлении доминируют конкретные операции. Главную роль в мыслительном процессе играют общие пространственные понятия, реализуемые детьми на уровне субъективного восприятия (в рамках окружающего микропространства), зачастую оторванного от реальности – "пространственное замешательство".</p>
	4	<p>Не обнаруживается реалистичного понимания пространства закономерностей традиционной японской сельскохозяйственной жизни (почерпнутые из всех трех предоставленных источников информации) не схожей с традициями своей местности – средней полосы России. Иными словами, местные условия детьми попросту игнорируются. Наблюдаются попытки обыграть видимые различия в размещении участков обрабатываемой земли на уровне индивидуального, микропространственного восприятия.</p>	<p>Пространственное мышление обладает возможностью конкретизации географического объекта или процесса при переходе от общих понятий к более конкретным (единичным), при этом осознанно ориентированным на действительность. Наблюдается постепенное смещение в мыслительных операциях с пространством – от конкретных к формальным.</p>
	3	<p>Дети данной возрастной группы показали умение "привязывать" наблюдаемый район к какой-либо заданной им опорной системе и использовать явные внешние показатели, помогающие уточнить место данного района в более широком пространстве (страны, материка). Наблюдается понимание необходимости связей местных фермеров, специализирующихся на выращивании зерновых культур, с возделываемыми ими полями, собранным зерном, последствии засыпанным в элеватор и отгруженным в железнодорожные вагоны, а шоссе используется самими жителями городка для поездок за пределы района.</p>	
II	4	<p>Неспособность полноценно подойти к проблеме пространственной организации японской индивидуальной сельскохозяйственной плантации комплексно. При этом демонстрируется понимание реально существующей зависимости размещения участков от близости к источнику воды, получая эти сведения преимущественно из анализа карты и фотографии, что позволяет произвести, хотя и ограниченный (позлементный), но все же реалистический анализ исследуемого пространства, пока не отличающийся системным восприятием общей картины (воспринято только текстовое описание конкретных элементов организованного пространства).</p>	

	<p>Пространственное мышление все более опирается на формальные операции. Формирование системы объектов и единичных пространственных понятий позволяет раскрыть закономерности (причинно-следственные связи), осознать многообразие изучаемых процессов и явлений.</p>
<p>3</p>	<p>Проявляется способность достаточно точно (по карте) определять местоположение рассматриваемого района (ранее совершенно не знакомого), ориентироваться в его пространстве и разнообразии специфических элементов, формирующих территориальную структуру данного пространства (поселка городского типа, зерновых полей, элеватора, железной и шоссейной дорог и т. д.). Более того, здесь, по сравнению с предыдущей возрастной группой, еще больше "раздвигаются" пространственные границы (за счет применения формальной логики). Подтверждением служит тот факт, что в ответах производственно-торговая цепочка прослеживается далее – к Великим озерам, а оттуда за границу Канады – в США (хотя в 13 – 14-летнем возрасте экономическую географию зарубежных стран дети еще не изучали), т. е. происходит понимание открытости сложной пространственной системы. Однако при этом комплексно увязать все элементы в единую систему агропромышленного производства районного уровня пока не представляется возможным.</p>
<p>III</p>	<p>Явный визуальный контраст между компактными характером деревни и разбросанностью земельных участков (особенно четко читаемый на карте местности), позволяет проанализировать детально, исходя из сведений, относящихся к отдельным элементам организации индивидуального японского сельскохозяйственного производства (почерпнутых из текста и фотографии), а затем комплексно предложить такую ситуацию. Результатом такого квалифицированного (с учетом знания физической географии) анализа становится итоговой, хорошо продуманный с логической точки зрения вывод об особенностях выращивания риса в контрастных природно-климатических условиях высотной поясности.</p>
<p>4</p>	<p>Наличие развитое формально-оперативное пространственное мышление, позволяющее не просто расширить восприятие рассматриваемого региона в окружающем более обширном пространстве (мезо- и макропространстве), а "глобализировать" пространственное воображение (до уровня мегапространства). Это проявляется, в частности, в ответах на последний из триады вопрос, касающийся внешнеэкономического значения выращивания канадского зерна, когда производственно-торговая цепочка, (на основе формальной логики и фактических знаний из курса географии мира) продлевается за пределы Канады по акватории Великих озер в США, а затем через Атлантику на океанских судах в Европу. Главным методом здесь является картографический, позволяющий реализовать формальную пространственную логику на концептуальном уровне. Кроме того, в этой возрастной группе показано комплексное восприятие природных условий, технических и инфраструктурных возможностей, системы расселения и территориальной организации агропромышленного производства на региональном, внутринациональном и международном уровнях (разумно, исходя из целесообразности оценки тех или иных составляющих), исходя из выстроенной гипотезы.</p>
	<p>Пространственное мышление отражает устойчивое владение формальными операциями, и доминирование последних в познании широкого спектра проблем окружающего микро- и макромира, приобретает характер комплексности и системности, позволяет выстраивать собственные гипотетико-дедуктивные рассуждения (построение собственной гипотезы), основанные на самостоятельном выдвигании гипотез и проверке их следствий, используя весь предоставленный материал.</p>
<p>3</p>	<p>Наличие развитое формально-оперативное пространственное мышление, позволяющее не просто расширить восприятие рассматриваемого региона в окружающем более обширном пространстве (мезо- и макропространстве), а "глобализировать" пространственное воображение (до уровня мегапространства). Это проявляется, в частности, в ответах на последний из триады вопрос, касающийся внешнеэкономического значения выращивания канадского зерна, когда производственно-торговая цепочка, (на основе формальной логики и фактических знаний из курса географии мира) продлевается за пределы Канады по акватории Великих озер в США, а затем через Атлантику на океанских судах в Европу. Главным методом здесь является картографический, позволяющий реализовать формальную пространственную логику на концептуальном уровне. Кроме того, в этой возрастной группе показано комплексное восприятие природных условий, технических и инфраструктурных возможностей, системы расселения и территориальной организации агропромышленного производства на региональном, внутринациональном и международном уровнях (разумно, исходя из целесообразности оценки тех или иных составляющих), исходя из выстроенной гипотезы.</p>
<p>IV</p>	<p>Вся исследуемая сфера деятельности японского крестьянина воспринимается как нечто целое, имеющее комплексный характер, проявляющийся взаимодействием, взаимосвязью и взаимозависимостью всех изучаемых элементов данного хозяйства (жилых домов японского крестьянина, расположенных компактно и земельных участков, размещенных, наоборот, в разнообразных условиях переменной местности, а потому пространственно разобщенных между собой). Имеющиеся знания в области не только физической, но и социально-экономической географии, а также истории, основ экономики и т. д. позволяют квалифицированно оценить не разрозненные отдельные элементы, а индивидуальную сельскохозяйственную систему в целом – как открытую пространственную систему, прошедшую уникальный путь исторического развития (навыки выделения риса) пространственную систему, территориально-структурной аграрного производства (выращивания риса) пространственной данность. Характерно, что все суждения относительно различий использования земли ("Хорошей", плодородной – для посева риса, "плохой" – для компактного размещения жилья) подкрепляются ссылками на разнообразные источники наглядной, картографической и текстовой информации.</p>
<p>4</p>	<p>Вся исследуемая сфера деятельности японского крестьянина воспринимается как нечто целое, имеющее комплексный характер, проявляющийся взаимодействием, взаимосвязью и взаимозависимостью всех изучаемых элементов данного хозяйства (жилых домов японского крестьянина, расположенных компактно и земельных участков, размещенных, наоборот, в разнообразных условиях переменной местности, а потому пространственно разобщенных между собой). Имеющиеся знания в области не только физической, но и социально-экономической географии, а также истории, основ экономики и т. д. позволяют квалифицированно оценить не разрозненные отдельные элементы, а индивидуальную сельскохозяйственную систему в целом – как открытую пространственную систему, прошедшую уникальный путь исторического развития (навыки выделения риса) пространственную систему, территориально-структурной аграрного производства (выращивания риса) пространственной данность. Характерно, что все суждения относительно различий использования земли ("Хорошей", плодородной – для посева риса, "плохой" – для компактного размещения жилья) подкрепляются ссылками на разнообразные источники наглядной, картографической и текстовой информации.</p>

Источник: составлено автором.

при явном незнании разнообразия всевозможных точек зрения и перспектив, является одной из основных современных проблем – *эгоцентризма*. Считается, что, проходя последовательные стадии своего развития, ребенок характеризуется то новыми проявлениями эгоцентризма, то его отступлением на второй план. Рецидивы эгоцентризма замечаются всякий раз, когда ребенок сталкивается с какой-нибудь *новой познавательной задачей*. Поэтому не удивительно, что когда он вступает в отроческий возраст и начинает соприкасаться с категориями возможного и гипотетического, то вновь оказывается во власти эгоцентрического мышления.

Для всех 12 серий ответов характерно, что многие дети самых младших возрастов высказывали суждения эгоцентрического характера. В тех случаях, когда рассматриваемую проблемную ситуацию можно было приравнять к чему-то знакомому, весь анализ строился исключительно с позиций собственного прошлого опыта. С другой стороны, если параллель с чем-либо, что ребенок испытал на опыте, оказывалась невозможной, то наблюдалась явная тенденция высказывать суждения с позиции какой-то личной прихоти или индивидуального предпочтения. Это подтверждается первыми двумя ответами, приведенными в серии, касающейся японской деревни. Здесь во главу угла ставились желания людей и почти игнорировались местные условия, которые могут сдерживать или ограничивать частную инициативу. И напротив, ответы, отнесенные к IV возрастной группе, свидетельствуют о способности к объективным суждениям: старшие дети умеют учитывать и технические ресурсы, и возможности местного населения. Они также принимают в расчет ограничения, обусловленные местными природными условиями.

Таким образом, подросток действительно ориентируется в предложенной ему для анализа чуждой среде и дает достаточно полные объяснения, исходя из культурных и пространственных факторов. Это зависит от возникновения способности к *формальным суждениям* на основе гипотез и предположений, выраженных точными словами.

Заключение

Значение проведенного эксперимента для понимания особенностей разновозрастного детского восприятия пространственных категорий и составляющих его взаимосвязанных элементов состоит, на наш взгляд, прежде всего, в раскрытии возможностей познавательного развития (и даже шире – интеллектуального прогресса) ребенка, который возможен благодаря динамичному процессу взаимодействия между ним и его пространственным окружением. Столкнувшись с новой познавательной задачей, ребенок вынужден преодолеть разрыв между его нынешним уровнем интеллектуальной деятельности и требованиями, которые выдвигает перед ним поставленная задача по изучению организации неизвестного ранее пространства.

Что же в итоге дает использование результирующих оценок проблемного подхода (как ситуативно, так и в целом) для понимания специфики пространственного мышления детей различных возрастных групп, учитывая их интеллектуальный уровень и организации познавательного процесса пространственной сущности географических объектов и явлений различного уровня и элементного порядка?

Во-первых. Необходимо различать и учитывать в процессе обучения ребенка разноуровневое понимание действий в пространстве, составляющих основной предмет школьной географии, варьирующего от представления и построения общих и единичных понятий восприятия, заимствования, аналогий изоморфизма из евклидовой геометрии и логики до обоснования особых – организующих, структурирующих, образных – аспектов пространственно-географического мировосприятия. Такой качественный переход объясняет в конечном итоге разносторонние личностные особенности ребенка как субъекта познания картины мира.

Во-вторых. Географическое обучение, основанное на проблемном подходе, расширяет познавательную деятельность ребенка в плане пространственного восприятия окружающего мира от простой рефлексии территориальной зависимости до реально существующих закономерностей пространственной (территориальной) организации общества, исторически развивающегося в разнообразных естественных условиях единой географической оболочки Земли.

Отсюда возникает связь в восприятии естественно–научного и социокультурного понимания пространства. Она, применительно к поднятой здесь проблеме, на наш взгляд, заключается, прежде всего, в том, что любой объект общественного, культурного, гуманитарного характера превращается в сознании ребенка в осмысленную реальность лишь тогда, когда происходит его познавательный контакт с фрагментом пространственной действительности этого объекта, выраженной многообразием и иерархией взаимосвязей наблюдаемых в реальности элементов территориальной (географической) системы, выступающей основой жизни и деятельности населения конкретного региона. Важное значение в системном единении категории пространства (формирование единой *пространственной парадигмы* научного познания картины мира) играет конструктивная оценка и переоценка сопряченного с исследуемым пространством личностных ценностей и смыслов ребенка.

Литература

1. Елацков А. Б. Политическое геопропространство как объект исследования. Виды и пределы пространств. А.Б. Елацков // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 7. Геология. География, 2012. № 2. С. 126–136.
2. Зубова О. Г. География детства – новое исследовательское и образовательное направление в российской географической науке. О.Г. Зубова, Е.Ю. Костина, И.В. Машкина // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2019. № 3. С. 38–49. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/38-49
3. Костинский Г. Д. Географическая матрица пространственности. Г.Д. Костинский // Известия РАН. Сер. Географическая, 1997. № 5. С. 16–31.
4. Кутявина Е. Е. Включённость сормовских школьников в пространство района. Е. Е Кутявина, Е. О. Герасимова // Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: современное состояние, проблемы и перспективы: Материалы Международ. науч. конф. / отв. ред. А.Г. Филиппова. СПб.: Астерион, 2019. С. 167–171.
5. Литвяк Е. Пространства и странствия первых лет. Ребенок между миром чувств и миром представлений. Е. Литвяк // Первое сентября, 2012. № 37. [Электронный ресурс]. URL: <https://ps.lsept.ru/article.php?ID=200203711> (дата обращения 12.03.2020).
6. Минат В. Н. Имитационные модели как средство обучения географии в общеобразовательной школе. В. Н. Минат, С. И. Гулякина // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международ. науч. конф. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 176–179.
7. Минат В. Н. К вопросу формирования и развития предметно – пространственных понятий в школьном курсе географии. В. Н. Минат // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международ. науч. конф. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 173–176.
8. Митрофанова С. Ю. Проблематика событийности детства в зарубежных журналах. С. Ю. Митрофанова // Экономика и социология, 2018. № 4 (40). С. 11–14.
9. Никитина-ден Бестен, О. "Детство" в социальных науках: новые смыслы и новые подходы. О. Никитина-ден Бестен // ИНТЕР, 2009. Т. 1. № 5. С. 7–39.
10. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Б.Б. Родоман. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
11. Смирнягин Л. В. Судьба географического пространства в социальных науках. Л.В. Смирнягин // Известия РАН. Сер. Географическая, 2016. № 4. С. 7–19.
12. Шарыгин М. Д. Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ним. М. Д. Шарыгин, Л. Б. Чупина // Географический вестник. 2013. № 2 (25). С. 4–8.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Elatskov A. B. Politicheskoe geoprostranstvo kak ob"ekt issledovaniya. Vidy i predely prostranstv. A.B. Elatskov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 7. Geologiya. Geografiya, 2012. № 2. S. 126–136.
2. Zubova O. G. Geografiya detstva – novoe issledovatel'skoe i obrazovatel'noe napravlenie v rossijskoj geograficheskoy nauke. O.G. Zubova, E.YU. Kostina, I.V. Mashkina // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya, 2019. № 3. S. 38–49. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/38-49
3. Kostinskij G. D. Geograficheskaya matritsa prostranstvennosti. G.D. Kostinskij // Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya, 1997. № 5. S. 16–31.
4. Kutyavina E. E. Vkluyuchyonnost' sormovskikh shkol'nikov v prostranstvo rajona. E. E Kutyavina, E. O. Gerasimova // Uchastie detej v reshenii voprosov, zatragivayushhikh

ikh interesy: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. A.G. Filippova. SPb.: Asterion, 2019. S. 167–171.

5. Litvyak E. Prostranstva i stranstviya pervykh let. Rebenok mezhdz mirom chuvstv i mirom predstavlenij. E. Litvyak // Pervoe sentyabrya, 2012. № 37. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200203711> (data obrashheniya 12.03.2020).

6. Minat V. N. Imitatsionnye modeli kak sredstvo obucheniya geografii v obshheobrazovatel'noj shkole. V. N. Minat, S. I. Gulyakina // Donetskie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Donetsk: Izd-vo DonNU, 2019. S. 176–179.

7. Minat V. N. K voprosu formirovaniya i razvitiya predmetno – prostranstvennykh ponyatij v shkol'nom kurse geografii. V. N. Minat // Donetskie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Donetsk: Izd-vo DonNU, 2019. S. 173–176.

8. Mitrofanova S. YU. Problematika sobytijnosti detstva v zarubezhnykh zhurnalakh. S. YU. Mitrofanova // EHkonomika i sotsiologiya, 2018. № 4 (40). S. 11–14.

9. Nikitina-den Besten, O. "Detstvo" v sotsial'nykh naukakh: novye smysly i novye podkhody. O. Nikitina-den Besten // INTER, 2009. T. 1. № 5. C. 7–39.

10. Rodoman B. B. Territorial'nye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoy geografii. B. B. Rodoman. Smolensk: Ojkumena, 1999. 256 s.

11. Smirnyagin L. V. Sud'ba geograficheskogo prostranstva v sotsial'nykh naukakh. L. V. Smirnyagin // Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya, 2016. № 4. S. 7–19.

12. SHarygin M. D. Podkhody k izucheniyu geograficheskogo prostranstva-vremeni i problemy, svyazannye s nim. M. D. SHarygin, L. B. SHupina // Geograficheskij vestnik. 2013. № 2 (25). S. 4–8.

Минат В. Н. Детское пространственное мышление в региональном географическом познании.

Первичной основой любого научного восприятия пространственно–временной действительности является географическое пространство. Эту логическую позицию раскрывают авторы данной статьи применительно к развитию пространственного мышления детей школьного возраста, формируемого в рамках познания окружающей их действительности и целостной географической картины мира, характеризующейся региональными особенностями. На основе изучения теоретического материала и анализа результатов экспериментального исследования, сформулированы общие подходы к реалистичному пониманию многоуровневого восприятия пространства детьми, основанного на реализации их собственного потенциала.

Ключевые слова: *взаимодействие детей и пространства, географическое пространство, пространственное мышление ребенка, предметно–пространственная система, собственное пространство, проблемный подход, проблемная ситуация в обучении географии, конкретная и формальная логика*

Minat V. N. Children's spatial thinking in regional geographical knowledge.

The primary basis of any scientific perception of spatio–temporal reality is geographical space. This logical position is revealed by the authors of this article in relation to the development of spatial thinking of school-age children, formed within the framework of knowledge of the surrounding reality and a complete geographical picture of the world, characterized by regional features. Based on the study of theoretical material and analysis of experimental research results, General approaches to a realistic understanding of multi-level perception of space by children based on the realization of their own potential are formulated.

Key words: *interaction of children and space, geographical space, spatial thinking of a child, subject-spatial system, own space, problem approach, problem situation in teaching geography, concrete and formal logic*

Для цитирования: Минат В. Н. Детское пространственное мышление в региональном географическом познании // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 58–68. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/58-68

For citation: Minat V. N. Children's spatial thinking in regional geographical knowledge // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 58–68. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/58-68

УДК 316.4

*Ардальянова А. Ю., Бадараев Д. Д., Бийжанова Э. К.,
Винокурова А. В., Калинина И. В., Костина Е. Ю.,
Купряшкин И. В., Орлова Н. А.*

Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы

Межрегиональный круглый стол "Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы", который был проведён в июне нынешнего года, объединил исследователей Дальневосточного федерального университета (Владивосток), Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (Биробиджан), Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) и Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва). В онлайн-режиме, поскольку сложившаяся эпидемиологическая обстановка не позволила провести мероприятие в очном формате, представители академического и вузовского сообщества обсудили различные аспекты, связанные с исследованием приграничной проблематики.

Основные направления дискуссии были сформулированы следующим образом:

- актуальные проблемы и тренды регионального развития дальневосточного приграничья и социальные риски, связанные с этим развитием;
- региональные процессы социальной интеграции и дифференциации, эксклюзии и неполной инклюзии в дальневосточном приграничье в системе отношений "центр – периферия";
- социальное (не)благополучие в регионах дальневосточного приграничья.

© Ардальянова А. Ю., Бадараев Д. Д., Бийжанова Э. К., Винокурова А. В., Калинина И. В., Костина Е. Ю., Купряшкин И. В., Орлова Н. А., 2020

АРДАЛЪЯНОВА Анна Юрьевна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** ardy2004@mail.ru

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич, канд. социол. наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (*г. Улан-Удэ*). **E-mail:** damdin80@mail.ru

БИЙЖАНОВА Элиза Камчыбековна, научный сотрудник отдела анализа социокультурных оснований политических процессов Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (*г. Москва*). **E-mail:** biyghanova@isras.ru

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна, канд. социол. наук, доцент, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** vinokurova77@mail.ru

КАЛИНИНА Ирина Владимировна, канд. геогр. наук, старший научный сотрудник лаборатории региональных социально-экономических систем Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН (*г. Биробиджан*). **E-mail:** gaevaiv@yandex.ru

КОСТИНА Елена Юрьевна, канд. социол. наук, доцент, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** kostina.eyu@dvfu.ru

КУПРЯШКИН Илья Владимирович, канд. филос. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** kupryashkin.iv@dvfu.ru

ОРЛОВА Надежда Александровна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** orlova.na@dvfu.ru

При поддержке РФФИ, проект № 19-011-00768 "Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье".

Винокурова А.В.: В системе "центр – периферия" приграничные территории традиционно позиционируются как глубоко периферийные, удалённые от центра. Это особенно актуально в отношении регионов дальневосточного приграничья, поскольку Дальний Восток максимально, по российским масштабам, удалён от европейской части страны и федерального центра. Важно отметить, что современные процессы социально-демографической и социально-экономической направленности характеризуются динамичным развитием сопредельных с Россией государств Северо-Восточной Азии. При этом территории дальневосточного приграничья, являясь зоной контакта в пространственной интеграции, обладают рядом специфических особенностей. Практически для всех приграничных дальневосточных регионов на сегодняшний день значимы некоторые не совсем благоприятные социальные тенденции, связанные с ухудшением различных аспектов повседневной жизни людей, включая плохое состояние социальной инфраструктуры, наличие больших трудностей в сфере труда и занятости, снижение реальных доходов населения и пр. Поэтому особенности географического положения, социального, экономического развития региона, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры могут рассматриваться в контексте основных факторов, влияющих на динамику социальных трансформаций, демографических, миграционных процессов и т.п. Соответственно актуализируются вопросы касательно того, какие тенденции наблюдаются в контексте пространственно-территориального, социально-экономического, демографического развития дальневосточного приграничья. И, полагаю, стоит начать с того, что представляет собой приграничный регион, что является наиболее значимым в контексте научного осмысления приграничья.

Калинина И.В.: Понятие "приграничный регион" подразумевает, что входящая в него территория испытывает существенное влияние государственной границы, основными функциями которой являются барьерная, фильтрующая и контактная. Для приграничного сотрудничества необходимо развивать контактную функцию, а для сохранения социального контроля над территорией – барьерную и фильтрующую. При этом пограничное сотрудничество наиболее полноценно при развитии всех необходимых функций. Всё это в полной мере относится и к дальневосточному приграничью.

Ардальянова А.Ю.: Основные характеристики приграничья (как представляется в идеале) предполагают, с одной стороны, равномерное заселение приграничных регионов, недопущение обезлюживания. А с другой стороны, необходимо относительно равномерное социально-экономическое развитие приграничных территорий, бедных и заброшенных районов быть не должно.

Бийжанова Э.К.: Указанные характеристики приграничных регионов могут быть дополнены. В частности, необходимо наличие целенаправленной политики региональных и местных властей и деятельности, направленной на обеспечение защиты границы всеми возможными способами (включая организацию дееспособного местного сообщества, выстраивание отношений с "соседями", воспитание патриотизма и других идейно-нравственных позиций у граждан). Не менее важным является и обеспечение достойного уровня социально-экономического развития приграничных регионов, формирование благоприятных условий жизни для местного населения.

Купряшкин И.В.: Получается, что соответствие данным характеристикам может стать убедительным доказательством жизнеспособности дальневосточного приграничья, приграничье призвано конструировать "своё" пространство, являясь фактором консолидации жителей и, в зависимости от ситуации, задавать/формировать определённые жизненные стратегии местных сообществ, которые должны включать в себя фактор присутствия границы?

Бийжанова Э.К.: В целом, да, необходимо понимание особого положения приграничных территорий и, следовательно, потребности в особой государственной политике по отношению к ним. Доминирование геополитической составляющей в представлениях властных структур о приграничье зачастую не учитывает территориальные общности, сложившиеся там.

С точки зрения социологии, приграничные территории представляют интерес именно в контексте местных (региональных) сообществ, их мнения

и оценки жизни в данных регионах дают возможность выявить потенциал и перспективы развития приграничья.

Дальневосточные приграничные территории традиционно рассматриваются в русле международного сотрудничества и реже – с позиций внутренней политики развития как особых регионов, имеющих стратегическое значение для обеспечения целостности и безопасности страны. Ещё более уязвимыми они оказываются, если отметить, что Дальний Восток находится на удалённом расстоянии от центра, т.е. они фактически остаются "на обочине" при распределении основных ресурсов для реализации мер социальной политики по поддержанию уровня и качества жизни населения.

Купряшкин И.В.: Элиза Камчыбековна, позвольте с вами не согласиться. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) является одним из главных участников новой региональной политики России, сопряженной с общей задачей пространственно-территориального развития. В связи с этим одно из основных предложений в национальную программу развития Дальнего Востока – принятие мер, направленных на увеличение численности дальневосточного населения, которая, как предполагается, лежит в основе всех составляющих социально-экономического благополучия региона, включая его промышленное развитие и инфраструктурную обустроенность. В настоящее время на это нацелен ряд федеральных инициатив¹.

Дальний Восток в целом и его приграничные регионы в частности в последние годы стали настоящим полигоном для отработки новых идей развития экономики, социальной сферы и управления, реализуемых в пилотном варианте. И здесь речь идёт не только о пресловутом "Дальневосточном гектаре", это и законы "О свободном порте Владивосток", "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации" и ряд других.

Бийжанова Э.К.: Но дело ведь не только в самих этих масштабных федеральных инициативах, а в том, насколько эффективно они реализовываются. Вот, например, если говорить о "Дальневосточном гектаре", то освоить полагается 170 миллионов гектаров. Планировалось, что за "гектаром" придут 30 миллионов человек, но взяли землю только 77 тысяч². И в большинстве своем это жители не центральных российских регионов, а сами дальневосточники.

Орлова Н.А.: К этому можно добавить, что наиболее интегрированным показателем социального благополучия или неблагополучия является демографическая ситуация. Если говорить конкретно о дальневосточных регионах российско-китайского приграничья, то здесь, несмотря на предпринимаемые властями меры, сохраняется негативная динамика. Суммарно за последние пять лет число жителей, проживающих в Амурской области, Еврейской автономной области, Забайкальском, Приморском и Хабаровском краях, уменьшилось практически на 100 тысяч человек³. Сокращение численности населе-

¹ См. подробнее: Федеральный закон "О свободном порте Владивосток" от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 14.06.2020); Федеральный закон "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации" от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 14.06.2020); Федеральный закон "Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 01 мая 2016 года № 119-ФЗ // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 14.06.2020).

² См. подробнее: Чуйков А. Билет на поезд к вечной мерзлоте // Аргументы недели. 2020 № 26 (720). С. 16.

³ См. подробнее: Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2019 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000070r.htm (дата обращения: 10.06.2020); Регионы России. Социально-экономические показатели 2019

ния происходит как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока.

Бадараев Д.Д.: Отмечу, что в Республике Бурятия, которая является дальневосточным регионом российско-монгольского приграничья, демографическая ситуация не имеет принципиальных отличий. Хотя обвального падения численности населения не происходит, она держится примерно на одном и том же уровне за счёт относительно высоких (на фоне многих других российских регионов) показателей рождаемости, но сохраняется отрицательное сальдо миграции.

Калинина И.В.: Изменение людности тесно взаимосвязано с трансформацией инфраструктуры, что особо актуально для приграничных территорий. Транспорт, связь, водопроводы и канализация и прочие производственные элементы создают условия для нормальной жизнедеятельности населения, проживающего на территории. А образование, здравоохранение, культура и спорт – создают условия для развития личности. Слабая обеспеченность населённых пунктов дальневосточного приграничья объектами социальной инфраструктуры отрицательно сказывается на уровне жизни и "качестве" населения. Можно сказать, что наличие объектов социальной инфраструктуры и количество трудоспособного населения находятся в тесной зависимости: сокращение объектов ведёт к сокращению населения, а отсутствие населения не способствует восстановлению объектов социальной инфраструктуры.

Ардальянова А.Ю.: Хотелось бы дополнить ваше высказывание, Ирина Владимировна, конкретными примерами. В ходе прошлогодней экспедиции мы проводили экспертные интервью и фокус-группы с представителями местных сообществ, проживающих в приграничных населённых пунктах Приморского края⁴. Наши информанты в качестве главной проблемы называют бедность, в своих нарративах они указывали на отсутствие возможностей для удовлетворения базовых жизненных потребностей. Говорили о том, что у многих местных жителей не хватает денежных средств на покупку самых необходимых вещей (продуктов питания, одежды и т.п.). Предприниматели отмечали, что нет возможностей для развития бизнеса, основная стратегия состоит в том, чтобы удержать имеющиеся ресурсы. Отмечается и то, что материальное положение "приграничников" не улучшилось с приходом больших федеральных проектов, и связывается это, прежде всего, с тем, что налоги с доходов крупных предприятий, работающих в территориях, не платятся в местный бюджет.

Винокурова А.В.: Анна Юрьевна, я продолжу. Среди проблем социальной сферы остро стоит вопрос об организации и возможностях доступа к бесплатной качественной медицинской помощи. Об этом также много говорили жителями приграничных населённых пунктов. Так, при наличии самих медицинских учреждений, указывают на нехватку в них врачей той или иной специализации. Меры, предпринимаемые со стороны власти, по мнению информантов, не оказывают должного эффекта, вот показательная цитата из интервью: "... даже квартиры предоставляют им – не задерживаются...". Это вот как раз к вопросу об эффективности госпрограмм, в том числе и программы "Земский доктор".

Костина Е.Ю.: К сожалению, можно говорить о территориальном неравенстве в данном вопросе; изначально неравная ситуация в социальном и экономическом развитии, дисперсии заработной платы, предложений на рынке труда делают некоторые территории более привлекательными для людей. Человек хочет получить большее вознаграждение за собственный человеческий капитал и, конечно же, ищет такое место проживания и занятости, где сможет предложить свои навыки и компетенции по более выгодной цене. Создание привлекательной и устойчивой среды для населения, условий для комфорт-

[Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 10.06.2020).

⁴ См. подробнее: Малые города в социальном пространстве России: [монография]. [А. Ю. Ардальянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и др.]; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. Текст электрон. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751

ного проживания – залог привлечения человеческого капитала и будущего развития региона.

В регионах дальневосточного приграничья сохраняется ряд проблем, затрудняющих развитие человеческого капитала. Как уже отмечалось другими участниками дискуссии, демографическая ситуация, сложившаяся в ДФО, характеризуется негативными процессами в сфере воспроизводства населения, сохраняется отток местного населения (несмотря на положительную тенденцию к снижению), состоящий, в основном, из лиц трудоспособного возраста и квалифицированной части трудовых ресурсов.

Бадараев Д.Д.: Как показывают статистические данные и социологические исследования, значимый сегмент среди причин миграции занимает трудоустройство на востребованную и высокооплачиваемую работу, которая соответствует основным запросам наёмного работника. Так, в Республике Бурятия наблюдаются активные межрайонные перемещения трудоспособного населения. В большинстве случаев причинами сельско-городской миграции становятся отсутствие подходящей работы и сопутствующий низкий уровень жизни в сельской местности, сворачивание производственной сферы, слабые перспективы возрождения былых хозяйствующих субъектов, низкий уровень инфраструктурной обеспеченности, качество оказываемых образовательных, культурно-досуговых и медицинских услуг. С позиции отпускаящей стороны происходит уменьшение численности населения в районах республики. Вместе с тем с позиции принимающей стороны наблюдается наплыв сельского населения в региональный центр – город Улан-Удэ. Большинство приезжего населения оседает на первое время в пригородах Улан-Удэ, а также в близлежащих к городу районах. Далее, по мере наращивания капитала и прохождения адаптационного периода, некоторые сельчане меняют место жительства в сторону центральной части города, где шире представлены возможности удовлетворения социальных, культурных и духовных потребностей.

Калинина И.В.: Хотелось бы внести дополнение относительно проблем в сфере удовлетворения социальных, культурных и духовных потребностей. В частности, в Еврейской автономной области (ЕАО) основной акцент в сфере культуры, как и в сфере здравоохранения, делается скорее не на развитие, а на восстановление и сохранение имеющегося уровня. Большое внимание уделяется переводу части культурного наследия в электронный вид и облегчения доступа к нему гражданам, проживающим на удалённых территориях. К сожалению, в стратегии развития ЕАО отмечается значительный откат к прошлому, проявляющийся в возвращении к практике передвижных культурных центров. Хотя, с одной стороны, это будет способствовать удовлетворению минимальных культурных потребностей населения, проживающего в удалённых сельских территориях, с другой стороны, это говорит о неспособности региона создать постоянные комфортные условия жизни для местного населения.

Орлова Н.А.: Ещё стоит обратить внимание на то, что среди дальневосточников миграционные установки более выражены, чем среди россиян в целом. Также в большинстве семей родители поддерживают образовательную миграцию детей в крупные города региона для получения образования и для дальнейшего поиска более высокооплачиваемой работы, закрепления там. Результаты социологических исследований, проведённых как различными социологическими организациями (ВЦИОМ, Левада-Центр и др.), так и реализованных при нашем непосредственном участии, показывают, что подавляющее большинство респондентов считают, что выпускнику, закончившему школу в небольшом городе или селе, стоит ехать поступать в более крупный город или региональную столицу, "глубинка" воспринимается как бесперспективное место для выпускника школы⁵.

⁵ См. подробнее: Образовательная миграция [Электронный ресурс] // Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр): [веб-сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/05/21/obrazovatel'naya-migratsiya/> (дата обращения: 14.06.2020).

Оценка восприятия Дальнего Востока жителями Российской Федерации и уровня развития человеческого капитала в регионах Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [веб-сайт]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-12_DFO.pdf (дата обращения: 14.06.2020); Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона

Бадараев Д.Д.: В дополнение к вышесказанному отмечу, что в Бурятском государственном университете проводятся регулярные исследования, направленные на выявление образовательных, миграционных и жизненных стратегий студенчества. Сейчас количество студентов, которые намерены выехать в другие страны, увеличилось почти на треть. Это можно объяснить, с одной стороны, увеличением количества китайских вузов-партнёров, которые реализуют обучение иностранных студентов по грантовым программам Правительства КНР, а с другой стороны, связаны с общим видением перспектив развития китайской экономики. Студенты, обучающиеся по направлениям подготовки "Туризм", "Филология" и "Педагогическое образование", также видят больше перспектив в обучении и трудоустройстве в странах Северо-Восточной Азии: Китае, Республике Корея и даже в Монголии. Безусловно, проблема носит системный характер, и её решение также должно быть системным. Без улучшения общей социально-экономической ситуации, повышения заработной платы, развития туристической сферы регион не сможет сдержать миграционный отток талантливой молодёжи, не говоря уже о привлечении её из других субъектов.

Костина Е.Ю.: Обезлюживание дальневосточных территорий стало признаваться федеральной властью как угроза безопасности страны, так как не стоит забывать, что данные отдалённые территории являются, по большей части, приграничными. К сожалению, стоит констатировать, что дальневосточные территории проигрывают в конкуренции за человеческий капитал центральным регионам страны, у них пока не получается ни удержать своё население, ни привлечь человеческий капитал из других регионов страны.

Орлова Н.А.: Чтобы переломить этот негативный тренд, предпринят ряд шагов. В 2015 г. было создано Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке⁶ (АРЧК ДВ), выступающее в качестве одного из социальных институтов развития дальневосточных регионов. Цель деятельности Агентства – комплексное решение вопросов по обеспечению Дальневосточного федерального округа трудовыми ресурсами, достижение положительной миграционной динамики за счёт дополнительного притока населения и его закрепления.

Привлечение и закрепление жителей на Дальнем Востоке, в том числе и в его приграничных регионах, включает в себя несколько программ переезда. К ним можно отнести программу повышения мобильности трудовых ресурсов и государственную программу оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (в том числе старообрядцев). Также имеется отдельная программа переселения старообрядцев на Дальний Восток. Есть программа переселения граждан РФ, имеющих статус безработных. Действует программа трудоустройства в федеральных государственных органах, государственных внебюджетных фондах РФ, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Ряд дальневосточных регионов, заинтересованных в привлечении определённых специалистов, таких как молодые ученые, медицинские работники, работники сферы образования и культуры и пр., предлагают свои программы, предусматривающие оплату стоимости переезда, выплату подъемных и предоставление жилья.

Костина Е.Ю.: В свете вышесказанного особый интерес представляет мнение населения о потенциале развития дальневосточного приграничья, о его привлекательности, об уровне участия государства в развитии данных территорий. Так, исследования показывают, что в рейтинге регионов, обладающих, по мнению россиян, наибольшим потенциалом экономического и социального развития, Дальневосточный федеральный округ занимает четвертое место. С большим отрывом лидирует Центральный федеральный округ, в первую очередь, конечно же, Москва и Московская область. Второе и третье места в рейтинге занимают регионы Южного федерального округа, конкретнее – Краснодарский край и Крым. Жители нашей страны считают, что наиболее

(на материалах социологического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 70–83.

⁶ См. подробнее: Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке: [веб-сайт]. URL: <https://hcfе.ru/>

привлекательными сторонами жизни на Дальнем Востоке являются возможность хорошо зарабатывать, возможность карьерного и профессионального роста, возможность работы по специальности, благоприятная экологическая обстановка, доступное жильё и социальное обеспечение. При этом половина опрошенных считает, что государство предпринимает активные меры, направленные на развитие Дальнего Востока. В то же время каждый четвёртый не согласен с этим, и высказывается мнение о недостаточном внимании, уделяемом государством развитию данных территорий⁷.

Территории Дальнего Востока России существуют в основном за счёт эксплуатации природных ресурсов региона. В таких условиях работодатели не видят смысла инвестировать в развитие человеческого капитала. Надо отметить, что переломить данный тренд можно только при условии наличия жёсткого контроля со стороны власти, направленного на развитие не только добывающих производств, но и на перелом психологии временщика. Именно поэтому дотационные приграничные территории должны опираться на человеческий капитал, повышать уровень регионального человеческого капитала путем инвестирования в человеческие ресурсы, который и сможет создать в будущем технологический и экономический прорыв в регионе, тем самым и укрепив границы страны, и сократив разрыв периферии и центра.

Ардальянова А.Ю.: Если говорить о конкретных положительных перспективах развития дальневосточного приграничья, то, во-первых, это реальные возможности для местных предпринимателей участвовать в специальных региональных и муниципальных программах для представителей малого и среднего бизнеса. Во-вторых, это действенная государственная политика. Социально-экономическое развитие дальневосточных приграничных регионов должно строиться не только на основе привлечения внимания к Дальнему Востоку как к стратегическому и приоритетному объекту и точке роста, но и с учётом "живых" проблем самих местных жителей, круг которых достаточно широк и разнообразен.

Купряшкин И.В.: Важен диалог власти, экспертного сообщества и населения.

Винокурова А.В.: Подводя итоги нашего круглого стола, можно отметить, что приграничные регионы российского Дальнего Востока продолжают оставаться периферийными территориями. Особенно остро это ощущается в сфере институциональных трансформаций и социальной политики, где имеется ряд проблем, требующих более пристального внимания властных структур как местного, регионального, так и федерального уровня, а также тщательного научного изучения и мониторинга. Формирование и реализация действенной социальной политики являются взаимозависимыми процессами между социально-экономическим (инфраструктурным) и социокультурным развитием региона. Их неравномерное развитие может привести не только к негативным последствиям развития приграничных территорий, но и оказать существенное влияние на потенциал социокультурного развития и безопасности страны в целом. При этом важно, чтобы в основу социальной политики была заложена специфика приграничного региона и сообщества, проживающего на его территории, понимание проблем местного населения, учёт особенностей их социального самочувствия, чтобы граница исполняла не только барьерные функции, но и контактные. Необходимо остановить отток людей из населённых пунктов дальневосточного приграничья, особенно малых городов и сельских поселений. Отсутствие людей, живущих на приграничье, может существенно затруднить развитие приграничного сотрудничества и развитие связей с соседними странами на местном и региональном уровнях.

⁷ См. подробнее: Социологический мониторинг миграционной ситуации на Дальнем Востоке [Электронный ресурс // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1355> (дата обращения: 14.06.2020)

Ардальянова А. Ю., Бадараев Д. Д., Бийжанова Э. К., Винокурова А. В., Калинина И. В., Костина Е. Ю., Купряшкин И. В., Орлова Н. А. Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы.

Ardalyanova A. Yu., Badaraev D. D., Biyzhanova Eh. K., Vinokurova A. V., Kalinina I. V., Kostina E. Yu., Kupryashkin I. V., Orlova N. A. Modern Far Eastern border: institutional transformations and center-peripheral processes.

Для цитирования: Ардальянова А. Ю., Бадараев Д. Д., Бийжанова Э. К., Винокурова А. В., Калинина И. В., Костина Е. Ю., Купряшкин И. В., Орлова Н. А. Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 69–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/69-76

For citation: Ardalyanova A. Yu., Badaraev D. D., Biyzhanova Eh. K., Vinokurova A. V., Kalinina I. V., Kostina E. Yu., Kupryashkin I. V., Orlova N. A. Modern Far Eastern border: institutional transformations and center-peripheral processes // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 69–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/69-76

УДК 23.00.00

*Колоскова Н. И., Аленцов Е. А., Недоступ Е. А.,
Остапович О. С.*

Политическое устройство Бразильской империи по Конституции 1824 года

Введение

История империй – это политическая и культурная история имперского типа государства, а также дисциплины, непосредственно связанные с этими вопросами [3, с. 11]. Отличительная особенность современной российской имперской исторической науки – концентрация усилий на изучении преимущественно истории России, Центральной и Восточной Европы. "На фоне исследований, посвященных европейским монархиям, крайне мало работ, затрагивающих проблемы истории другой империи, которая существовала одновременно с Российской, Австро-Венгерской, Османской и исчезла с политической карты всего лишь за два с лишним десятилетия до краха европейских имперских государств. Речь идет о Бразильской Империи" [11, с. 14].

С чем связан этот пробел? Корни следует искать в советской историографии. Самый простой пример: в классическом труде Калмыкова, посвященном истории Латинской Америки, Бразильской империи, простоявшей 67 лет, посвящено лишь 11 страниц [12, с. 237]. Стабильное Бразильское государство являло настолько резкий контраст по сравнению с революционными традициями стран Латинской Америки, что попросту не вписывалось в идеологические рамки гуманитарного знания в Советском Союзе. В нашей стране Бразильская империя едва не стала символом отсталости и реакционности, что, конечно, в корне неверно [11, с. 14].

Данная статья не претендует на то, чтобы заполнить собой все пробелы в изучении бразильского конституционализма и политического устройства Бразилии в его историческом развитии, однако хотелось бы осветить некоторые вопросы, по которым до сих пор не проводилось специальных исследований, как то:

- история создания первой бразильской Конституции, её прототипы;
- политическое устройство Бразильской империи по Конституции 1824 г.;
- указание основных изменений политического устройства Бразильской империи со дня её основания до провозглашения Первой бразильской республики (1889 г.).

Конституция

7 сентября 1822 г. Педру ди Браганса провозгласил Бразилию независимой империей, став императором Педру I. В результате в августе 1825 г. Португалия (при посредничестве Великобритании) признала независимость Бразилии на условиях отказа от претензий на колонии, торговлю рабами и выплату части португальского долга. Если бы Бразилия не была превращена

© Колоскова Н. И., Аленцов Е. А., Недоступ Е. А., Остапович О. С., 2020

КОЛОСКОВА Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент кафедры "Философия и мировые религии" Донского государственного технического университета. (г. Ростов-на-Дону). **E-mail:** koloskova_natulya52@mail.ru

АЛЕНЦОВ Егор Андреевич, студент кафедры "Робототехника и мехатроника" Донского государственного технического университета. (г. Ростов-на-Дону). **E-mail:** 14032000e@mail.ru

НЕДОСТУП Евгений Александрович, студент кафедры "Робототехника и мехатроника" Донского государственного технического университета. (г. Ростов-на-Дону). **E-mail:** nedostup00@inbox.ru

ОСТАПОВИЧ Олег Сергеевич, студент кафедры "Робототехника и мехатроника" Донского государственного технического университета. (г. Ростов-на-Дону). **E-mail:** oleg.ostapovich@bk.ru

в независимую монархию, она стала бы республикой, тем более что такая попытка была сделана (временное правительство Жуана Рибейро, просуществовавшее несколько месяцев в 1815 г.) [8, с. 49]. Естественно, требовалось принять такую Конституцию, которая полностью обеспечивала бы стабильность в молодом государстве и, кроме того, подчёркивала бы его идентичность.

Имперская Конституция сыграла решающую роль в становлении Бразилии – и как государства, и как нации, выполняя жизненно важную функцию создания институтов власти и легитимизацию нового режима, который провозгласил себя представителем народов Португальской Америки. Новое правительство было централизованным, что позволяло удержать огромные территории и не допустить сепаратизма в обществе, которое характеризовалось бразильскими элитами как "анархическое". [10] Проблема, лежащая в основе нового режима, заключалась в проблематичности создания такой структуры общества, которая удовлетворяла бы одновременно политические элиты и городское население – главную движущую силу реформ. Связать единого разрозненные части – такой была первоочередная задача первой бразильской Конституции, притом искомая общность должна была выходить за рамки центробежных тенденций, которые оставались важной проблемой Бразилии как в монархический период, так и после провозглашения Республики.

Искомая конституционная формула нашла своё выражение в установках либерализма, которые, будучи облечены в нужную форму, могли бы вызывать преданность центральному правительству [11, с. 8].

В 1824 г. была принята первая конституция Бразилии, причём подготовленный Конституционной ассамблеей проект конституции Педру I отклонил, а принял за основу достаточно передовую для того времени конституцию Португалии (1822 г.) и конституцию постнаполеоновской Франции (1814 г.) (*фото 1*). Конституция предусматривала функционирование трёх традиционных ветвей власти, а также учреждение четвёртой – регулирующей (примиряющей), наделявшей императора полномочиями утверждать сенаторов, назначать судей, созывать и распускать парламент и кабинет министров, одобрять законопроекты. Идея четырёх сил вдохновлялась идеями Бенжамена Констана [15, с. 8]. Конституция была достаточно толерантной в вопросах вероисповедания, передовой в отношении индивидуальных прав и свобод, но наделяла императора большей властью, нежели отклонённый проект Конституционной ассамблеи [14].

Дальнейшее описание политического устройства Бразильской империи разделено на пять частей. Четыре из них описывают последовательно сдерживающую, исполнительную, законодательную, судебную, а пятая рассматривает вопросы федерализма.

Сдерживающая власть. Сдерживающая власть по Конституции 1824 г. принадлежала лично императору. По статье 99 Конституции личность императора объявлялась священной и неприкосновенной. Император был главой как государства, так и правительства. Это основная характеристика президентской республики, перенесённая в бразильский конституционализм. На самом деле это был своеобразный и уникальный режим: президентская монархия. Это не означает, что бразильский монарх имел prerogatives тирана или диктатора. Гарантии свободы и достоинства человека были включены в статьи Конституции и были соблюдены [11, с. 12].

Император не имел права действовать в областях, отведённых законодательной и судебной власти, например, создавать законы или судить. Вообще, в бразильской политической мысли тех лет отмечается дуализм – решительное противопоставление взглядов на роль Императора во внутренней политике государства. Согласно либеральной доктрине, правитель представлял лишь как посредник, примиритель разногласий между тремя другими политическими силами. Консервативная доктрина тяготела к авторитаризму, в её представлении монарх был осью всего политического строя Бразилии. Закономерным в этом смысле было и распределение социальных классов по этим направлениям мысли: к либеральному направлению относились, как правило, олигархические круги, крупные землевладельцы, которым была выгодна ограниченная власть императора, в консервативный круг входили люди, считавшие императора единственным возможным источником перемен в обществе [15, с. 6].

Фото 1. Первое издание Имперской Конституции 1824 года

Создание сдержек и противовесов и естественной эволюции бразильской представительной системы позволило в дальнейшем осуществиться переходу от президентской к парламентской модели, что, по уверениям самих бразильцев, "сделало Империю прославленным компаньоном британского льва". Не нужно было изменять закон, чтобы превратить одну политическую систему в другую: сама Конституция в своей эластичности (с точки зрения юридического толкования) позволила это сделать [12].

Таким образом, очевидно, что двойственность толкования понятия "сдерживающая власть" помогала найти общее решение для политически активных классов общества. И либерально настроенные олигархи, и прогрессивные консерваторы находили в лице императора Бразилии выразителя своих надежд на выбор того или иного пути развития страны. Кроме того, и императоры Бразилии имели возможность, действуя в рамках Конституции, претворять в жизнь свои планы. Так, Педру Первый тяготел к авторитаризму, а сын его Педру Второй видел себя прежде всего как защитника нации, а не жёсткого администратора. Сдерживающая власть в многозначности её толкования – посредник или центр государства – помогала обоим императорам находить решение по важным вопросам, которое устраивало бы всех заинтересованных лиц [15, с.3].

Исполнительная власть. Согласно статье 102 Конституции 1824 г., "Император является главой исполнительной власти и осуществляет её с помощью министров". Тем не менее в 1847 г. император Педру II создал должность Председателя Совета Министров, и с этих пор император по-прежнему обладал исполнительными полномочиями, но они стали схожи с полномочиями премьер-министра. В рамках этой реформы император по-прежнему имел право санкционировать или налагать вето на законы, принятые Генеральной Ассамблеей, назначать епископов, а также предоставлять льготы Церкви, назначать судей, магистраты и присуждать звания и награды. С другой стороны, Председатель Совета Министров был фактически главой правительства и отвечал за назначение министров и осуществлял свои функции через них, нёс ответственность за дипломатию, издавал указы, декреты и распоряжения

Рис. 1. Политическое устройство Бразильской империи по Конституции 1824 года
Источник: составлено авторами.

и следил за всеми связанными с этим организациями, "чтобы обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность государства, а также для регулирования отношений с общественностью вместе с Кабинетом Министров и парламентом." [12].

Законодательная власть. Согласно Конституции, законодательная власть принадлежит Генеральной Ассамблее, состоящей из Имперского Сената и Палаты депутатов, которые в 1824 г. включали 50 сенаторов и 102 депутата. Эти люди были выбраны как представители нации.

Сенат состоит из членов, назначаемых пожизненно через выборы. Сенаторы, набравшие большинство голосов, проходят одобрение Императора. Заместителей сенаторов вдвое больше, чем самих сенаторов [12].

Члены Палаты Депутатов назначаются на четыре года. Генеральная Ассамблея может принять, отменить или приостановить действие законов в соответствии со статьей 13 Конституции. Законодатель также занимал власть кошелька и был обязан ежегодно санкционировать расходы и налоги. Только он утверждает и осуществляет надзор государственных кредитов и долгов. Другие обязанности, возложенные на Ассамблею, включали установление размера военного бюджета, создания комиссий в правительстве, отслеживание национального благосостояния и обеспечение того, чтобы правительство в настоящее время работало в соответствии с Конституцией.

Дополнительный Акт 1834 г. значительно расширил полномочия парламента в ущерб влиянию регентов, в связи с чем усиление парламентаризма повлекло за собой усиление децентрализации – ведь сенат набирался из народных представителей [14, с. 45].

Судебная власть. Независимые судебные органы состоят из судей и присяжных. Присяжные высказывают своё мнение, и судьи выносят вердикт. Император может приостановить жалобы на них, имея всю необходимую информацию и учитывая мнение Государственного совета. Все судьи и судебные исполнители несут ответственность за возможные злоупотребления власти, незаконную практику и возможные преступления. Здесь мы не видим существенного отличия от действовавших в тогдашней Европе принципов судебной гласности, деятельности присяжных и т.п. Региональной спецификой можно назвать Верховный Суд, созданный согласно Статье 163 Конституции:

"В столице империи, в дополнение к отношениям, существующим в других провинциях, будет также суд под названием "Верховный Суд", состоящий

из судей, выбранных по их заслугам; ему будет присвоено звание Совета. Министры, в чьей области распоряжений было совершено преступление, могут быть привлечены к процессам этого Суда." [12].

Верховный Суд Бразилии и сейчас является влиятельной силой в политической жизни страны (рис. 1) [13, с. 161].

Федерализм. Имперская Конституция 1824 г. сделала Бразилию высокоцентрализованной страной с целью облегчения контроля со стороны центрального правительства над провинциями и, следовательно, предотвращения возможной территориальной нестабильности. Тем не менее местные органы власти имели определенную автономию, потому что муниципальные собрания, избираемые населением, имели свои собственные прерогативы.

Начиная с 1831 г. можно говорить о начале постепенной децентрализации. Так, в 1831 г. Закон 6 июня дал судьям возможность назначать кандидатов, не допущенных к участию в политических процессах ранее. Закон 14 июня уменьшил власть регентов над малолетним императором Педру II и усилил парламент, набиравшийся из региональных представителей. Знаковое событие произошло в 1834 г., когда Дополнительный Акт фактически создал законодательную власть на региональном уровне [14, с. 45].

Дополнительный Акт утвердил провинциальные ассамблеи в законодательных актах по вопросам, связанным с местной администрацией. Закон также создал "экономическое и административное самоуправление", что позволило городам "нейтрализовать определенным образом абсолютную власть, осуществляемую над провинциями их президентами". Изменение в этой области произошло в связи с законом "Об Интерпретации", который ограничивал автономию, получаемую в поправке Конституции от 1834 г. [14, с. 45].

Вступив в силу в 1824 г., Конституция создала законодательные органы провинций. Такие советы состояли из 13 или 21 избранных членов, в зависимости от размера населения той или иной провинции. Все "резолюции" (законы), созданные советами, требовали одобрения Генеральной Ассамблеей без права обжалования. Провинциальные советы также не имели полномочий по сбору доходов, и их бюджеты должны были быть обсуждены и ратифицированы Генеральной Ассамблеей. Провинции не имели автономии и были полностью подчинены национальному правительству [12].

Как видно, Конституция сама по себе создавала в Бразилии унитарное государство, но дополнительные правки инициировали процесс децентрализации. Наблюдается некоторое противоречие в законах, и это противоречие не способствовало, конечно, сглаживанию существующих противоречий. Сепаратистские тенденции, преследовавшие Бразильскую империю с момента создания (Экваториальная конфедерация), и в дальнейшем порождали непризнанные государства вроде Республики Риу-Гранди и Республики Жулиана [8, с. 51].

Последствия

Представляется необходимым поговорить о влиянии Имперской Конституции на дальнейшее политическое развитие Бразилии. Конституция, обнародованная Педру I и им же составленная, не могла, несмотря на свою либеральность, победить оскорблённого чувства страны. (Незадолго до этого Педру I распустил первое национальное собрание Бразилии, чем запятнал свою репутацию первого независимого главы этой страны.) Пернамбуку и Парана не захотели признать её, после того как была поправа верховная власть народа. Пернамбуку провозгласило у себя республику и призвало соседние провинции объединиться в Экваториальную Конфедерацию. Парагиба, Сеара и северная Рио-Гранде выразили своё сочувствие. Восстание было жестоко подавлено правительственными войсками [8, с.51].

Наследник Педру I, Педру II, который некоторыми считается "отцом бразильской нации", говорил о себе: "Я был рождён, чтобы заниматься литературой и науками, а в политическом смысле, если бы у меня был выбор, я бы предпочёл пост президента Республики или её министра моему теперешнему посту императора" [1, с. 23]. Принимая во внимание отношение главы государства к своему посту, достаточно легко понять, почему империя была обречена. Во время революции 1889 г. он не пожелал вернуть нацию в граж-

данскую войну и отправился в добровольную ссылку. Была провозглашена Первая Бразильская республика, которая просуществовала до 1930 г.

Конституция 1891 г. создала Соединенные Штаты Бразилии. Были провозглашены принципы республики и демократии. Последующие издания Конституции Бразилии (1934, 1937, 1946, 1967, 1988 – действующая Конституция) так или иначе создавались под влиянием первой республиканской Конституции. Тем не менее можно с уверенностью заявлять, что основополагающие принципы бразильского государственного устройства – веротерпимость, права человека, вопросы собственности – были впервые чётко обозначены именно в Имперской Конституции 1824 г., и это – главное её наследие для современной Бразилии. Наверное, есть какая-то закономерность в том, что во время Конституционного референдума 1993 г. на голосование было вынесено предложение восстановить императорскую династию Браганса на троне [9].

В то время, когда Европу лихорадило от либеральных забастовок и выступлений, когда по всей Латинской Америке проходила волна объявлений суверенитетов, Бразильская империя не только сумела относительно мирно получить независимость, но и создать прочное унитарное государство с монархической формой правления. Сам император Педру I при написании этой конституции черпал вдохновение в идеях Робеспьера, а также испанской конституции 1812 г. (основанной на своде законов Наполеона). Он смог сделать конституцию Бразилии более либеральной, чем конституции многих европейских стран, в части религиозной терпимости, прав человека и частной собственности, и даже большие полномочия императора оказались уравновешены многочисленными правительственными организациями.

Когда же после череды событий, неприятных для императорского двора, Педру I отрёкся от престола в 1831 г., это освободило экономические и политические силы, заложенные в борьбе за независимость, и настоящую власть в стране обрела Генеральная ассамблея. В страну хлынул поток миграции португальских купцов, а с ними и капитала.

Тем не менее Имперская Конституция не смогла удовлетворить всех потребностей народа и потому потребовала дополнительных изменений, как, например, Дополнительный Акт 1840 г. Педру I, стремившийся установить авторитарный режим, искал пути обхода Конституции; сын его Педру II изменял структуру власти в Бразилии, создавая должности, не предусмотренные оригинальным текстом закона (должность Председателя Совета Министров). Центробежные силы не исчезли, и провинции организовывали восстания (республика Риу-Гранди 1836–1845 гг.), избирательное право не было всеобщим, отношения с Церковью иногда порождали конфликты между священниками и властью, как, например, во время дела епископов Олинды и Пары в 1873 г. [15].

Однако Имперская Конституция 1824 г. заслуживает внимание исследователя уже потому, что она впервые чётко обозначила проблемы Бразильского государства, подлежащие решению, заложила правовую основу для модернизации общества и позволила создать стойкую монархическую структуру правления, подарившую Бразилии 68 лет развития. Если смотреть на историю Бразилии в ретроспективе, становится ясно, что ни режим Первой Республики (1889–1930), ни диктатура Жетулиу Варгаса (1930–1945), ни Вторая республика и правление хунты не были столь же долговечными, как власть императорской династии Браганса. Политическая система Бразилии обладала определёнными запасами устойчивости, и устойчивость эту ей сообщала, помимо прочего, и Имперская Конституция 1824 г.

Литература

1. Жебит Е. Путешествие из тропиков в Россию // Родина. 2013. № 10. С. 22–32.
2. Калмыков Н. П. Бразильская империя (1822–1889) // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / ред. Н. М. Лавров. М.: Прогресс. 1991. С. 237–248.
3. Кирчанов М. В. *Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822–1889)*. Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, "Научная книга", 2008. 155 с.

4. Кирчанов М. В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке*. Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, "Научная книга", 2008. 217 с.
5. Слёзкин Л. Ю. *История Латинской Америки с древнейших времён до начала XX века*. М.: Высшая школа. 1991. 286 с.
6. Терешук А. Восстановить тропическую империю: прошлое и настоящее бразильских монархистов // Слово Богослова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovo-bogoslova.ru/publikacii/vosstanovit-tropicheskuyu-imperiyu/> (дата обращения: 25.11.2019).
7. Томас А. Б. Бразилия под властью империи // Мир индейцев [Электронный ресурс]. URL: https://www.indiansworld.org/Latin/brazil_history_thomas10.html (дата обращения: 22.11.2019).
8. Шумов А. С. *История Бразилии*. М.: Альтернатива-Евролинц, 2003. 340 с.
9. 1993 Brazilian constitutional referendum [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/1993_Brazilian_constitutional_referendum (дата обращения: 02.06.20).
10. Andrada e Silva, José Bonifácio de. *Representações que a Augusta Presença de Sua Alteza Real o Príncipe Regente do Brasil*. Obra política de José Bonifácio. São Paulo: Catalogação na Fonte do Departamento Nacional do Livro, 2002. 272 p.
11. Chisholm R. "Constituting" Brazil: Authenticity, Imitation, Legitimacy in the Empire. *Cadernos Cedec*, 2011. 36 p.
12. Constitution of the Empire of Brazil [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Empire_of_Brazil (дата обращения: 04.06.20).
13. Lima Flávia Danielle Santiago. Emperor or president? Understanding the (almost) unlimited power of the Brazilian Supreme Court's President. *Passo Fundo: Revista Brasileira de Direito*, 2017. P. 161–176.
14. Liziero L. Was There Federalism in the Brazilian Empire? A Case of Contrast Between Federal State and Federalism in 19th Century // *International Journal of Law and Public Administration*. 2019. Vol. 2. P. 41–47.
15. Pessoa Juscelino da Silva. The Importance of moderating power for Governance during the period of "Crowned Democracy" [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/17883338/The_Importance_of_moderating_power_for_Governance_during_the_period_of (дата обращения: 15.06.20).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Zhebit E. *Puteshestvie iz tropikov v Rossiyu* // *Rodina*. 2013. № 10. S. 22–32.
2. Kalmykov N. P. *Brazil'skaya imperiya (1822–1889)* // *Istoriya Latinskoj Ameriki*. Dokumbova ehpokha – 70-e gody XIX veka / red. N. M. Lavrov. M.: Progress. 1991. S. 237–248.
3. Kirchanov M. V. *Império, Estado, Nação: Politicheskie modernizatsii i intellektual'nye transformatsii v Brazil'skoj Imperii (1822–1889)*. Voronezh: Fakul'tet mezhdunarodnykh otnoshenij Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, "Nauchnaya kniga", 2008. 155 s.
4. Kirchanov M. V. *Ordem e progresso: pamyat' i identichnost', loyal'nost' i protest v Latinskoj Amerike*. Voronezh: Fakul'tet mezhdunarodnykh otnoshenij Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, "Nauchnaya kniga", 2008. 217 с.
5. Slyozkin L. YU. *Istoriya Latinskoj Ameriki s drevnejshikh vremyon do nachala XX veka*. M.: Vysshaya shkola. 1991. 286 s.
6. Tereshhuk A. *Vosstanovit' tropicheskuyu imperiyu: proshloe i nastoyashhee brazil'skikh monarkhistov* // *Slovo Bogoslova* [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://slovo-bogoslova.ru/publikacii/vosstanovit-tropicheskuyu-imperiyu/> (дата obrashheniya: 25.11.2019).
7. Tomas A. B. *Braziliya pod vlast'yu imperii* // *Mir indejtsjev* [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.indiansworld.org/Latin/brazil_history_thomas10.html (дата obrashheniya: 22.11.2019).
8. Shumov A. S. *Istoriya Brazili*. M.: Al'ternativa-Evrolints, 2003. 340 s.
9. 1993 Brazilian constitutional referendum [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/1993_Brazilian_constitutional_referendum (дата obrashheniya: 02.06.20).
10. Andrada e Silva, José Bonifácio de. *Representações que a Augusta Presença de Sua Alteza Real o Príncipe Regente do Brasil*. Obra política de José Bonifácio. São Paulo: Catalogação na Fonte do Departamento Nacional do Livro, 2002. 272 p.
11. Chisholm R. "Constituting" Brazil: Authenticity, Imitation, Legitimacy in the Empire. *Cadernos Cedec*, 2011. 36 p.
12. Constitution of the Empire of Brazil [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Empire_of_Brazil (дата obrashheniya: 04.06.20).

13. Lima Flávia Danielle Santiago. Emperor or president? Understanding the (almost) unlimited power of the Brazilian Supreme Court's President. *Passo Fundo: Revista Brasileira de Direito*, 2017. P. 161–176.

14. Liziero L. Was There Federalism in the Brazilian Empire? A Case of Contrast Between Federal State and Federalism in 19th Century // *International Journal of Law and Public Administration*. 2019. Vol. 2. P. 41–47.

15. Pessoa Juscelino da Silva. The Importance of moderating power for Governance during the period of "Crowned Democracy" [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.academia.edu/17883338/The_Importance_of_moderating_power_for_Governance_during_the_period_of (data obrashheniya: 15.06.20).

Колоскова Н. И., Аленцов Е. А., Недоступ Е. А., Остапович О. С. Политическое устройство Бразильской империи по Конституции 1824 года.

Статья посвящена Конституции Бразилии 1824 года – первой в истории этой страны. Политическое устройство Бразильской империи, описанное в данной статье, было основано на этой Конституции, действовавшей с момента своего принятия до провозглашения Первой бразильской республики (1889 год). Проанализированы задачи, стоявшие при создании Конституции и основные изменения, внесённые в государственное устройство Бразилии уже после инициации закона. Подчёркивается, что, хотя Имперская Конституция и не решила всех проблем, сложившихся в бразильском обществе, она впервые обозначила вопросы, подлежащие решению, и что монархия продержалась в Бразилии дольше, чем сменявшие впоследствии друг друга республиканские и диктаторские режимы, в том числе и благодаря основному закону страны в редакции 1824 года.

Ключевые слова: *Бразилия, Конституция, республика, империя, император, парламент, конституционализм, монархия, Латинская Америка, Южная Америка*

Koloskova N. I., Alentsov E. A., Nedostup E. A., Ostapovich O. S. The political structure of the Empire of Brazil according to the Constitution of 1824a.

The article is devoted to the Constitution of Brazil of 1824, the first in the history of this country. The political structure of the Brazilian Empire described in the article was based on this Constitution, which was in force from its adoption until the proclamation of the First Brazilian Republic (1889). The article analyzes the tasks that stood at the creation of the Constitution and the main changes made to the state structure of Brazil after the law was initiated. It is emphasized that, although the Imperial Constitution did not solve all the problems in Brazilian society, it was the first to identify the issues to be resolved, and that the monarchy lasted longer in Brazil than successive Republican and dictatorial regimes, including thanks to the basic law of the country in the edition of 1824.

Key words: *Brazil, Constitution, republic, empire, emperor, Parliament, constitutionalism, monarchy, Latin America, South America*

Для цитирования: Koloskova N. I., Alentsov E. A., Nedostup E. A., Ostapovich O. S. The political structure of the Empire of Brazil according to the Constitution of 1824 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 77–84. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/77-84

For citation: Koloskova N. I., Alentsov E. A., Nedostup E. A., Ostapovich O. S. The political structure of the Empire of Brazil according to the Constitution of 1824 // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 77–84. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/77-84

УДК 94(571.6)

Землянский В. Л.

Временное Народное собрание Дальнего Востока: основные вехи деятельности первого дальневосточного парламента

В 2020 г. исполнилось 100 лет со дня созыва первого высшего представительного органа власти дальневосточного региона – Временного Народного собрания Дальнего Востока (далее – Народное собрание). Отмечаемое в этом же году столетие Дальневосточной республики, несомненно, вызовет интерес профессиональных историков и общественности к региональным правительствам периода гражданской войны в России 1918–1922 гг. Актуальность изучения истории регионального парламентаризма также связана с планируемым общероссийским голосованием по поправкам к Конституции РФ, в том числе касающимся изменений в полномочиях Федерального Собрания РФ.

Советская историография гражданской войны на Дальнем Востоке представлена множеством работ, но тема Народного собрания поднималась в ней достаточно редко. В вышедшем в конце 1920-х гг. исследовании бывшего депутата П. С. Парфенова рассмотрены работа парламентариев по объединению дальневосточных областей, обсуждение на заседаниях парламента вопроса о вхождении Приморья в состав Дальневосточной республики и деятельность комиссии по приему каштелевских войск [39]. Л. И. Беликова осветила вопросы принятия 25 июня 1920 г. декларации Народного собрания, избрания комиссии по объединению дальневосточных областей, борьбы коммунистической фракции за признание правительства ДВР [2].

Впервые подробный анализ положения о выборах, положения о Народном собрании, первых заседаниях и внутренней структуры парламента был представлен в монографии В. В. Сониной, вышедшей в 1990 г. Владивостокский историк указал, что при конструировании Народного собрания использовался опыт как иностранных парламентах, так и Государственной думы [45].

В современной историографии отдельные вопросы, связанные с деятельностью первого дальневосточного парламента, рассмотрены в монографиях Ю. Н. Ципкина [46], В. Г. Кокоулина [35], Д. А. Ляхова [37], статьях Ф. А. Попова [40; 41] и третьем томе академического исследования истории Дальнего Востока России [34].

Среди исследований дальневосточного парламентаризма выделяется монография А. А. Азаренкова, посвященная созданию буферной республики в 1920 г. В ней историк отмечает, что с созывом Народного собрания в Приморье утвердился демократический режим, а возможность повторения японского вооруженного выступления заставило большевиков пойти на коалицию с представителями цензовых групп [1]. Несмотря на то, что тема Народного собрания не раз становилась предметом исследований, можно констатировать отсутствие обобщающей работы о деятельности первого дальневосточного парламента, что и определило цель настоящей статьи.

Цель статьи – рассмотреть основные направления деятельности депутатов Народного собрания.

Созыв парламента. Права и обязанности депутатов

Японское вооруженное выступление в апреле 1920 г. в Приморской области помешало большевикам провести советизацию края. Находившееся у власти во Владивостоке Временное правительство Дальнего Востока объяви-

© Землянский В. Л., 2020

ЗЕМЛЯНСКИЙ Вадим Леонидович, старший научный сотрудник Информационного историко-научного центра – Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (г. Санкт-Петербург). E-mail: groningen1991@gmail.com

ло в мае 1920 г. о создании высшего представительного органа власти дальневосточного региона России.

Парламент должен был решить сразу несколько задач: стать гарантией невмешательства иностранных государств во внутреннюю политику; попытаться прекратить интервенцию; повысить авторитет земского правительства [1, с. 52]. Созыв парламента произошел исключительно благодаря образованию единого национального фронта против интервенции и решению большевиков о желательности иметь представительный орган власти в Приморье.

Депутат, член коммунистической фракции А. С. Леонов в 1923 г. признал, что большевики пошли на создание Народного собрания, чтобы не допустить повторения "колчаковщины авантюры" [42, с. 310–311], а председатель Совета управляющих ведомствами, один из лидеров приморских большевиков П. М. Никифоров в воспоминаниях указал, что созыв парламента воспринимался коммунистами как событие, которое "сыграет значительную политическую роль в борьбе с интервенцией, как объединяющий центр всех общественных сил" [38, с. 207–208]. В итоге, в начале мая 1920 г. началась подготовка положения о выборах в дальневосточный парламента [41, с. 12].

25 мая 1920 г. правительство утвердило положение о выборах в парламента, получивший название Временное Народное собрание Дальнего Востока. Система выборов предполагала избрание депутатов от нескольких групп (курий). Жители городов и поселков избирали своих представителей по пропорциональной системе, сельское население – по мажоритарной. Торгово-промышленные организации, производственные и профессиональные союзы, а также 8 политических партий (из них 7 социалистических) имели право делегировать своих представителей в парламента [45, с. 21–22].

7 июня 1920 г. правительство приняло положение о Народном собрании. Согласно статьям положения, парламента осуществлял законодательную власть совместно с правительством, закон вступал в силу только после принятия депутатами и одобрения правительством, а право законодательной инициативы принадлежало как парламентариям, так и членам правительства. Перед парламентом был политически ответствен Совет управляющих ведомств – высший исполнительный орган власти [37, с. 73–79].

К правам и обязанностям парламента относилось: рассмотрение и принятие законов, осуществление высшего надзора за управлением, рассмотрение и одобрение договоров с иностранными государствами, утверждение росписи доходов и расходов, создание парламентарских комиссий и т.д. [3, с. 2] К 7 сентября 1920 г. в Народном собрании имелось 15 комиссий [16, с. 2]. Парламент должен был работать до открытия постоянного высшего представительного органа власти, избранного на основе всеобщего избирательного права. В случае если через год постоянный парламента не был бы избран, то планировалось организовать новые выборы в Народное собрание.

Правительству не удалось провести выборы на всей территории Дальнего Востока. Амурская область и Забайкалье под властью атамана Г. М. Семенова не признали власть Владивостока. Летом 1920 г. выборы состоялись на большей части территории Приморья. Позднее парламентариев избрало население полосы отчуждения КВЖД, Камчатки и Сахалина.

В приморских городах победу на выборах с большим преимуществом одержали социалисты. Так, во Владивостоке за список межпартийного совещания социалистических партий (социалистический блок), в состав которого вошли большевики, меньшевики, левые эсеры, сибирские эсеры, народные социалисты, проголосовали 22 564 чел. из 28 853 принявших участие в голосовании [4, с. 4]. Второе место получили прогрессивные демократы, третье – эсеры, вошедшие в состав соцблока после выборов.

3 августа 1920 г. в Народном собрании насчитывалось 135 депутатов: 69 членов беспартийной крестьянской фракции, 27 коммунистов, 9 цензовиков, 6 эсеров, 6 меньшевиков, 5 кадетов, 3 сибирских эсера, 2 народных социалиста, 2 левых эсера и 6 беспартийных (РГИА ДВ. Ф. Р–927. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–7об.)¹. Необходимо отметить, что крестьянская фракция находилась практически под полным контролем большевиков [1, с. 69–70]. Политическая борьба в парламенте происходила между социалистическим и прогрессив-

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

но-демократическим (несоциалистическим) блоками. Только во время обсуждения вопроса о присоединении Приморья к ДВР возник серьезный кризис в социалистическом блоке и крестьянской фракции.

Среди депутатов отмечался высокий процент парламентариев, сложивших свои полномочия. С июня по декабрь 1920 г. парламент покинули 50 депутатов: с июня по август – 18, с сентября по октябрь – 23, с ноября по декабрь – 9 чел. (РГИА ДВ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 11. Л. 52–53об.) Столь большое количество объясняется тем, что партии, торгово-промышленники, профсоюзы и избиратели в сельской местности имели право отозвать депутата и заменить его новым избранником, каковым правом активно пользовались. Также одной из причин сдачи депутатских мандатов служили семейные (личные) обстоятельства.

Начало парламентской деятельности и образование коалиции

Первое заседание Народного собрания состоялось 20 июня 1920 г. в присутствии 109 депутатов [5, с. 2]. Президиум и председателя (эсера Ф. С. Мансветова) парламентарии избрали на втором заседании [6, с. 3]. Посвященные наиболее громким политическим событиям депутатские запросы были внесены на втором и третьем заседаниях. Социалисты интересовались расследованием убийства уполномоченного правительства П. В. Уткина, а несоциалисты – расправой на станции Верино над 96 арестованными офицерами [7, с. 2]. Оба запроса парламентарии адресовали Совету управляющих ведомствами.

Третье заседание Народного собрания 25 июня 1920 г. примечательно тем, что депутаты определили задачи деятельности дальневосточного парламента. В принятой совместной декларации соцблока и крестьянской фракции говорилось о необходимости сохранения связи Дальнего Востока с Советской Россией. Главной задачей провозглашалось объединение дальневосточных областей в республику. Народное собрание до созыва Учредительного собрания объявлялось "объединяющим и организующим" центром [2, с. 205; 45, с. 33]. Парламентарии огласили программу действий, направленную на сохранение демократизма, института частной собственности, защиты интересов трудового класса, развитие экономики и т.д.

Взявшись за исполнение своей главной задачи, депутаты 3 июля 1920 г. избрали комиссию по объединению областей дальневосточного региона, а 17 июля Народное собрание утвердило инструкцию парламентской делегации, избранной с целью проведения переговоров с региональными правительствами по вопросу образования единой республики [9, с. 2]. Не забывали депутаты и о других задачах: создании коалиционного Совета управляющих ведомствами, улучшении экономического и международного положения.

Принятая парламентом декларация, провозгласившая сохранение в Приморье демократического строя, способствовала созданию широкой коалиции. 10 июля 1920 г. был образован коалиционный Совет управляющих ведомствами во главе с членом Народного собрания меньшевиком М. С. Бинасином. В состав Совета вошли и правые депутаты – Б. Ю. Бринер, В. А. Виноградов, И. И. Циммерман [14, с. 1]. Оглашенная М. С. Бинасином программа "первого парламентского министерства" нашла единогласную поддержку Народного собрания [28, с. 2]. Таким образом, к концу июля в парламенте образовалась коалиция соцблока и правых депутатов с целью объединения дальневосточного региона в демократическую республику и его сохранения в составе России.

Первые признаки кризиса Народного собрания стали намечаться в начале августа. Крестьянские депутаты стали проявлять недовольство слабой, на их взгляд, деятельностью парламента. Они заявили, что население отправило их для достижения практических улучшений и скорейшего переустройства жизни, а в Народном собрании происходили только разговоры в комиссиях и на общих заседаниях. Выход из этого положения крестьянам виделся в рассмотрении бюджета, предоставления которого следовало потребовать от Совета управляющих ведомствами [29, с. 2]. Характерно и уменьшение количества депутатов, участвовавших в пленарных заседаниях. Так, на заседании 17 июля присутствовали 99 чел., 4 сентября – 80, а 22 сентября – только

69 депутатов (ГАХК. Ф. Р–1115. Оп. 1. Д. 6. Л. 34об.; ГАХК. Ф. П–44. Оп. 1. Д. 316. Л. 9, 15)².

В этот же период отмечается падение интереса к Народному собранию как населения, так и части депутатов. Намеченное на 11 августа 1920 г. заседание парламента, по информации правой газеты "Слово", не состоялось не по официальной причине – болезни председателя Народного собрания и его товарища (заместителя), а в связи с отсутствием вопросов, подлежащих рассмотрению. Автор заметки с нескрываемой иронией отмечал, что "жизнь буферного государства под мудрым управлением товарищей достигла такого преуспеяния, что даже парламенту не только делать, но и говорить нечего" [43, с. 1, 3]. Однако уже через пару дней во Владивостоке узнали о заключении парламентской делегацией соглашения с ДВР, и это событие заставило депутатов внимательно рассмотреть вопрос о возможном превышении делегацией своих полномочий.

Парламентская делегация в августе 1920 г. успела договориться сразу с двумя противостоящими друг другу правительствами. Ее председатель большевик И. Г. Кушнарев подписал соглашение с Верхнеудинском, а на обратном пути в Чите депутаты от несоциалистического блока заключили с атаманом Г. М. Семеновым соглашение, согласно которому Забайкалье посылало своих избранных в Народное собрание [39, с. 235–238]. Соглашение с Верхнеудинском рассматривалось многими как согласие перехода Приморья под власть ДВР, в связи с чем в парламенте разгорелись острые дискуссии.

На заседании 19 августа 1920 г. Народное собрание приняло формулу социалистического блока, в которой отмечалось, что парламентская делегация превысила свои полномочия, и говорилось о намерении ее возврата во Владивосток для доклада о своих действиях [15, с. 2–3]. Право ведения дальнейших переговоров по объединению Дальнего Востока перешло к правительству.

Еще больший резонанс вызвала новость о заключении 24 августа договора с Г. М. Семеновым. Коммунисты опасались, что депутаты от Забайкалья значительно усилят парламентскую оппозицию, поэтому добились от большинства парламента отказа от ратификации договора с Читой [30, с. 2]. Окончательную оценку действиям делегации парламентарии дали 7 сентября, приняв формулу перехода соцблока, говорившей об утрате значения декларации, подписанной с Верхнеудинском, и о неприемлемости соглашений с Г. М. Семеновым [31, с. 2–3].

Состояние Народного собрания осенью 1920 г. лучше всего описывает заметка корреспондента "Дальневосточного обозрения" о заседании парламента 22 сентября 1920 г. Журналист отмечал: "Народное собрание вступило в полосу серьезной деловой работы. Громоздя парламентская машина не могла быть сразу пущена в ход, и месяцы понадобились для того, чтоб сконструировались разные комиссии, были составлены и рассмотрены законопроекты, сметы и пр." Газета сообщала читателям, что начало деловой работы совпало с кризисом коалиции и отсутствием политических лидеров по причине работ по объединению Дальнего Востока, из-за чего заседания имели характер "сереньких ординарных будней" [33, с. 2].

Противоречия между социалистами и цензовиками всё более увеличивались. В начале сентября несоциалисты обвинили большевиков в двойных стандартах и просили предоставить им гарантии от "ведения министрами коммунистами старой политики за спиной коалиции" [32, с. 2]. После отказа социалистов изменить отношение к Китаю, рассматриваемое цензовиками как предательство национальных интересов, 10 октября 1920 г. вышло постановление прогрессивно-демократического блока о выходе из коалиции "в виду проявленных Советом управляющих ведомствами тенденций в области иностранной политики" [44, с. 2]. Коалиция просуществовала ровно три месяца. На заседаниях Народного собрания 14–16 октября 1920 г. социалисты и несоциалисты обменялись обвинениями в развале коалиции.

² ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

Законодательная работа и запросы. Обращения к депутатам

Законодательная работа парламентариев в основном заключалась в рассмотрении законопроектов, внесенных правительством или Советом управляющих ведомствами. Именно исполнительная власть внесла наибольшее количество законопроектов. Как отмечал В. В. Сонин, депутатские законопроекты практически отсутствовали. Осенью 1920 г. комиссия законодательных предположений признала, что "депутатская законодательная инициатива почти отсутствует, а если предложения и были, то составлялись наспех и проваливались в соответствующих комиссиях" [45, с. 36]. Стоит также указать, что, в отличие от Государственной думы Российской империи, в Народном собрании депутатов с юридическим образованием или опытом работы, позволявшим подготавливать законопроекты, было очень немного.

Первые законопроекты от Совета управляющих ведомствами, управления внутренними делами и палаты труда поступили в Народное собрание на 5-м заседании 9 июля 1920 г. (ГАХК. Ф. Р-1115. Оп. 1. Д. 6. Л. 17–17об.) На 7-м заседании 17 июля 1920 г. депутаты приняли первый законопроект (об учреждении должности управляющего делами государственного контроля) [8, с. 1–2].

Рассмотренные и принятые депутатами законодательные акты охватывали основные сферы жизни населения Приморья, а также отдельные проблемы жителей Сахалинской и Камчатской областей. Большинство из них относились к экономике, финансам, органам местного самоуправления и государственным учреждениям Приморской области.

В качестве примера работы Народного собрания как высшего представительного органа власти стоит перечислить лишь некоторые принятые законопроекты: о выделении средств на учительские курсы в Никольске-Уссурийском, о выборах в земские самоуправления, о выделении в помощь населению Николаевска-на-Амуре 2,6 млн руб. [17, с. 3], о принятии золотого рубля в основании исчисления всех казенных и частных денежных расчетов [19, с. 3], о приостановке выселения из квартир в зимнее время (ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 316. Л. 10–11).

Законопроекты в большинстве случаев принимались на пленарных заседаниях в редакции парламентских комиссий. Одним из немногих исключений стал законопроект о выделении Хабаровскому городскому самоуправлению беспроцентной ссуды 500 тыс. руб., рассмотренный депутатами на 23-м заседании 22 сентября 1920 г. Депутат С. П. Никонов сообщил Народному собранию, что Хабаровск просил выделить 3 млн руб., но комиссия решила уменьшить сумму до 500 тыс. Мнение комиссии не поддержал управляющий ведомством внутренних дел В. Я. Гуревич, предложивший удовлетворить нужды хабаровского самоуправления в полном объеме. В итоге после прений депутаты приняли предложение Б. М. Берлацкого, выделив Хабаровску 3,7 млн руб. (ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 316. Л. 18–21)

Примером парламентской инициативы стал законопроект об изменении квартирного закона в отношении найма помещений для школ Приморья [30, с. 2]. Также на рассмотрение дальневосточного парламента поступали законопроекты, разработанные на основе предложений органов местного самоуправления. 26 ноября 1920 г. управление внутренних дел передало в парламент проект постановления "О взимании попутного сбора с железнодорожных грузов в пользу доходов Никольск-Уссурийского городского самоуправления" на основе ходатайства городской управы (ГАРФ. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 24. Л. 86–87)³.

Депутатские запросы служили средством получения от исполнительной власти объяснений наиболее резонансных событий (задержка выборов в Хабаровске, денежная реформа) или мнения по решению важных вопросов (борьба с хунхузничеством, улучшение положений беженцев из Николаевска-на-Амуре). Показательно отношение большинства Народного собрания к запросам парламентской оппозиции.

Внесенный правыми депутатами 6 июля 1920 г. вопрос управляющему внутренними делами о незакономерных действиях властей Никольска-Уссурийского Народное собрание не признало спешным и передало в комиссию

³ ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

по запросам и вопросам. На пленарном заседании 22 сентября управляющий внутренними делами эсер В. Я. Гуревич признал, что запрос имел большое значение, но предложил отказаться от обсуждения в парламенте "скандальной хроники". За рассмотрение вопроса высказалось 9 чел., против – 5 и еще 27 воздержались. Таким образом, из 69 депутатов, присутствовавших в начале заседания, к концу остался всего 41 чел., а после речи правого депутата Н. И. Кузьмина председателю пришлось закрыть заседание в виду отсутствия кворума (ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 316. Л. 23–25).

Ведущие политические силы Приморья считали Народное собрание важным государственным институтом [40, с. 124]. Так же относилось к парламенту население. Жители края обращались к народным избранникам с самыми разными просьбами. Депутатов просили возместить убытки, понесенные в годы гражданской войны (часть таких обращений была передана в качестве материала для разработки законопроекта в Совет управляющих ведомствами, что говорит о невозможности силами депутатов подготовить соответствующий правовой акт), предоставить токарные станки для мастерской по ремонту сельскохозяйственных машин, восстановить на прежнем месте работы и т.п. (ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 316. Л. 11–12об.). Вместе с тем в период кризиса Народного собрания и начала агитации большевиков за его роспуск отмечается резкий рост замены депутатов по инициативе избирателей.

Обсуждение вопросов о признании ДВР и самороспуске

Поражение Г. М. Семенова в Забайкалье привело к открытию 28 октября 1920 г. конференции областных правительств в Чите. На следующий день ее делегаты провозгласили объединение дальневосточного региона в единую Дальневосточную республику [1, с. 104–105]. С этого момента вопрос о вхождении Приморья в состав ДВР стал центральным в работе депутатов Народного собрания.

Земское правительство, послав приморскую делегацию на конференцию, заранее указало, что подписанные членами делегации документы подлежали ратификации парламентом [10, с. 1]. В конце октября и начале ноября заседания Народного собрания часто переносились в связи с отсутствием информации о событиях в Чите, а позже – с обсуждением вопроса о признании правительства во фракциях [18, с. 2]. Считая объединение Дальнего Востока под властью правительства с ведущей ролью коммунистов делом ближайшего времени, приморские большевики приступили к кампании за самороспуск Народного собрания.

Следствием этого стала отмена заседания 6 ноября по причине отсутствия кворума [20, с. 3]. 8 ноября 1920 г. президиум Приморского областного комитета РКП(б) постановил через приморский парламент предложить председателю правительства А. С. Медведеву распустить Совет управляющих ведомствами и избрать временное областное управление [2, с. 217]. Через день областная конференция избрала правительство ДВР. В его состав вошли члены Народного собрания большевики П. Н. Никифоров и Г. К. Румянцев, последний, впрочем, официально входил в состав беспартийной крестьянской фракции.

Япония отрицательно отнеслась к возможному роспуску парламента. Выходившая во Владивостоке японская газета Владиво-Ниппо призывала депутатов сохранить полномочия, отмечая, что "самороспуск – это убийство русской демократии и свободы!" [35, с. 170] Оппозиция также крайне негативно восприняла информацию о подготовке самороспуска парламента и убеждала парламентское большинство в необходимости сохранения представительного органа власти и тщательном рассмотрении вопроса о признании читинского правительства.

Коммунисты намеривались на заседании 14 ноября ратифицировать решения читинской конференции, избрать областное управление и распустить парламент [21, с. 3]. Опасавшееся советизации Дальнего Востока японское командование за день до намеченного заседания парламента пригласило депутатов на встречу с генералом Оой. Генерал заявил собравшимся парламентариям, что Япония не допустит установления коммунистической власти в районе расположения своих войск [22, с. 3–4]. Намек на события апреля

1920 г. был достаточно ясным, что и определило отказ большевиков от немедленного самороспуска Народного собрания.

18 ноября 1920 г. после долгого перерыва (парламент не собирался с 10 ноября) состоялось экстренное заседание Народного собрания. Коммунисты выступили за немедленное признание читинского правительства и ратификацию принятых на конференции соглашений до возвращения владивостокской делегации [23, с. 2]. Заместитель председателя Совета управляющих ведомствами генерал В. Г. Болдырев указал депутатам на необходимость дожидаться приезда направленной в Читу делегации в связи с нехваткой у парламента информации о ее участии в принятии провозглашенных там актов.

Генерал огласил мнение Совета управляющих ведомствами: до принятия окончательного решения об объединении областей Дальнего Востока и создания центрального правительства необходимо сохранить Народное собрание, переименовав его в местное, и передать центральному правительству важнейшие функции государственной власти. Без выполнения Читой всех вышеперечисленных условий Совет считал признание правительства ДВР преждевременным [23, с. 3]. 21 ноября 1920 г. депутаты отложили рассмотрение вопроса о признании правительства ДВР до приезда приморской делегации.

Как это случалось и ранее, очередное заседание 24 ноября не состоялось по причине наличия в повестке только одного законопроекта [13, с. 3]. С возвращением приморской делегации во Владивосток и выступлением ее членов в стенах Народного собрания начались прения по докладу делегации, представлявшие собой дискуссии о признании читинского правительства.

Большинство фракций настаивало на сохранении парламента, резонно опасаясь в случае отсутствия авторитетного представительного органа власти нового японского военного выступления. На заседании 29 ноября 1920 г. неосоциалист В. А. Виноградов заявил, что "Народное собрание – единственная гарантия от иностранной опасности, от всякого "черного" буфера, от авантюры справа и слева. С роспуском Народного собрания наш край становится ареной опасных опытов и авантюры" [24, с. 2]. Член правительственной делегации и фракции эсеров Е. А. Труш предложил не признавать читинское правительство, сохранить Народное собрание и до созыва Учредительного собрания автономии Приморской области с местной администрацией. Обращаясь к депутатам, эсер заявил: "Помните, что в деле государственного строительства России Народное собрание Приморья сыграло такую роль, которую история никогда не забудет" [24, с. 2].

Вошедший в ноябре 1920 г. в состав правительства Дальневосточной республики Г. К. Румянцев на заседании 1 декабря 1920 г. предложил признать правительство в Чите, распустить Совет управляющих ведомствами и Народное собрание. Эсер В. Я. Гуревич вновь напомнил парламентариям, что роспуск Народного собрания развязал бы руки как иностранным государствам, так и правым группировкам. О важности обсуждаемого вопроса свидетельствует тот факт, что после речи Гуревича высказать свою точку зрения записались 29 депутатов [25, с. 3]. Выступивший от имени фракции меньшевиков член делегации А. И. Кабцан предложил признать читинское правительство, но сохранить Народное собрание [26, с. 1].

Предложение Г. К. Румянцева поддержали большевики, часть крестьянской фракции и левые эсеры. За сохранение Народного собрания и признание читинского правительства (при этом фракции выдвинули разные условия его признания) выступили эсеры, сибирские эсеры, народные социалисты и меньшевики. Однозначно за продолжение работы парламента и против признания читинского правительства агитировали неосоциалисты.

Главной причиной сохранения Народного собрания стала официальная позиция Японии, сообщенная генералу В. Г. Болдыреву в посланиях от представителей Токио Кикучи (29 ноября) и генерала Такаянаги (1 декабря). Кикучи заявил В. Г. Болдыреву, что, если заключенные земским правительством соглашения с японцами будут нарушены Читой, японцы могут принять соответствующие меры. Такаянаги предупредил русского генерала, что признание власти Читы может привести к прискорбным результатам [25, с. 1]. Отвечая на запрос по поводу японских заявлений, В. Г. Болдырев предложил депутатам при решении важных вопросов принять во внимание наличие в

Приморье вооруженных сил иностранных государств, указав на опасность оккупации края.

4 декабря 1920 г. вышел закон о дополнении положения о Народном собрании. При наличии чрезвычайных обстоятельств депутаты имели право принимать законы, относящиеся к вопросам существованию подвластной правительству территории и объединению Дальнего Востока, без одобрения Временного правительства [11, с. 1]. Таким образом, законы Народного собрания вводились в действие сразу же после их принятия. Правительство потеряло даже гипотетическую возможность повлиять на процесс присоединения Приморья к Дальневосточной республике.

На заседании 5 декабря 1920 г. большинством голосов депутаты приняли предложенную соцблоком формулу перехода с признанием правительства ДВР и сохранением Народного собрания как областного органа местного законодательства [27, с. 3]. Парламентарии занялись подготовкой соответствующего закона.

Последней парламентской комиссией стала избранная 7 декабря 1920 г. комиссия "по передвижению, реэвакуации и демобилизации бывших каппелевской и семеновской армий" во главе с большевиком П. С. Парфеновым [46, с. 34]. Проблему прибытия на территорию Приморья каппелевцев и семеновцев парламенту предстояло решать, находясь в новой политической ситуации.

Спустя практически месяц после образования читинского правительства, 11 декабря 1920 г. Народное собрание приняло закон "О распространении власти правительства Дальневосточной республики на территорию Приморской области" [12, с. 1]. На следующий день областная земская управа сложила с себя государственные полномочия [34, с. 408]. Приморье официально вошло в состав Дальневосточной республики с высоким уровнем автономии.

На последнем заседании Временного Народного собрания Дальнего Востока 18 декабря 1920 г. парламентарии приняли закон "Об учреждении Приморского областного управления" [12, с. 1]. Народное собрание переименовывалось в Приморское областное Народное собрание, а вместо Совета управляющих отделами центрального государственного управления (бывший Совет управляющих ведомствами) образовывалось избираемое депутатами Приморское областное управление.

Итогом деятельности Народного собрания лучше всего служат слова депутата Л. А. Кроля: "Приморье становилось на путь парламентаризма, с ответственным перед палатой кабинетом. Борьба переносилась в плоскость иную, чем до сих пор – в плоскость парламентскую" [36, с. 212]. Парламент стал важнейшим государственным институтом, оказавшим влияние на все стороны жизни населения Приморья.

Первый период деятельности Народного собрания (июнь – август 1920 г.) заключался в организационной работе (избрание президиума, комиссий, составление наказа), постановке задач, стоящих перед парламентом и началом решения вопроса об объединении областей Дальнего Востока. В этот же период происходит формирование коалиции, а в его конце намечается кризис, выраженный в постепенном уменьшении интереса части депутатов к парламентской работе.

В конце августа – середине ноября 1920 г. парламенту угрожал самороспуск, оппозиция покинула коалицию, а попытка заключить соглашения как с Верхнеудинском, так и с Читой закончилась неудачей. Заключительный этап деятельности Народного собрания был связан с рассмотрением вопроса о признании правительства Дальневосточной республики и проблемой сохранения парламента.

Литература

1. Азаренков А. А. "Демократический компромисс": идея "буфера" на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил – участников гражданской войны в России (январь 1920 – январь 1921 гг.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КНАГПУ, 2001. 152 с.
2. Беликова Л. И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (Приморская организация РКП(б) в 1917–1922 гг.). Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1967. 288 с.
3. Вестник Временного Правительства Дальнего Востока – Приморской Земской Управы (далее – Вестник ВПДВ – ПЗУ). Владивосток. 1920. 9 июня.
4. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 16 июня.
5. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 22 июля.
6. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 27 июля.
7. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 4 августа.
8. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 9 октября.
9. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 16 октября.
10. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 10 ноября.
11. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 10 декабря.
12. Вестник ВПДВ – ПЗУ. Владивосток. 1920. 18 декабря.
13. Вечер. Владивосток. 1920. 23 ноября.
14. Воля. Владивосток. 1920. 11 июля.
15. Воля. Владивосток. 1920. 21 августа.
16. Воля. Владивосток. 1920. 7 сентября.
17. Воля. Владивосток. 1920. 19 сентября.
18. Воля. Владивосток. 1920. 27 октября.
19. Воля. Владивосток. 1920. 4 ноября.
20. Воля. Владивосток. 1920. 7 ноября.
21. Воля. Владивосток. 1920. 13 ноября.
22. Воля. Владивосток. 1920. 14 ноября.
23. Воля. Владивосток. 1920. 20 ноября.
24. Воля. Владивосток. 1920. 1 декабря.
25. Воля. Владивосток. 1920. 4 декабря.
26. Воля. Владивосток. 1920. 7 декабря.
27. Воля. Владивосток. 1920. 9 декабря.
28. Голос Родины. Владивосток. 1920. 22 июля.
29. Голос Родины. Владивосток. 1920. 3 августа.
30. Голос Родины. Владивосток. 1920. 2 сентября.
31. Голос Родины. Владивосток. 1920. 8 сентября.
32. Голос Родины. Владивосток. 1920. 10 сентября.
33. Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 25 сентября.
34. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. (История Дальнего Востока России; Т. 3, кн. 1). 632 с.
35. Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 г.). Новосибирск: б.и., 2002. 292 с.
36. Кроль Л. А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток: Свободная Россия, 1921. 212 с.
37. Ляхов Д. А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919–1922 гг.). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2015. 188 с.
38. Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке. (1917–1922 гг.) М.: Политиздат 1963. 287 с.
39. Парфенов (Алтайский) П. С. Борьба за Дальний Восток 1920–1922. Б.м.: Прибой, 1928. 368 с.
40. Попов Ф. А. Временное Народное собрание Дальнего Востока в оценках партийной публицистики Приморья (1920 г.) // Многопартийность в России в XX в.: становление, динамика, трансформации. Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией А. Б. Ананченко. Москва: Изд-во МПГУ, 2019. С. 122–129.
41. Попов Ф. А. Избирательная система на территории Временного правительства Дальнего Востока // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 11–18.
42. Руднев С. П. При вечерних огнях. Харбин: Заря, 1928. 467 с.
43. Слово. Владивосток. 1920. 12 августа.
44. Слово. Владивосток. 1920. 12 октября.
45. Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1990. 352 с.
46. Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1996. 182 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Azarenkov A. A. "Demokraticeskij kompromiss": ideya "bufera" na Dal'nem Vostoke v planakh i taktike politicheskikh sil – uchastnikov grazhdanskoj vojny v Rossii (yanvar' 1920 – yanvar' 1921 gg.). Komsomol'sk-na-Amure: Izd-vo KNAGPU, 2001. 152 s.
2. Belikova L. I. Kommunisty Primor'ya v bor'be za vlast' Sovetov na Dal'nem Vostoke (Primorskaya organizatsiya RKP(b) v 1917–1922 gg.). Khabarovsk: Izd-vo KHGPI, 1967. 288 s.
3. Vestnik Vremennogo Pravitel'stva Dal'nego Vostoka – Primorskoj Zemskoj Upravy (dalee – Vestnik VPDV – PZU). Vladivostok. 1920. 9 iyunya.
4. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 16 iyunya.
5. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 22 iyulya.
6. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 27 iyulya.
7. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 4 avgusta.
8. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 9 oktyabrya.
9. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 16 oktyabrya.
10. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 10 noyabrya.
11. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 10 dekabrya.
12. Vestnik VPDV – PZU. Vladivostok. 1920. 18 dekabrya.
13. Večer. Vladivostok. 1920. 23 noyabrya.
14. Volya. Vladivostok. 1920. 11 iyulya.
15. Volya. Vladivostok. 1920. 21 avgusta.
16. Volya. Vladivostok. 1920. 7 sentyabrya.
17. Volya. Vladivostok. 1920. 19 sentyabrya.
18. Volya. Vladivostok. 1920. 27 oktyabrya.
19. Volya. Vladivostok. 1920. 4 noyabrya.
20. Volya. Vladivostok. 1920. 7 noyabrya.
21. Volya. Vladivostok. 1920. 13 noyabrya.
22. Volya. Vladivostok. 1920. 14 noyabrya.
23. Volya. Vladivostok. 1920. 20 noyabrya.
24. Volya. Vladivostok. 1920. 1 dekabrya.
25. Volya. Vladivostok. 1920. 4 dekabrya.
26. Volya. Vladivostok. 1920. 7 dekabrya.
27. Volya. Vladivostok. 1920. 9 dekabrya.
28. Golos Rodiny. Vladivostok. 1920. 22 iyulya.
29. Golos Rodiny. Vladivostok. 1920. 3 avgusta.
30. Golos Rodiny. Vladivostok. 1920. 2 sentyabrya.
31. Golos Rodiny. Vladivostok. 1920. 8 sentyabrya.
32. Golos Rodiny. Vladivostok. 1920. 10 sentyabrya.
33. Dal'nevostochnoe obozrenie. Vladivostok. 1920. 25 sentyabrya.
34. Dal'nij Vostok Rossii v period revolyutsij 1917 goda i grazhdanskoj vojny. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii; T. 3, kn. 1). 632 s.
35. Kokoulin V. G. Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabajkal'e i na Dal'nem Vostoke (oktyabr' 1917 – noyabr' 1922 g.). Novosibirsk: b.i., 2002. 292 s.
36. Krol' L. A. Za tri goda (vospominaniya, vpechatleniya i vstrechi). Vladivostok: Svobodnaya Rossiya, 1921. 212 s.
37. Lyakhov D.A. Nebol'shevistskie modeli politicheskogo ustrojstva Dal'nego Vostoka Rossii (konets 1919–1922 gg.). Khabarovsk: Khabarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova, 2015. 188 s.
38. Nikiforov P. M. Zapiski prem'era DVR. Pobeda leninskoj politiki v bor'be s interventsiej na Dal'nem Vostoke. (1917–1922 gg.) M.: Politizdat 1963. 287 s.
39. Parfenov (Altajskij) P. S. Bor'ba za Dal'nij Vostok 1920–1922. B.m.: Priboj, 1928. 368 s.
40. Popov F. A. Vremennoe Narodnoe sobranie Dal'nego Vostoka v otsenkakh partiinoj publitsistiki Primor'ya (1920 g.) // Mnogopartijnost' v Rossii v KHKH v.: stanovlenie, dinamika, transformatsii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Pod obshej redaktsiej A. B. Ananchenko. Moskva: Izd-vo MPGU, 2019. S. 122–129.
41. Popov F. A. Izbiratel'naya sistema na territorii Vremennogo pravitel'stva Dal'nego Vostoka // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 3 (76). S. 11–18.
42. Rudnev S. P. Pri vechernikh ognjakh. KHarbin: Zarya, 1928. 467 s.
43. Slovo. Vladivostok. 1920. 12 avgusta.
44. Slovo. Vladivostok. 1920. 12 oktyabrya.
45. Sonin V. V. Stanovlenie Dal'nevostochnoj respubliki (1920–1922). Vladivostok: Izd-vo DVGU, 1990. 352 s.
46. TSipkin YU. N. Beloe dvizhenie na Dal'nem Vostoke (1920–1922 gg.). Khabarovsk: Izd-vo KHGPU, 1996. 182 s.

Землянский В. Л. Временное Народное собрание Дальнего Востока: основные вехи деятельности первого дальневосточного парламента.

Гражданская война на российском Дальнем Востоке 1918–1922 гг. имела свои неповторимые особенности, одна из них – наличие высших представительных органов власти. В отличие от других регионов России (в частности, Сибири и Кубани), парламента Приморья с незначительными перерывами просуществовали с 1920 по 1922 гг. Первым парламентом во Владивостоке стало Временное Народное собрание Дальнего Востока. Приморские парламентарии отчетливо представляли свои главные задачи (объединение областей Дальнего Востока, сохранение края за Россией, мирное прекращение интервенции, улучшение экономического положения) и по мере возможности стремились их выполнить.

Ключевые слова: *Временное Народное собрание Дальнего Востока, парламентаризм, Временное правительство Дальнего Востока, Приморская область, РКП(б)*

Zemlyanskij V. L. Provisional National assembly of the Far East: Milestones of the First Far Eastern Parliament.

Civil war in the Russian Far East 1918–1922 had its own unique features, one of them was the presence of the highest representative bodies of power. Unlike other regions of Russia (in particular, Siberia and the Kuban), the parliaments of Primorye existed with insignificant interruptions from 1920 to 1922. The first parliament in Vladivostok was the Provisional National Assembly of the Far East. The purpose of the article is to study the activities of deputies of the National Assembly. Seaside parliamentarians clearly presented their main tasks (uniting the regions of the Far East, preserving the region for Russia, ending the intervention peacefully, improving the economic situation) and, to the extent possible, sought to achieve them.

Key words: *Provisional National assembly of the Far East, parliamentarism Provisional Government of the Far East, Primorsky region, Russian Communist Party (bolsheviks)*

Для цитирования: Землянский В. Л. Временное Народное собрание Дальнего Востока: основные вехи деятельности первого дальневосточного парламента // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 85–95. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/85-95

For citation: Zemlyanskij V. L. Provisional National assembly of the Far East: Milestones of the First Far Eastern Parliament // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 85–95. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/85-95

УДК 94(571.6)

Попов Ф. А.

Конфликт Хабаровской городской думы и Временного правительства Дальнего Востока в 1920 г.

Падение режима А. В. Колчака, в частности, свержение в конце января 1920 г. утверждённого им в должности Главного начальника Приамурского края генерал-лейтенанта С. Н. Розанова обозначило начало новой стадии Гражданской войны на Дальнем Востоке России. Противоборство развернулось между несколькими региональными центрами, претендующими на лидерство в объединении дальневосточной окраины.

Вокруг идей "народоправства" и политического плюрализма строило свой проект правительство Приморской Областной Земской Управы во главе с эсером А. С. Медведевым. Сформировавшись на основе коалиции эсеров, меньшевиков и коммунистов, это правительство в июле 1920 г. вынуждено было включить в свой кабинет кадетов и умеренно правых представителей торгово-промышленных кругов [21, с. 251 – 253; 22, с. 346–347]. Земское правительство, именовавшее себя также Временным правительством Дальнего Востока (ВПДВ), заявляло о своих притязаниях на соседствовавшие с Приморьем области (Приамурье, Камчатку, Северный Сахалин, полосу отчуждения КВЖД) [26, с. 46–47]. Под давлением, с одной стороны, японских интересов, а с другой, под впечатлением от коммунистической экспансии в регионе, владивостокское правительство заняло более осторожные позиции и призвало своих конкурентов решить судьбу Дальнего Востока на равноправных переговорах. В декларациях ВПДВ от 6 и 30 мая 1920 г. проводится мысль о "демократическом буфере", свободном от партийных влияний, смысл существования которого состоит в сохранении региона за Россией [3; 4].

Соперниками лево-демократического Приморья было Забайкалье, ставшее "точкой сбора" всех сил Белого движения после развала колчаковского фронта [27, с. 269–271], и Прибайкалье, в столице которого, Верхнеудинске, большевики провозгласили строительство своего, полностью зависимого от Москвы "буфера" под названием "Дальневосточная республика" (ДВР) [1, с. 81–84]. Если забайкальский режим атамана Г. М. Семёнова, в силу его идеологической чуждости всем силам левого спектра, сперва рассматривался ВПДВ в качестве открытого врага, то ДВР со столицей в Верхнеудинске казалась владивостокскому правительству договороспособной стороной. К диалогу с ДВР Приморье подталкивалось также сильным большевистским лобби – некоторые приморские коммунисты занимали высокие посты в государственных структурах Приморского государственного образования [28, с. 155]. Ещё одним региональным центром был Амурский областной народно-революционный комитет (облнарревком), управлявший отрезанным от ДВР "красным островом" – Амурской областью. Между ДВР и Амурской областью имела существенная разница в подходах к государственному строительству – амурские большевики настаивали на ускоренной советизации Дальнего Востока и критически относились к "буржуазной" ширме ДВР [25, с. 65–66]. Тем не менее во внешней политике верхнеудинские и благовещенские большевики выступали единым фронтом, и Амурская область, сохраняя особые черты своей внутренней жизни, признавала главенство ДВР в объединительном процессе.

Ни перемены в общественно-политической жизни Дальнего Востока после бегства С. Н. Розанова, ни курс ВПДВ на тот или иной вариант объединения с ДВР не устраивал определённые слои населения, оказавшиеся под властью ВПДВ. Причины для недовольства были у разных сил, традиционно

© Попов Ф. А., 2020

относимых советской историографией к "реакции". Торгово-промышленный класс опасался национализации своего имущества социалистическими правительствами ДВР и ВПДВ. Уссурийские казаки, поначалу приветствовали изгнание полностью скомпрометированного (даже в глазах антибольшевиков) атамана Калмыкова, но вскоре встали в резкую оппозицию Владивостоку, посягнувшему на казачье самоуправление [23, с. 209–211, 217–218]. Оставшиеся на территории ВПДВ офицерские кадры стали жертвами революционного террора, схожего с антиофицерским насилием во время февральских и октябрьских событий 1917 г. Массовое убийство белых офицеров на реке Хор в начале апреля 1920 г., осуществлённое большевиками при попустительстве приморских "демократов", оттолкнуло офицерство от Приморской Областной Земской Управы, за которой закрепился ореол слабого, сугубо промежуточного режима, потакающего большевикам [9]. Одним из последствий небоеспособности армии ВПДВ, серьёзно ослабленной после японского выступления 4-5 апреля 1920 г., стало образование неподконтрольных никому офицерско-казачьих отрядов, возглавляемых харизматичными лидерами.

В данной статье на примере конфликта Хабаровской городской думы и ВПДВ рассматривается внутреннее противостояние, охватившее Приморское государственное образование в 1920 году.

Предпосылки конфликта между органом городского самоуправления и правительством следует искать в неразрешённости вопроса о носителях верховной власти после краха колчаковского фронта. Хабаровская городская дума, избранная на основе мажоритарной избирательной системы при режиме А. В. Колчака, была отстранена от власти с уходом из города частей верных атаману Калмыкову. Всю полноту власти заполучил Совет крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. Апрельское выступление интервентов привело к реваншу думцев, которые, воспользовавшись расположением к себе японских военных, вновь встали во главе Хабаровска [29, с. 129–132]. Перебой связи с Владивостоком заставил городскую думу самостоятельно осуществлять управление городом. Следует отметить, что непосредственные очевидцы событий возводят отсутствие достоверной информации в число главных причин конфликта; плохое информирование о постановлениях ВПДВ, превратная интерпретация его политики, по их мнению, внесли существенную лепту в настраивание хабаровчан против Владивостока. Вынужденный в течение долгого периода времени самостоятельно справляться со своими проблемами (продовольственным кризисом, скачком цен, взлётом преступности и т.д.), город невольно обособлялся в административном отношении от центральных органов власти. Один из горожан описывал это отчуждение так: "Хабаровск в последнее время был отрезан от Владивостока, Благовещенска и Николаевска и это отразилось на всех сторонах его жизни. Крупные учреждения краевого масштаба, созданные для обслуживания нескольких областей, бездействуют и превратились в ненужные наросты, бесцельно расходующие народные средства" [13].

Дестабилизирующим фактором была идеологическая несовместимость хабаровского самоуправления и областной власти. Городская дума состояла в основном из носителей правого, консервативного мировоззрения, видевших в ВПДВ лишь ширму для прикрытия большевистских амбиций. В лидеры хабаровских консерваторов выдвинулся К. Т. Лихойдов, ставший по итогам японского вмешательства председателем городской думы. Выход из думы группы социалистов окончательно превратил этот орган самоуправления в рупор правой оппозиции. Левая общественность не скрывала своей антипатии к хабаровской думе, приписывая ей оторванность от интересов горожан, "реакционность" и пособничество японским интервентам. В советской апологетической литературе этот период жизни Хабаровска получил название "лихойдовско-японского ада" [29, с. 132]. Хабаровский корреспондент эсеровской газеты "Воля" отзывался о думе в следующих выражениях: "Возьмем наше городское самоуправление, избранное еще по грациано-колчаковскому закону, этому плоду государственного недомыслия. Вернее, всей думы в соображение брать нет необходимости, можно взять во внимание только городского голову, Лихойдова, ибо всё остальное в хабаровской думе, что носит признаки людского образа, имеет в народном общежитии не совсем лестное название. И вот эта-то дума, состоящая исключительно из домовладельцев (представители

демократии вышли из состава думы) вершит судьбами города. Правительство ею признается постольку, поскольку ей нужны субсидии. Сама же дума, ни в каких случаях, никем не признается, кроме самих сонных "отцов" города" [10].

Выборы в Народное Собрание планировалось провести с более чем месячным отставанием от Владивостока; голосование было назначено на 18 июля, просьбы уполномоченного ВПДВ Милеева ускорить проведение выборов были городской думой проигнорированы [13]. Вскоре дума пересмотрела своё решение и вновь перенесла выборы. 30 июля в беседе с Милеевым заместитель городского головы генерал Бабилов сообщил, что выборы в Народное Собрание пройдут 8 августа, а в думу – 10 сентября (списки избирателей на думских выборах вывешат для обозрения и проверки 15 августа) [10]. Но вскоре и эти даты попали под сомнение, а сами выборы (как в Народное Собрание, так и в городскую думу) были отодвинуты на неопределённый срок.

Милеев не в силах был помешать демаршам правых; тесное сотрудничество группы Лихойдова с японским гарнизоном делало неуместной должность правительственного уполномоченного, принадлежность которого к партии коммунистов также не способствовало его популярности среди "буржуазной" и правой по своему составу думы. Кроме того, Милееву, как агенту правительства, приходилось постоянно опасаться за свою безопасность. Хабаровское самоуправление старалось опереться на белые парамилитарные формирования, в частности на отряд есаула В. Бочкарева, который практиковал террор против коммунистических партийных работников по всему Приамурью. "Бочкаре́вцы" оказались причастны к убийству в Имане уполномоченного ВПДВ П. В. Уткина, после чего Владивосток выслал ликвидацию "белобандитов" отряд милиции под руководством инспектора В. Колесниченко. Однако, арестовав Бочкарёва и обезвредив его "банду", Колесниченко начал повальные аресты всех, кто подозревался в "реакционных взглядах", в результате чего городская тюрьма заполнилась случайными людьми. По словам очевидцев, противоправные действия Колесниченко произвели "прескверное впечатление даже среди тех, кто сочувствовал аресту убийц Уткина и Граженского и ликвидации бочкаревской шайки" [14]. Каплей же, переполнившей чашу терпения хабаровской думы (превратившейся к тому времени в негласное "правительство" города), стала финансовая реформа владивостокского правительства, воспринятая местным торгово-промышленным классом как самый настоящий коммунистический эксперимент. После отъезда инспектора милиции из Хабаровска ВПДВ утратило всякий контроль над городом.

Разрыв Хабаровска с ВПДВ произошёл не сразу, а после неудавшихся попыток достичь консенсуса. На заседании 6 июня хабаровская городская дума объявила о готовности сложить с себя правительственные полномочия и признать ВПДВ, при соблюдении последним ряда условий. Во-первых, правительство должно признать неприкосновенность городского самоуправления в соответствии с городским положением 1917 г., гарантировать права думы как единственного органа местного самоуправления (т.е. компетенция правительственных уполномоченных у mažалась в пользу думы) и передать в её подчинение милицию в пределах городской территории. Во-вторых, все распоряжения, сделанные думой с 10 апреля по 6 июня 1920 г., должны были остаться в силе. В-третьих, Приморская Областная Земская Управа, будучи, по выражению авторов постановления, "президиумом правительства", должна инкорпорировать в свой состав представителей местного самоуправления. В-четвёртых, от Народного Собрания (легитимность которого хабаровские думцы никак не хотели признавать) требовалось ограничить свою деятельность определением правовых оснований правительственной власти впредь до созыва Дальневосточного Учредительного Собрания (региональной версии российской конституанты) и разработкой законов о выборах в него. При этом статьи 3-7 "Положения о выборах во Временное Народное Собрание Дальнего Востока", закрепляющие наполовину курриальную избирательную систему, должны подвергнуться пересмотру. В-пятых, Земская Управа обязывалась предпринять все усилия к скорейшему созыву Дальневосточного Учредительного Собрания из представителей всех пяти областей Дальнего Востока: Приморской, Амурской, Забайкальской, Сахалинской и Камчатской, а затем сложить полномочия в его пользу. И наконец, в-шестых, населению предо-

ставлялось право вотировать недоверие правительству, причём вотум, поддержанный половиной населения, влёт за собой его отставку [10].

Хабаровская дума, как видно из содержания постановления, не ограничилась отстаиванием собственных интересов и предложила программу по увеличению полномочий всех местных самоуправлений края. Ультиматум 6 июня 1920 г. был подготовлен группой Лихойдова с расчётом на то, что неповиновение думы правительству будет воспринято как децентрализаторская инициатива, которая в случае своей реализации могла бы укрепить начала демократии на Дальнем Востоке. По мнению "лихойдовцев", приморская государственность, зародившаяся на руинах авторитарного административного аппарата в январе-феврале 1920 г., именно как власть самоуправления, получившего правительственный статус, со временем выродилась в диктат областного, т.е. приморского земства над всеми остальными самоуправлениями. Поэтому уместно констатировать, что помимо идеологических противоречий между правой хабаровской думой и левым ВПДВ в этом конфликте имелся ещё и юридический пласт, связанный с противостоянием владивостокского централизма и хабаровского автономизма.

Ситуация в Хабаровске выносилась на обсуждение Народного Собрания. 31 июля товарищ управляющего ведомством внутренних дел С. М. Третьяков сделал в парламенте доклад о "незаконмерных действиях хабаровской городской думы". Третьяков констатировал, что "выборы во временное Народное Собрание постоянно откладывались по тем или иным причинам, при чем это откладывание носит определенно злостный характер" [15]. Докладчик счёл "возможным и необходимым оказать на хабаровскую городскую думу известное воздействие" [15]. Наиболее простой выход Третьяков видел в передаче выборного делопроизводства и самой процедуры проведения выборов в руки другой организации или уполномоченному правительству. Таким образом, план Третьякова по урегулированию конфликта не учитывал интересов хабаровского самоуправления; вместо выработки приемлемого для обеих сторон соглашения, правительство взяло курс на подавление хабаровского автономистского движения, пусть и мирным путём.

Несмотря на то, что тон доклада Третьякова был враждебен хабаровским "реакционерам", некоторые левые депутаты Народного Собрания считали правительственные меры недостаточными и ратовали за более решительные действия. Эсер Гуревич прямо назвал поведение хабаровской думы саботажем. "Здесь мы имеем дело с правами органа городского самоуправления" [10] – совершенно верно утверждал он. В остальном, однако, его речь была далека от объективности: "Для всех и для каждого должно быть ясно, что действия Хабаровской городской думы являются действиями продиктованными соображениями и мотивами политического, но не делового характера. Последнее постановление Хабаровской думы ясно показывает нам, что мы имеем дело с систематической обструкцией" [10]. Гуревич предлагал "посмотреть на вопрос с точки зрения юридической, с точки зрения закона" [10]. "Срок выборов, – продолжала эсеровский оратор, – определяется, согласно постановлению Временного Правительства, городским самоуправлением и оттяжка выборов, без достаточных оснований, может быть квалифицирована, как неисполнение закона. Конечно, это должен установить суд, ибо право не есть только право, но и обязанность" [10]. Далее Гуревич бросил упрек в адрес ведомства внутренних дел и правительственного уполномоченного в Хабаровске, деятельность которого "имеет характер чисто бумажного делопроизводства, которое, конечно, осязательных результатов дать не могло" [10]. Глава эсеровской фракции призвал Народное Собрание "заставить Хабаровскую думу почаще взглядывать на нас с точки зрения закона" и "решительно осадить тех, кто до такой степени зарвался" [10]. Своим выступлением Гуревич задал направление всему заседанию, которое с этого момента свелось к огульному порицанию хабаровчан.

Оппонировать воинственно настроенным левым осмелились немногие депутаты. В частности, депутат Миллер, делегированный в Народное Собрание от хабаровской торгово-промышленной палаты, попытался защитить интересы выдвинувшей его группы. Виной всему, по мнению Миллера, является недостаточная информированность хабаровской думы, которая была неизбежна ввиду долгой изоляции Хабаровска от остальных частей края. В

оттягивании выборов повинна "не столько злостная обструкция со стороны хабаровской думы, сколько просто плохая информация о том, что делается во Владивостоке" [10]. Легитимность Народного Собрания вполне признаётся думой, в противном случае зачем, спрашивал Миллер, хабаровские торгово-промышленники направили его представлять их интересы в парламенте? В конце своей речи Миллер призвал уладить инцидент парламентским путём. Кадет Л. А. Кроль указал, что едва ли возможно добиться от Хабаровска моментального и полного подчинения и тем более "возбудить против него в той или иной форме судебное преследование" [10]. Хабаровск с лёгкостью бойкотировал все ультиматумы правительства. "Что тогда делать? – спрашивает Кроль и тут же продолжает: – Никому вы не докажете, что Хабаровск должен непременно подчиняться Владивостоку, а не Чите или Благовещенску" [10]. Главным мотивом речи Кроля было предостережение парламентариев от спороспелых решений в вопросе, требующем высоких дипломатических навыков. Кролю возразил депутат Абрамов, указавший, что "существование государства в государстве, к чему фактически сводится занятая в настоящее время хабаровской городской думой позиция, недопустимо" [10]. Оратор отказал хабаровским думцам в праве считаться выразителями воли населения их города, приведя в обоснование своего тезиса тот факт, что рабочие организации Хабаровска и даже его торгово-промышленный класс делегировали в Народное Собрание своих представителей. Абрамов призвал парламент "в срочном порядке принять пожелание об изъятии из ведения хабаровской городской думы вопроса о выборах и передаче его другой организации" [10].

В ходе полемики примирительные рецепты, выдвигаемые Кролем и Миллером, были решительно отвергнуты леворадикальным большинством. В своей аргументации левые уже не обращались к правовым механизмам воздействия на хабаровскую думу. "Незаконность" хабаровского самоуправления обосновывалась ими с чисто идеологических позиций, т.е. в их представлении причиной "незаконности" думы крупнейшего дальневосточного города была её "антидемократичность", которая, в свою очередь, обуславливалась "реакционными" убеждениями думцев. Реагируя на речь Кроля, Гуревич заявил, что "депутат Кроль познакомил нас с новой оригинальной, неслыханной теорией государственного права, на основании которой каждому городу, местечку и пункту предоставляется права самоопределения, вплоть до отделения. <...> Теория г-на Кроля о самоопределении вплоть до отделения, поощряет узурпаторские попытки и достигает целей, обратным стремлению к объединению Дальнего Востока" [10].

Наблюдавший за дискуссией Третьяков, в ответ на упреки слева, признал, что его "ведомство еще не достигло достаточной гибкости административного аппарата для руководства агентами на местах" [10], но в ближайшее время намерено принять более жёсткие, чем обычно, меры.

Формула перехода, составленная Гуревичем, логически вытекала из той атмосферы непримиримости, что господствовала среди левых депутатов. Для понимания последующих событий целесообразно привести её полностью: "Констатируя систематическое и упорное сопротивление хабаровской думы проведению выборов в Народное Собрание, признает необходимым: 1) незамедлительно изъять в законодательном порядке производство выборов из ведения хабаровской городской думы; 2) роспуск хабаровской думы настоящего состава; 3) отмену в порядке административного судопроизводства всех незаконных постановлений указанной думы; 4) привлечь к законной ответственности всех лиц, виновных в задержке выборов. Собрание предлагает ведомствам юстиции и внутренних дел срочно провести в жизнь эти пожелания и переходит к очередным делам" [10]. Фактически это означало ликвидацию той хабаровской правоты "автономии", которая сложилась в городе после возврата городской думой своих полномочий в апреле 1920 г.

Неготовность Народного Собрания решать конфликт на взаимовыгодных условиях укрепила хабаровских думцев в необходимости полного разрыва с центральной властью. На частном совещании городской думы 12 августа была провозглашена "независимость" Хабаровска от Приморского государственного образования. В первой части соответствующей резолюции перечислялись противоправные действия владивостокского правительства, вынудившие думу прибегнуть к сессии. Прежде всего в упрек ему ставился отказ

признавать требования, выдвинутые хабаровской городской думой, и нежелание давать какие-либо объяснения по этому поводу. Далее правительство обвинялось в посягательстве на права городского самоуправления и в попытке незаконными методами переизбрать его состав. Не была обойдена чрезвычайно болезненная в те дни финансовая проблема: Владивостоку вменялось в вину разорение жителей Хабаровского уезда на 250 миллионов рублей посредством девальвации. По мнению составителей резолюции, "правительство не в состоянии создать и укрепить финансы и ведет умышленно и сознательно к полному разорению и обнищанию населения, отдавая его в полную экономическую кабалу иностранцам" [16]. Кроме того, правительство отказывает городу в ассигнованиях для ликвидации созданных по вине центральной власти проблем и не оплачивает казённые долги по водопроводу, телефонной связи и электрическому освещению. Отказ передать продовольственное дело в руки самоуправления, по мнению думцев, привёл к голоду, ответственность за который также ложилась на плечи правительства. Недовольство думы вызвала неспособность центра обеспечить безопасность и свободу передвижения по водным (реке Амур) и железнодорожным артериям края, что имело следствием расстройство местной торговли и промышленности. Вдобавок к этому правительство обвинялось думой в попрании права собственности и намерении провести национализацию – её особенно страшились торгово-промышленные круги Хабаровска. Помимо этого, правительство подверглось нападкам за то, что "не выказало никакого стремления к созыву Учредительного Собрания" и "не предоставило достаточного права голоса несоциалистическим слоям населения" [16]. В довершении всего владивостокская власть и её агенты упрекались за фальсификацию выборов в Народное Собрание и органы городского самоуправления.

В позитивной части резолюции городская дума отказывалась от подчинения правительству и возвращала себе право верховной власти, которая распространялась не только на город, но и на уезд и нижнее течение Амура. Все агенты низвергнутого правительства высылались за пределы Хабаровска. Для отправления законодательных функций создавался городской совет из пяти членов. Дума постановила также просить японское командование о военной защите Хабаровска вместе с уездом от "большевиков всяких оттенков" до тех пор, пока в регионе не появится правительство, признанное Японией и странами Антанты. Только такому правительству городская дума согласна была передать всю полноту власти. Для удовлетворения городских и уездных нужд дума просила у Японии 30 миллионов иен в качестве займа, – обязательства по его погашению возлагались на то правительство, которое будет признано японской стороной. Пока же Хабаровску и его окрестностям надлежало перейти на японскую валюту вместо русской.

Несмотря на категоричность формулировок, фигурирующих в резолюции частного совещания думцев, хабаровское самоуправления всё ещё надеялось на компромисс с центральной властью. 19 августа дума предъявила ВЦДВ последний ультиматум, в котором потребовала дать немедленный ответ на изложенные в постановлении 6 июня шесть требований, отозвать из Хабаровска уполномоченного Милеева и поспособствовать смягчению тона полуофициального органа "Голос трудящихся", "сеющего на казенные средства... провокацию и вражду среди населения, обостряющего отношения между русскими и Японией" [11].

Правительству не оставалось ничего иного, кроме как применить против Хабаровска военную силу, но силовому решению проблемы мешало присутствие в городе японского гарнизона. События 4-5 апреля 1920 г. были слишком свежи, чтобы забывать преподнесённый ими урок. Для того чтобы принудить хабаровскую думу к капитуляции, приморские левые воспользовались потенциалом профсоюзного движения. Хабаровский пролетариат был настроен в массе своей пробольшевистски. Сложившаяся в Приморье социалистическая коалиция с вкраплениями "цензовиков" вызвала у него больше симпатий, чем местные правые думцы. Образовавшийся в городе стачечный комитет начал 19 августа забастовку, в которую включились и служащие муниципальных учреждений. Однако забастовка задевала интересы иностранных граждан, в результате чего 21 августа интервенты потребовали от городской головы принять все меры к её прекращению, в противном случае было

обещано вмешательство японских войск. Прибывший в Хабаровск в тот же день гласный областного земства А. К. Григорьев от имени правительства убедил профсоюзы прекратить забастовку [5].

По свидетельству очевидцев, у Григорьева были шансы достичь примирения между думой и правительственным уполномоченным. Однако положение фатально испортил закон ВПДВ, принятый Народным Собранием 21 августа. Фактически им законодательно закреплялся тот радикальный курс на ликвидацию хабаровского самоуправления, который уже был изложен в парламентской формуле перехода от 31 июля. Хабаровская дума созыва 1919 г. распускалась, выборы в новую думу надлежало провести не позднее 10 октября 1920 г. на основаниях, установленных Земской Управой 9 февраля того же года. Это означало отмену колчаковского избирательного законодательства и возврат к правилам Всероссийского Временного Правительства от 15 апреля 1917 г. с указанием на то, что гласные избираются на срок до 1 января 1922 г. До избрания городской думы нового состава права и обязанности самоуправления возлагались на временную комиссию в составе пяти членов, отобранных управляющим ведомством внутренних дел из местной общественности. В отмену статьи 15 "Временных правил о производстве выборов гласных городских дум" права и обязанности городского головы по образованию избирательной комиссии возлагались на лицо, специально приглашённое управляющим ведомством внутренних дел по соглашению с председателем кабинета министров [11].

На собрании 22 августа дума уже окончательно постановила не признавать владивостокское правительство. Собравшись в количестве 22 гласных, она под предводительством Е. М. Адersona вынесла резолюцию, в которой аннулировала своё постановление об условном признании правительства от 6 июня. Обращает на себя формулировка гласных, категорически отказавшихся "от признания земской Управы Временным Правительством". Если хабаровские думцы и раньше пытались в своих документах различать "земство" и "правительство", то в данной резолюции эта тенденция обозначена предельно ясно. Хабаровчане деконструировали образ приморского земства как регионального правительства, низводили земскую управу на тот уровень, который она занимала до узурпации правительственных полномочий по итогам переворота 31 января. Без этих полномочий не могла существовать иерархия, в которой приморское земство возвышалось над хабаровской думой. Сторонники Лихойдова ловко использовали нестандартное правовое положение Земской Управы и пытались лишить её того ореола верховной власти, благодаря которому Владивосток навязывал свою волю оппонентам, будь то круг уссурийского казачества или хабаровская городская дума. Контрудар был нанесён и по Народному Собранию, которое думцы обвиняли в том, что оно, "распустив Думу и назначив новые выборы, присвоило себе непринадлежащие ему права правительственной власти" [18]. Ровно с этого дня можно отсчитывать недолгое существование Хабаровска в качестве "города-государства". Своё решение дума довела до японского командования, которое тут же предприняло меры для обеспечения порядка в городе, заперев городскую милицию (подчинявшуюся Владивостоку) в казармы и заняв милицейские участки.

На фоне нарастающего ожесточения между консервативными "лихойдовцами" и владивостокскими социалистами за примирительные процедуры выступала лишь немногочисленная либеральная интеллигенция. В резолюции хабаровского комитета партии Народной свободы от 25 августа осуждались обе стороны конфликта. Однако постановления ВПДВ и Народного Собрания, вынесенные без предварительного изучения всех обстоятельств дела, сыграли, по мнению хабаровских кадетов, намного более весомую роль в разжигании вражды. Хотя городское самоуправление тоже порицалась за оттягивание выборов в парламент, авторы резолюции смягчали степень её вины, констатируя, что "Думой были приняты меры к избежанию разрыва с правительством" [6]. Что же касается правительства, то оно, на взгляд кадетов, "не исчерпало всех средств к предупреждению подобного события, но своим пренебрежительным молчанием на запросы думы, подтолкнуло последнюю на акт разрыва 22-го августа" [6]. Тем не менее кадеты сохраняли подчёркнутый нейтралитет и призывали враждующие стороны вновь сесть за стол переговоров, дабы не допустить ослабления "национального фронта" на Даль-

нем Востоке. Левая пресса тем временем придавала "лихойдовской аванюре" конспирологический подтекст, намекая на то, что демарш хабаровской думы направляется японским командованием: "Выполняется определенный план. Стратегически важный для наших друзей Хабаровск, а за ним линия Хабаровск-Никольск постепенно занимается "истинно русскими людьми" не без руководства какого-то генерального штаба. Работа эта не делает чести ни русским спасателям родины, ни агентам союзной и дружественной нам Японии, бесцеремонность которых на этот раз перешла всякие границы..." [17].

Между тем силы, доселе считавшиеся социальной опорой городской думы, поспешили абстрагироваться от "сепаратизма". На собрании 22 августа хабаровские домовладельцы солидаризировались с правительством, признав вслед за ним думу распущенной, а её действия антидемократическими. Со слов домовладельцев, городское самоуправление "совершило великое преступление перед русским народом, умышленно толкая население нашего города, помимо его желаний, на борьбу с правительством" [12].

Положение думы усугубилось после того, как японское командование заняло нейтралитет, а попытки сформировать собственные вооружённые силы провалились. Беззащитность Хабаровска перед лицом вражеского наступления побудила группу Лихойдова прекратить борьбу. 1 сентября городская дума, так и не сложив с себя полномочий, исключительно под давлением внешней силы, свернула свою деятельность. Согласно указу Временного Правительства от 21 августа функции городского управления присвоила себе "комиссия пяти" из трёх эсеров, одного коммуниста и одного беспартийного, сочувствующего коммунистам [7]. Первым делом новые власти начали подготовку к выборам в Народное собрание. Для хабаровских правых это было страшным ударом, но, несмотря на поражение, они не отказались от участия в дальнейшей политической борьбе. Хабаровск, попав под власть коммунистов, сохранил свой протестный потенциал, что отразилось на выборах в Учредительное собрание ДВР в январе 1921 г.: из 6874 голосовавших, за некоммунистические списки отдали свой голос 4307 избирателя; от города было избрано 4 коммунистических и 6 некоммунистических депутатов (неготовность Демократического союза и эсеров объединить усилия в ходе избирательной кампании помешала оппозиционерам достичь большего) [20]. Наиболее правые и антикоммунистические настроенные члены распущенной думы – такие как К. Т. Лихойдов и Е. М. Адерсон – приняли участие в работе Несоциалистического съезда 20-31 марта 1921 г., а после переворота 26 марта 1921 г. – в работе антибольшевистского Временного Приамурского правительства.

В конце сентября была начата эвакуация японских войск из Хабаровского уезда. Вместе с ними город покинуло множество местных жителей, имевших причины опасаться советской или приморской "земсовдеповской" власти. Социальный состав беженцев варьировался от домовладельцев и бывших бойцов белых формирований до простых рабочих. "В панике бегут из города, бросая на произвол судьбы всё состояние своё и продавая за бесценок то, что составляло единственное средство к удовлетворению своих повседневных нужды, как зажиточное население города, веря ложным слухам о приходе несуществующих партизанских отрядов в город следом за японскими войсками, так и малоимущий рабочий класс под влиянием ложных слухов о возвращении японских войск для наступления на г. Хабаровск и Амурскую область" [24], – проговаривался в своём воззвании к хабаровчанам уполномоченный А. Милеев.

Одержав победу, Временное правительство не в состоянии было заполнить тот вакуум, который образовался в Хабаровске с уходом японских войск – на тот момент главных гарантов порядка в городе. Городское самоуправление Хабаровска вместе с его консервативными элементами удалялось с политической авансцены, однако кризис вокруг города продолжался: теперь он стал камнем преткновения между владивостокским правительством и амурскими большевиками. Сразу после эвакуации японских частей, окончательно завершившейся к 21 октября, город был занят войсками Амурской области. Ещё 20 октября уполномоченный ВПДВ коммунист Р. А. Цейтлин получил из Владивостока инструкцию, предписывавшую ему потребовать от амурских частей, вошедших на территорию ВПДВ, согласования их действий с приморским командованием. Кроме того, Цейтлину поручалось предохранить гражданское

управление Хабаровска и окрестностей от вмешательства амурских военных, гарантировать сохранность военного имущества, хранящегося в Хабаровске. Приморская милиция в Хабаровске и Имане должна была использоваться по назначению и не выводиться из города. Однако приморские войска и милиция, находившиеся в городе, без всякого сопротивления были выведены из города: Ракитинский батальон был послан на охрану железной дороги к югу от Хабаровска, а милиция отправлена на борьбу с хунхузами. Наряду с Хабаровском под контроль амурских большевиков попал и ряд других населённых пунктов вплоть до Имана. На новоприсоединённых территориях "амурцы" немедленно свернули все государственные учреждения ВПДВ и ввели собственную денежную систему. "Союзники" Приморья по "антиинтервенционному фронту" не считались ни с уполномоченными Милеевым и Цейтлиным, ни с представителем приморского командования Петровым, назначив в Хабаровске своего начальника гарнизона – А. К. Флегонтова. Вялые попытки ВПДВ путём дипломатии заставить войска Амурской области покинуть Хабаровск, – например, отзыв Р. А. Цейтлина, по словам В. Г. Болдырева, "явно проводившего чьи-то иные указания", и посылка новой комиссии – не увенчались успехом и остались, по мнению того же Болдырева, "только повисшим в воздухе жестом" [2, с. 376]. "Физическая сила была на стороне амурцев, которые прекрасно к тому же понимали, что Приморское Правительство с ними воевать не будет" [2, с. 376] – так Болдырев передавал настроение момента.

Посагательство Амурской области, к тому времени ставшей составной частью ДВР, на территорию Временного правительства шокировало политические элиты Приморья, которые привыкли к борьбе с дальневосточными правоконсерваторами и не ожидали "удара в спину" со стороны Благовещенска. Эсеровской "Воле" большевизация Хабаровска представлялась более мощным ударом по демократии, чем сепаратизм городской думы: "Захват Амурскими войсками Хабаровска и ликвидация в нем учреждений, установленных Временным правительством, является в данный момент вопросом исключительной важности. Мы имеем своего рода повторение Лихойдовщины на-выворот. Но насколько Лихойдовщина была жалкой попыткой справа спровоцировать демократию, настолько захват амурцами Хабаровска представляет уже собой не попытку, а один из реальных ударов, наносимых в последнее время по воле Верхнеудинска делу сохранения Дальнего Востока за Россией" (статья печатного органа эсеров была процитирована либеральным "Вечером") [8]. По мнению эсеров, агрессия амурских большевиков ставит под сомнение мирное объединение дальневосточной окраины, поэтому Временному правительству стоит воздержаться от посылки приморской делегации на переговоры в Читу (тоже занятую войсками ДВР), пока Хабаровск не будет возвращён под его юрисдикцию. В отличие от эсеров, приморские социал-демократы, находящиеся на правительственных должностях, в т.ч. председатель Совета управляющих ведомствами М. С. Бинасик не склонны были драматизировать ситуацию. Выступая перед Народным собранием 27 октября, Бинасик счёл нужным послать в Хабаровск делегацию: "Факт занятия города войсками амурского правительства и последовавшие затем между амурским командованием и представителем временного правительства недоразумения создают такое положение, при котором совет управляющих не считает возможным принять на себя ответственность за могущие произойти в дальнейшем события. Необходимо, по мнению совета управляющих ведомств, послать в Хабаровск делегацию, которая бы потребовала и добила бы восстановления власти временного правительства в Хабаровске" [19].

Противостояние Хабаровской городской думы и ВПДВ летом-осенью 1920 г. представляет собой важный, хотя и малоизученный, эпизод политической истории Дальнего Востока России. Идеологические предпосылки противостояния следует искать в разнице между консервативным мировоззрением зажиточных горожан Хабаровска и левыми взглядами членов приморского правительства. Среди юридических (государственно-правовых) причин конфликта выделяются две главные: (1) спорность статуса хабаровской думы, вначале отстранённой от управления городом (в пользу Советов), однако вновь возвысившейся после японского выступления 4-5 апреля 1920 г. и (2) нелегитимность ВПДВ, возникшего на базе земства Приморской области, в качестве органа, представляющего все области Дальнего Востока, а не только Приморье.

рье. Финансовая реформа ВПДВ, ударившая по благосостоянию Хабаровска, послужила лишним поводом для "отделения" Хабаровска от Приморского государственного образования. Нельзя сбрасывать со счетов такой технический фактор, как расстройство коммуникаций между Владивостоком и Хабаровском, что также сыграло свою роль в нагнетании атмосферы неизвестности, а затем и враждебности в отношениях между городской думой и правительством. Поражение хабаровских думцев было предрешиено нежеланием японских войск более задерживаться в Хабаровске и отсутствии у "лихойдовцев" собственных вооружённых сил. В свою очередь, победа ВПДВ была украдена амурскими большевиками, которые, пользуясь неопределённостью ситуации в Хабаровске, ввели туда войска и фактически отняли город у ВПДВ. Земское правительство в очередной раз продемонстрировало нерешительность, слабость и, самое главное, неспособность дать отпор противникам "слева". Итог хабаровских событий лаконично подвёл непосредственный участник событий В. Г. Болдырев: "Весь север Приморья до р. Уссури – линия передовых частей японцев – переходил в подчинение и обладание Амурского правительства. Фонды Приморья значительно понизились. Перед столь быстро усилившейся Читой, оно в лице коммунистического большинства Народного собрания, представлялось уже обедневшим и почтительным родственником" [2, с. 377]. Таким образом, позиции пробольшевистской ДВР (чьи интересы отстаивали амурские большевики, занявшие Хабаровск) на переговорах вокруг объединения Дальнего Востока были укреплены, позиции же Приморского государственного образования фатально ослаблены. С первого виду незначительный хабаровский инцидент стал звеном в цепочке причинно-следственных фактов, приведших к утверждению гегемонии ДВР на русском Дальнем Востоке.

Литература

1. Азаренков А. А. "Демократический компромисс": идея "буфера" на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил – участников гражданской войны в России (январь 1920 – январь 1921 гг.). Комсомольск-на-Амуре: КГПУ, 2001. 152 с.
2. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новоиколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
3. Вестник Временного Правительства Дальнего Востока – Приморской Земской Управы // Владивосток. 1921. 11 мая.
4. Вестник Временного Правительства Дальнего Востока – Приморской Земской Управы // Владивосток. 1920. 4 июня.
5. Вечер // Владивосток. 1920. 1 сентября.
6. Вечер // Владивосток. 1920. 4 сентября.
7. Вечер // Владивосток. 1920. 10 сентября.
8. Вечер // Владивосток. 1920. 27 октября.
9. Волков С. В. Массовое убийство большевиками военнопленных колчаковцев на реке Хор в апреле 1920 года // Альманах "Мемориал Донские казаки в борьбе с большевизмом". 2010. № 4. С. 105 – 110.
10. Воля // Владивосток. 1920. 1 августа.
11. Воля // Владивосток. 1920. 22 августа.
12. Воля // Владивосток. 1920. 25 августа.
13. Голос Родины // Владивосток. 1920. 2 июля.
14. Голос Родины // Владивосток. 1920. 27 июля.
15. Голос Родины // Владивосток. 1920. 1 августа.
16. Голос Родины // Владивосток. 1920. 15 августа.
17. Голос Родины // Владивосток. 1920. 17 августа.
18. Голос Родины // Владивосток. 1920. 25 августа.
19. Голос Родины // Владивосток. 1920. 28 октября.
20. Голос Родины // Владивосток. 1921. 14 января.
21. Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 г.): дисс. д-ра. ист. наук. Кемерово, 2005. 467 с.
22. Руднев С. П. Воспоминания. При вечерних огнях. Харбин: Типография "Заря", 1927. 467 с.
23. Савченко С. Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Хабаровск: ХГПУ, 2002. 280 с.
24. Слово // Владивосток. 1920. 5 октября.
25. Сонин В. В. Государство и право Дальневосточной республики, 1920–1922 гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 296 с.

26. Тригуб Г. Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь – декабрь 1920 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2006. № 1. С. 44–54.
27. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 2. М.: МПГУ, 2016. 640 с.
28. Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). Хабаровск: Хабар. краев. музей им. Н.И. Гродекова, 2012. 245 с.
29. Чернышева В., Чечулина Г., Сутурин А. Хабаровск, 1858–1983: очерк истории. Хабаровск: Кн. изд-во, 1983. 336 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Azarenkov A. A. "Demokraticeskij kompromiss": ideya "bufera" na Dal'nem Vostoke v planakh i taktike politicheskikh sil – uchastnikov grazhdanskoj vojny v Rossii (yanvar' 1920 – yanvar' 1921 gg.). Komsomol'sk-na-Amure: KGPU, 2001. 152 s.
2. Boldyrev V. G. Direktoriya. Kolchak. Interventy. Vospominaniya. Novonikolaevsk: Sibkrajizdat, 1925. 562 s.
3. Vestnik Vremennogo Pravitel'stva Dal'nego Vostoka – Primorskoj Zemskoj Upravy // Vladivostok. 1921. 11 maya.
4. Vestnik Vremennogo Pravitel'stva Dal'nego Vostoka – Primorskoj Zemskoj Upravy // Vladivostok. 1920. 4 iyunya.
5. Veher // Vladivostok. 1920. 1 sentyabrya.
6. Veher // Vladivostok. 1920. 4 sentyabrya.
7. Veher // Vladivostok. 1920. 10 sentyabrya.
8. Veher // Vladivostok. 1920. 27 oktyabrya.
9. Volkov S. V. Massovoe ubijstvo bol'shevikami voennoplennykh kolchakovtsev na reke KHor v aprele 1920 goda // Al'manakh "Memorial Donskie kazaki v bor'be s bol'shevizmom". 2010. № 4. S. 105 – 110.
10. Volya // Vladivostok. 1920. 1 avgusta.
11. Volya // Vladivostok. 1920. 22 avgusta.
12. Volya // Vladivostok. 1920. 25 avgusta.
13. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 2 iyulya.
14. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 27 iyulya.
15. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 1 avgusta.
16. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 15 avgusta.
17. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 17 avgusta.
18. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 25 avgusta.
19. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 28 oktyabrya.
20. Golos Rodiny // Vladivostok. 1921. 14 yanvarya.
21. Kokoulin V. G. Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabajkal'e i na Dal'nem Vostoke (oktyabr' 1917 – noyabr' 1922 g.): diss. d-ra. ist. nauk. Kemerovo, 2005. 467 s.
22. Rudnev S. P. Vospominaniya. Pri vechernikh ogn'yakh. KHarbin: Tipografiya "Zarya", 1927. 467 s.
23. Savchenko S. N. Ussurijskoe kazach'e vojsko v Grazhdanskoj vojne na Dal'nem Vostoke (1917-1922 gg.). Khabarovsk: KHGPU, 2002. 280 s.
24. Slovo // Vladivostok. 1920. 5 oktyabrya.
25. Sonin V. V. Gosudarstvo i pravo Dal'nevostochnoj respubliki, 1920–1922 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 296 s.
26. Trigub G. Ya. Deyatel'nost' Primorskoj oblastnoj zemskoj upravyy v kachestve vremennogo pravitel'stva (yanvar' – dekabr' 1920 g.) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2006. № 1. S. 44–54.
27. TSvetkov V. Zh. Beloe delo v Rossii. 1920–1922 gg. (formirovanie i ehvolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii). Ch. 2. M.: MPGU, 2016. 640 s.
28. TSipkin YU. N. Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii: formirovanie antibold'shevistskikh rezhimov i ikh krushenie (1917–1922 gg.). Khabarovsk: KHarbar. kraev. muzej im. N.I. Grodeкова, 2012. 245 s.
29. Chernysheva V., Chechulina G., Suturen A. Khabarovsk, 1858–1983: ocherk istorii. Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1983. 336 s.

Попов Ф. А. Конфликт Хабаровской городской думы и Временного правительства Дальнего Востока в 1920 г.

В статье анализируется противостояние городского самоуправления Хабаровска "колчаковского созыва" и областного правительства Приморья, образованного в результате антиколчаковского переворота 31 января 1920 г. Параллельное существование нескольких государственных образований на Дальнем Востоке создавало почву для политической нестабильности. Конфликт между хабаровскими думцами и владивостокским правительством осложнялся идеологическим фактором: большинство думцев принадлежало к правому, антикоммунистическому лагерю, в то время как областное правительство состояло преимущественно из социалистов. Отказ обеих сторон идти на компромисс вылился в одностороннее провозглашение "независимости" Хабаровска в августе 1920 г. Эвакуация японских войск и отсутствие поддержки действий думы среди горожан привели "сепаратистов" к провалу. Конфликтом воспользовались конкуренты Приморья в деле объединения Дальнего Востока – Дальневосточная республика и советская Амурская область – войска последней, вопреки протесту владивостокского правительства, заняли Хабаровск в октябре 1920 г.

Ключевые слова: *Гражданская война на Дальнем Востоке, Хабаровск, городское самоуправление, антибольшевистское движение, сепаратизм, политическое насилие*

Popov F. A. Conflict of the Khabarovsk City Duma and the Provisional Government of the Far East in 1920.

The article analyzes the confrontation between the Khabarovsk city government of the "Kolchak convocation" and the regional government of Primorye formed as a result of the anti-Kolchak coup on January 31, 1920. The parallel existence of several state formations in the Far East created the ground for political instability. The conflict between the Khabarovsk Duma and the Vladivostok government was complicated by an ideological factor: most Duma members belonged to the right, anti-communist camp, while the regional government consisted mainly of socialists. The refusal of both sides to compromise resulted in the unilateral declaration of "independence" of Khabarovsk in August 1920. The evacuation of Japanese troops and the lack of support for the actions of the Duma among the townspeople led to the "separatists" to failure. The conflict was seized by the rivals of Primorye in the unification of the Far East – the Far Eastern Republic and the Soviet Amur Region – the latter's troops, contrary to the protest of the Vladivostok government, occupied Khabarovsk in October 1920.

Key words: *Civil war in the Far East, Khabarovsk, city government, anti-Bolshevik movement, separatism, political population*

Для цитирования: Попов Ф. А. Конфликт Хабаровской городской думы и Временного правительства Дальнего Востока в 1920 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 96–107. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/96-107

For citation: Popov F. A. Conflict of the Khabarovsk City Duma and the Provisional Government of the Far East in 1920 // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 96–107. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/96-107

Роль трудовых ресурсов в процессе регионального развития России и Китая: современные практики регионоведческой компаративистики

Особенностью регионоведческого познания в современных условиях является ориентация не только на рассмотрение региона с точки зрения целостной системы со своей структурой, функциями, связями с внешней средой, историей, культурой, но и комплексным изучением процесса регионального развития. Опыт и традиции регионоведческих исследований в США (У. Айзард, Д. Спенглер), Западной Европы (А. Вебер, С. Денисон, Н. Калдор, В. Кристаллер, А. Лёш), КНР (Бао Юань, Ван Сюаньсюань, Вэй Ехуа, Ли Чжунли, Ло Ю, Лу Цзуньхуа, У Пэн, Чжан Вэй, Чан Лэсян) показывает, что ключевую роль в исследовании региона как объекта регионоведения играет комплексное изучение регионального развития, включающее в себя природно-географические, культурно-исторические, социально-экономические, политические характеристики эволюции региона.

"В современных условиях исследования региона в рамках отдельного государства не только не утратили своей актуальности, но и стали одним из элементов государственной политики, так как именно такие исследования помогают выстроить наиболее оптимальный план развития страны, разработать стратегии реализации региональной политики в среднесрочной и долгосрочной перспективах" [7, с. 7].

Региональное развитие современного государства направлено на решение актуальных социально-экономических проблем, связанных с пространственной организацией экономики при диспропорциональном наличии благоприятных природно-географических условий, разнообразии культурно-исторических факторов, неравномерном экономическом росте отдельных регионов, разной плотности и социально-экономической активности трудоспособного населения. Весь комплекс данных региональных явлений за последние десятилетия формирует устойчивую картину неравномерного социально-экономического развития. Разбирая опыт региональных преобразований в российском и китайском обществах можно выделить ключевые особенности региональной политики двух государств в области пространственного регионального развития, сопоставив трудности на пути решения региональных проблем, положительные результаты по использованию потенциала территории стран в решении проблем диспропорционального регионального развития, а также достижения долгосрочных целей государств. Сопоставляя стратегии пространственного регионального развития России и Китая, реализуемые в последние годы, необходимо отметить, что ключевую роль в региональном развитии двух стран играет человеческий капитал (人力资本), трудовые ресурсы (劳动力资源).

Методы исследования

Развитие междисциплинарного подхода в научных исследованиях в течение XX в. повлияло на формирование новой области научного знания – регионоведения, интегрирующего географические, социологические, экономические, исторические методы исследования. Изучение процесса регионального развития предполагает использование различных подходов, способов и методов. Особенно продуктивным и значимым представляется метод

сравнительного анализа, действующий в рамках цивилизационного и системного подходов к познанию. В отечественной практике регионоведческих исследований потенциал сравнительного анализа используется при изучении региональных политических процессов (А. Д. Воскресенский [3]), социокультурных явлений (Г. Е. Смирнова [11]). В последние годы особую популярность получает такая научная дисциплина, как компаративистика (от англ. compare – сравнивать, сопоставлять). "В начале 1970-х гг. на Западе были выпущены первые учебники по компаративистике. В нашей стране первое учебное пособие появилось только в 1997 г. Компаративистика – теория исследования социально-экономических систем через сравнение" [5]. В настоящее время научный потенциал компаративистики активно используется при исследовании социально-политических систем (О. В. Гаман-Голутвина, И. М. Бусыгина, А. В. Веретевская, А. Д. Воскресенский, Л. М. Гудошников, В. А. Сергеева, М. В. Ильин, И. В. Кудряшова, С. И. Лунев, О. Ю. Малинова, Е. Ю. Мелешкина, П. В. Осолков, Е. Г. Пономарева, В. М. Сергеев, О. Г. Харитонова, С. М. Хенкин, С. В. Чугров [9]), социально-экономических систем (А. В. Горшков [5]).

Современные практики регионоведческой компаративистики опираются на теоретико-методологический опыт сравнительных исследований, расширяя и углубляя показатели количественного и качественного отождествления в трёх плоскостях: пространственной, временной, пространственно-временной, – при этом не ограничиваясь только характеристиками политических или экономических систем. Регионоведческая компаративистика предполагает проведение сравнительно-сопоставительного исследования процесса регионального пространственного развития по различным направлениям исследования, включая изучение природно-географических, культурно-исторических, социально-политических и экономических аналогий пространственного развития разных стран и связей (межнациональных, межрегиональных, межличностных, межгрупповых).

Цель настоящей статьи – используя потенциал регионоведческой компаративистики, оценить в сравнительно-сопоставительном аспекте роль трудовых ресурсов, как одного из ключевых элементов регионального развития в процессе реализации стратегий пространственного регионального развития России (Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г., принятая в 2019 г.) и новой стратегии скоординированного регионального развития Китая (реализация стратегии в КНР с 2012 г.). Базой данных регионоведческой компаративистики в кейсе "трудовые ресурсы в региональном развитии" служат статистические данные КНР [30], статистические данные РФ [14], тексты стратегий пространственного развития РФ [13] и КНР [29], а также многочисленные данные научных экспертов России и Китая, содержащие оценку роли человеческого капитала и трудовых ресурсов в процессе регионального развития РФ и КНР, соответственно.

Результаты исследования

Современное пространственное развитие является одним из приоритетных направлений региональной политики как в России, так и в Китае, позволяющее комплексно решать социально-экономические проблемы диспропорциональных явлений на региональном уровне. Компаративный анализ нормативно-правовой базы России и Китая, касающийся выполнения проектов, программ, планов регионального развития, показывает, что в настоящее время реализуются стратегии пространственного развития как в РФ, так и в КНР. Принятая 13 февраля 2019 г. "Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г." ориентирована на комплексное решение социально-экономических проблем регионального развития России в условиях концентрации населения и экономики в крупнейших формах расселения – городских агломерациях. В данном документе отмечается, что основными проблемами пространственного развития РФ являются: 1) высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства; 2) возрастание демографической нагрузки на трудоспособное население в большинстве субъектов РФ; 3) недостаточное количество центров экономического роста; 4) существенное отставание межрегиональной и внутрирегиональной миграционной подвижности населения от средних значений, характерных для

развитых стран; 5) существенные внутрирегиональные различия по уровню социально-экономического развития; 6) низкий уровень комфортабельности городской среды; 7) высокая доля малопроизводительных и низкотехнологических производств в сфере экономики РФ; 8) низкий уровень предпринимательской активности; 9) нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия; 10) неудовлетворительное состояние окружающей среды в городах с численностью населения более 500 тысяч человек [13]. Все перечисленные проблемы пространственного развития РФ предполагают решать в ходе реализации стратегии, принятой в феврале 2019 г.

На протяжении 70-летнего развития КНР реализовывались различные стратегии пространственного развития, соответствовавшие реалиям того или иного периода новейшей истории Китая. После начала проведения политики "реформ и открытости" с 1978 г. в пространственной организации экономики КНР стали проявляться диспропорциональные региональные тенденции. С конца 1990-х гг. начинается переход к реализации скоординированной стратегии регионального развития, целью которой являлось решение проблем неравномерного регионального развития. Осуществление программ скоординированного развития Центрального, Северо-Восточного, Западного и Восточного регионов КНР в к. XX века было направлено на возникновение новых центров экономического роста в КНР и ликвидацию внутригосударственных различий по уровню социально-экономического развития. Так, на XVIII съезде КПК, проходившем с 8 ноября по 15 ноября 2012 г. в Пекине, было объявлено о начале реализации новой стратегии скоординированного регионального развития в КНР [29]. Для повышения уровня межрегионального взаимодействия с 2012 г. региональные преобразования были направлены на реализацию следующих проектов: "столичный регион" КНР (Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй Цзин-Цзинь-Цзи 京津冀), регион "Большого залива" (Да вань цюй 大湾区) – провинция Гуандун-Гонконг-Макао, залив Ханчжоувань Юэ-Ган-Ао, Ханчжоувань 粤港澳、杭州湾), экономический пояс реки Янцзы (Чанцзян цзинцзи дай 长江经济带), "Пояс – путь" (и дай и лу 一带一路), Сюньань 雄安 (новая экономическая зона недалеко от Пекина). Обновленная стратегия скоординированного развития Восточного, Западного, Северо-Восточного и Центрального регионов КНР за последние годы оптимизировала пространственное экономическое развитие КНР. Для решения проблем неудовлетворительного состояния окружающей среды китайское руководство начинает реализовывать с 2012 г. комплекс мер по построению экологической цивилизации. Как показывает компаративный анализ в рамках регионоведческого научного познания, для РФ и КНР в начале XXI в. характерны общие проблемы регионального развития, которые решаются на основе комплекса мер региональной политики по устранению неравномерных тенденций в пространственной организации экономики. В ходе пространственного регионального развития в РФ и КНР ключевую роль играет человеческий капитал, трудовые ресурсы. Компаративный анализ экспертных точек зрения китайских и российских исследователей показывает, что реализация крупных государственных программ, проектов по региональному развитию двух стран ориентирована на высококачественную подготовку, эффективное перераспределение трудовых ресурсов для нужд региональной экономики. Различия в российской и китайской специфике по использованию трудовых ресурсов в рамках региональной политики заключаются в разных социально-экономических условиях и темпах экономического развития двух стран. Общими тенденциями в пространственной организации экономики как России, так и Китая является ориентация на необходимость разработки и реализации комплекса мер по применению всего потенциала трудовых ресурсов в ходе ликвидации неравномерных тенденций социально-экономического развития регионов двух государств.

Китай и Россия являются странами с очень большими различиями в региональном развитии. Китайское правительство начиная с начала 1990-х гг. разработало несколько региональных проектов и руководящих планов для содействия скоординированному развитию китайской региональной экономики. При этом дисбаланс регионального экономического и социального развития по-прежнему сохраняется. Большинство китайских ученых, таких как Ван Мэйянь, Ван Шэнцзинь, Цай Фан, считают, что эффективное использование трудовых ресурсов в различных регионах КНР также оказывает глубокое

влияние на скоординированное развитие регионов [18; 24]. Как отмечают китайские ученые Минь Юньчжи и Чжоу Мин, в последние годы исследования в области стратегического управления трудовыми ресурсами КНР не ограничиваются предприятиями или отраслью народного хозяйства, а постепенно выходят в плоскость экономического развития региона [21]. Региональная экономика Китая тесно взаимосвязана с управлением трудовыми ресурсами и процессом стратегического распределения рабочей силы в те регионы государства, которые входят в приоритетные программы по пространственной организации экономики. Взаимосвязь трудовых ресурсов и экономического развития региона проявляется, во-первых, в том, что потенциал трудовых ресурсов в регионе напрямую связан с экономическим ростом, во-вторых, вклад рабочей силы в экономическое развитие разных отраслей региона неравномерен. Российские и китайские ученые, эксперты в области исследования человеческого капитала отмечают, что трудовые ресурсы являются важнейшей составляющей социально-экономического развития государства. По мнению российских исследователей О. В. Власовой, О. Н. Пронской, с одной стороны, качество и уровень концентрации трудовых ресурсов определяют уровень развития производства в регионе. С другой стороны, уровень развития производственной, торговой и транспортной инфраструктуры определяют привлекательность региона для трудовых ресурсов при выборе постоянного места работы [2].

Определяя роль трудовых ресурсов в ходе модернизационных преобразований в китайском обществе, построении "социализма с китайской спецификой" в период после начала реализации политики "реформ и открытости" с 1978 г., необходимо отметить, что политика китайского правительства по подготовке, повышению квалификации и эффективному перераспределению рабочей силы изменилась. После 40-летнего периода проведения политики "реформ и открытости" в Китае человеческий капитал больше не является главным препятствием для экономического развития, а наоборот, высококачественные трудовые ресурсы стали ключевым фактором экономического роста в отдельных регионах КНР. Возможность в полной мере использовать потенциал рабочей силы для реализации проектов пространственного развития – важная движущая сила региональной экономики Китая в процессе достижения устойчивого развития. С начала XXI в. качество трудовых ресурсов в Китае значительно улучшилось, а уровень образования рабочей силы постоянно повышался. В настоящее время в КНР насчитывается самое большое количество выпускников университетов в мире (число выпускников китайских вузов увеличилось с 1,776 млн в 2000 году до 8,2 млн в 2018 году, что является самым большим мировым показателем) [30]. Однако распределение высококачественных трудовых ресурсов неравномерно по регионам, и, что более важно, эффективность использования рабочей силы варьируется от региона к региону.

Одной из центральных проблем в области распределения трудовых ресурсов в РФ за последние годы является проблема неравномерного распределения рабочей силы на территории страны. Как отмечает российский исследователь Г. Г. Вукович: "кризисные явления в экономике РФ и неравномерность развития отдельных территориальных образований страны негативно отражаются на состоянии региональных рынков труда и ведут к их дифференциации. Объективная оценка ситуации, складывающейся на региональных рынках труда, имеет существенное значение для формулировки принципов разработки программ содействия занятости населения и выработки реальных целей и задач по управлению положением на рынке труда" [4]. Данная проблема находит отражение и в работах других российских ученых. Как отмечают О. В. Власова и О. Н. Пронская, в Российской Федерации существуют диспропорции в распределении трудоспособного населения по территории страны. Это определяется демографическими, социально-экономическими, природно-климатическими и финансовыми факторами. Проблема миграции рабочей силы в места с более благоприятными условиями труда (большое количество рабочих мест, более высокие заработные платы) остро стоит в регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО), откуда трудовые ресурсы активно переливаются в Москву и Московскую область. Этот процесс активизировался после развала СССР, когда в регионах началось стремительное

сокращение рабочих мест и реальных заработных плат, место производственного сектора заняла торговля, а экономика страны впала в долгосрочный кризис. Деградация производства на фоне активного развития торговой сферы и сферы услуг приводит к общему снижению численности рабочих мест в регионе и вызывает отток населения [2]. Специфика общероссийского рынка труда определяется неравномерностью социально-экономического развития регионов России, проблемой миграции трудовых ресурсов в Центральный федеральный округ. Поэтому роль трудовых ресурсов в ходе реализации стратегии пространственного развития РФ в настоящее время напрямую связана с решением социально-экономических проблем.

При определении роли трудовых ресурсов в процессе реализации стратегий регионального развития в КНР китайские эксперты особое внимание уделяют вопросам качества трудовых ресурсов, которое является комплексным показателем, включающим образование, физическое здоровье, психическое состояние и профессиональную этику. С точки зрения определения роли рабочей силы в содействии техническому прогрессу, модернизации промышленности и экономическому росту регионов Китая уровень образования рабочей силы является наиболее важным составляющим элементом качества трудовых ресурсов. В дополнение к необходимому уровню образования работники также должны овладеть трудовыми навыками и профессиональными техническими знаниями, подходящими для отрасли региональной экономики, в которой они заняты.

В ходе определения роли трудовых ресурсов в процессе реализации стратегии пространственного развития РФ, необходимо отметить, что кроме анализа проблем, связанных с миграцией трудовых ресурсов в ЦФО, также российские эксперты определяют перспективы использования человеческого капитала в современных реалиях социально-экономического развития России. Как отмечают российские исследователи И. П. Бобрешова и Р. М. Прытков, одной из приоритетных целей развития региональной системы регулирования рынка труда в России является эффективная занятость населения, достигаемая на основе роста уровня и качества жизни, повышения качества и конкурентоспособности рабочей силы, стимулирования рационального распределения трудовых ресурсов по секторам и отраслям экономики, а также обеспечения гарантий в области социально-трудовых отношений. На эффективность занятости влияют социально-экономические, политические, юридические и психологические аспекты: социальная напряженность, социальная поддержка безработных, уровень статистической и скрытой безработицы, рациональность правового обеспечения в сфере занятости, своевременность выплаты вознаграждения за труд и многие другие [1]. Другой российский исследователь С. В. Гриненко отмечает, что воспроизводство человеческого капитала формируется под влиянием ряда факторов как прямого, так и косвенного воздействия. Базовыми составляющими человеческого капитала являются традиции и культура населения, религия, степень экономической свободы и условия жизни, качество образования, здоровье, накопленные знания, конкуренция и экономическая свобода, что проявляется в многоаспектности данной категории и сопряжении различных наук при ее изучении (экономики, психологии, социологии, информатики, истории, медицины, педагогики, философии, политологии и других). Ядро национального человеческого капитала составляют лучшие и конкурентоспособные специалисты, определяющие прирост и эффективность использования знаний и инноваций, эффективность предпринимательского ресурса, размеры и эффективность инновационного сектора экономики и, как следствие, экономический рост. Вследствие трансформаций, происходящих на территории России в течение последних 20-ти лет, соотношение социально-экономических тенденций развития регионов кардинально изменилось. Централизация ресурсных потоков привела к высокой неравномерности регионального развития как в масштабах страны, так и в границах округов/областей [6]. Компаративный анализ определения ключевых характеристик трудовых ресурсов, задействованных в ходе реализации стратегий пространственного развития, показывает, что как и в России, так и в Китае огромное значение придается качеству трудовых ресурсов. Специфика заключается в том, что в Китае первоочередными задачами управления трудовыми ресурсами являются перспективы участия рабочей силы в техни-

ческом прогрессе, модернизации промышленности и экономическом росте регионов Китая, тогда как в России одной из ключевых целей развития региональной системы управления трудовыми ресурсами является эффективная занятость населения и решение проблемы централизации ресурсных потоков, приводящих к усилившейся социально-экономической неравномерности регионов России.

В современных условиях развития китайского общества диспропорциональные тенденции пространственной организации экономики оказывают значительное влияние на трудовые ресурсы КНР. Большинство экспертных точек зрения китайских ученых, специалистов в области управления человеческим капиталом касаются координации эффективного перераспределения трудовых ресурсов Китая в рамках реализации приоритетных программ, планов и проектов пространственного развития. Региональное скоординированное развитие, по мнению китайских ученых Пэн Чжаохуэя и Чжан Ципина, должно включать комплекс мер по перераспределению рабочей силы, подготовке и повышению качества трудовых ресурсов, играющих ведущую роль в осуществлении крупных государственных проектов по развитию того или иного региона, строительству экономических зон, расширению городских агломераций, усилению экономической роли средних и малых городов [22; 27]. Китайские специалисты в области исследования трудовых ресурсов Ян Шэнли и Гао Сяндун отмечают, что в настоящее время Китай сталкивается как с экономической и социальной трансформацией, так и с трансформацией рынка труда [25]. В тех регионах, где государственные функции в региональном развитии изменились и рыночные отношения играют более важную роль, уровень распределения трудовых ресурсов выше. В условиях скоординированного регионального развития и реализации проектов по экономическому росту Западного региона и усилению Центрального региона Китая в региональном развитии данные регионы КНР должны оптимизировать структуру рабочей силы и повышать уровень управления кадровыми службами. В полной мере использовать потенциал трудовых ресурсов, так как этот ценный ресурс способствует быстрому развитию экономики Центрального и Западного регионов Китая. Что касается структурной оптимизации, то трудовые ресурсы провинции Хэнань, Аньхой, Сычуань, Гуйчжоу и других провинций, а также Гуанси-Чжуанского автономного района находятся на низком уровне по всей стране. Шанхай, Пекин и Тяньцзинь находятся на относительно высоком уровне по оптимизации трудовых ресурсов. Что касается уровня услуг по развитию трудовых ресурсов, между Центральным и Западным и Восточным регионами Китая все еще существует большой разрыв [26]. Современные китайские аналитики уделяют значительное внимание роли трудовых ресурсов в экономическом росте отдельных регионов КНР. Так, например, Чжу Иминь и Чжун Циньдай изучили вклад трудовых ресурсов в экономический рост провинции Гуандун [31]. Специалисты в области экономической демографии Лэй Липин и Юй Цинькай, проанализировав промышленную структуру регионов КНР, предложили варианты усовершенствования в распределении трудовых ресурсов в различных отраслях промышленности в ходе развития региональной экономики Китая [20]. Китайский ученый Цао Цзиньвэнь провел эмпирический анализ взаимосвязи между человеческим капиталом в Китае и экономическим ростом китайских регионов, придя к выводу, что трудовые ресурсы оказывают прямое влияние на экономический рост Китая. Увеличение инвестиций в человеческий капитал улучшит производительность региональной экономики, тем самым способствуя экономическому росту Китая [19].

Компаративный анализ показывает, что в России диспропорциональные тенденции пространственной организации экономики оказывают значительное влияние на трудовые ресурсы. Приоритетами пространственного развития РФ до 2025 г. являются опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала; развитием перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением на территории РФ; социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста. Для реализации дан-

ных приоритетных направлений пространственного развития ведущая роль отводится координации эффективного перераспределения трудовых ресурсов России. В настоящее время в РФ сформировалось несколько крупных центров экономического роста, каждый из которых обеспечивает более одного процента суммарного прироста валового регионального продукта.

В ходе реализации стратегии скоординированного регионального развития в КНР с конца XX в. ключевыми проектами являлись проекты усиления Центрального и Западного регионов Китая с целью гармонизации социально-экономического регионального развития КНР. Характеризуя особенности использования трудовых ресурсов в современных условиях пространственного регионального развития КНР, китайские ученые Ван Шэнцзинь, Сун Шоцзинь и Чжао Юйхун отмечают, что проблема неравномерного регионального развития не только не способствует эффективному использованию трудовых ресурсов во всех сферах региональной экономики (в основном в Центральном и Западном регионах), ограничивая модернизацию промышленности, но также сильно препятствует межрегиональному скоординированному развитию. Решение этой проблемы заключается в следующем: с одной стороны, необходимо содействовать модернизации промышленности в Центральном и Западном регионах КНР и обеспечить более эффективные возможности трудоустройства для высококачественных трудовых ресурсов; повысить эффективность использования трудовых ресурсов в Центральном и Западном регионах; поощрять предприятия Восточного региона к инвестированию в строительство заводов в Центральном и Западном регионах; способствовать переводу трудоемких отраслей в Центральный и Западный регионы, а также содействовать передаче отраслей с высоким научно-техническим содержанием и высокими требованиями к трудовым навыкам в Центральный и Западный регионы Китая. С другой стороны, продолжать поощрять межрегиональный поток рабочей силы и дополнительно устранять институциональные барьеры для перемещения трудовых ресурсов между регионами Китая [24; 23; 28]. В начале XXI в. в КНР особое значение в ходе скоординированного регионального развития уделяется проекту возрождения старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая, что также являлось ключевым направлением по ликвидации неравномерного регионального развития. Политика китайского руководства по эффективному использованию трудовых ресурсов в рамках регионального развития КНР выстраивалась в соответствии с приоритетными направлениями координации пространственного развития Северо-Восточного, Восточного, Центрального и Западного Китая.

Выводы

Используя потенциал регионоведческой компаративистики и оценивая в сравнительно-сопоставительном аспекте роль трудовых ресурсов в процессе реализации стратегии пространственного регионального развития в России и Китае, мы пришли к следующим результатам. Для РФ и КНР в начале XXI в. характерны общие проблемы регионального развития, которые решаются на основе комплекса мер региональной политики по устранению неравномерных тенденций в пространственной организации экономики. В ходе пространственного регионального развития в РФ и КНР ключевую роль играет человеческий капитал, трудовые ресурсы. Компаративный анализ экспертных точек зрения китайских и российских исследователей показывает, что реализация крупных государственных программ, проектов по региональному развитию двух стран ориентирована на высококачественную подготовку, эффективное перераспределение трудовых ресурсов для нужд региональной экономики. Различия в российской и китайской специфике по использованию трудовых ресурсов в рамках региональной политики заключаются в разных социально-экономических условиях и темпах экономического развития двух стран. Общими тенденциями в пространственной организации экономики как России, так и Китая, является ориентация на необходимость разработки и реализации комплекса мер по применению всего потенциала трудовых ресурсов в ходе ликвидации неравномерных тенденций социально-экономического развития регионов двух государств.

Российские и китайские ученые, эксперты в области исследования человеческого капитала отмечают, что трудовые ресурсы являются важнейшей

составляющей социально-экономического развития государства. Специфика общероссийского рынка труда определяется неравномерностью социально-экономического развития регионов России, проблемой миграции трудовых ресурсов в Центральный федеральный округ. Поэтому роль трудовых ресурсов в ходе реализации стратегии пространственного развития РФ в настоящее время напрямую связана с решением социально-экономических проблем. Компаративный анализ определения ключевых характеристик трудовых ресурсов, задействованных в ходе реализации стратегий пространственного развития показывает, что как и в России, так и в Китае огромное значение придается качеству трудовых ресурсов. Специфика заключается в том, что в Китае первоочередными задачами управления трудовыми ресурсами являются перспективы участия рабочей силы в техническом прогрессе, модернизации промышленности и экономическом росте регионов Китая, тогда как в России одной из ключевых целей развития региональной системы управления трудовыми ресурсами является эффективная занятость населения и решение проблемы централизации ресурсных потоков, приводящих к усилившейся социально-экономической неравномерности регионов России.

Литература

1. Бобрешова И. П., Прытков Р. М. Развитие региональной системы регулирования рынка трудовых ресурсов // Сотрудничество Республики Беларусь и Оренбургской области в инновационной деятельности. Оренбург: Университет, 2018. С. 87–91.
2. Власова О. В., Пронская О. Н. Трудовые ресурсы как фактор развития региональной экономики // Наука, образование и культура. 2017. № 8. С. 17–21.
3. Воскресенский А. Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации. Политические системы и политические культуры Востока. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 5–31.
4. Вукович Г. Г., Магомедов К. У. Региональные аспекты моделирования сбалансированного развития трудовых ресурсов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 1. С. 7–10.
5. Горшков А. В. Региональная компаративистика: теория и практика // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. Т. 8. № 1. С. 46–50.
6. Гриненко С. В. Развитие человеческого потенциала территорий в контексте теории "центр-периферия" // Фундаментальные исследования. 2017. № 6. С. 127–131.
7. Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Труды I Международной научно-практической регионоведческой конференции. СПб.: Научно-исследовательский институт образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 6–14.
8. Максимцев И. А., Межевич Н. М. Зарубежное регионоведение: вопросы теории и информационного обеспечения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5. С. 7–14.
9. Политическая компаративистика. Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Изд-во "Аспект-Пресс", 2020. 784 с.
10. Симонова М. В. Кадровое обеспечение регионального развития // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2015. Т. 4. № 1. С. 21–25.
11. Смирнова Г. Е. Сравнительный анализ в социокультурном регионоведении // Философия и культура. 2013. № 4 (64). С. 558–564.
12. Сорокина Н. Ю. Влияние стратегии регионального развития на приоритеты управления трудовым потенциалом // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 10 (103). С. 59–64.
13. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).
14. Федеральная служба государственной статистики РФ. Трудовые ресурсы. [Электронный ресурс]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 15.05.2020).
15. Хадасевич Н. Р. Влияние кадровой политики организаций на региональный трудовой потенциал // Вестник евразийской науки. 2014. № 6 (25). С. 41–53.
16. Эскиев М. А. Роль и значение трудового потенциала в социально-экономическом развитии региона // Финансовая экономика. 2019. № 5. С. 853–855.
17. Янченко Е. В. Трудовые ресурсы как фактор устойчивого регионального развития // Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные про-

цессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона. Материалы IX Международной научно-практической конференции. 2018. С. 687–690.

18. 蔡昉, 王美艳. 中国工业重新配置与劳动力流动趋势 // 中国工业经济. 2009. № 8. 页. 5-11. (Цай Фан, Ван Мэйянь. Тенденции промышленного перераспределения и мобильности рабочей силы в Китае // Промышленная экономика Китая. 2009. № 8. С. 5–11).

19. 曹晋文. 我国人力资本与经济增长的实证研究 // 财经问题研究. 2004. № 9. 页. 9–13. (Цао Цзиньвэнь. Эмпирические исследования человеческого капитала и экономического роста в Китае // Исследование проблем финансов и экономики. 2004. № 9. С. 9–13).

20. 雷丽平, 于钦凯. 中国人力资源开发对区域经济发展的影响及对策研究 // 人口学刊. 2004. № 4 (146). 页. 21–26. (Лэй Липин, Юй Цинькай. Исследование влияния развития человеческих ресурсов на региональное экономическое развитие в Китае и контрмеры // Демография. 2004. № 4 (146). С. 21–26).

21. 闵芸芝, 周明. 人力资源禀赋对区域经济发展的影响分析 - 以江西为例 // 井冈山大学学报 (社会科学版). 2013. № 3 (34). 页. 66–70. (Минь Юньчжи, Чжоу Мин. Анализ влияния трудовых ресурсов на экономическое развитие региона на примере провинции Цзянси // Журнал университета Цзинганьшань. Общественные науки. 2013. № 3 (34). С. 66–70).

22. 彭朝晖. 人民资本与中国区域经济差异. 长春: 吉林出版集团股份有限公司, 2015. 188 页. (Пэн Чжаохуэй. Человеческий капитал и диспропорции в региональной экономике КНР. Чанчунь: Издательская группа провинции Цзилинь, 2015. 188 с.)

23. 宋寿金. 区域人力资源开发研究. 广州: 广东人民出版社, 2004. 175 页. (Сун Шоуцзинь. Исследование развития трудовых ресурсов в регионах. Гуанчжоу: Издательство провинции Гуандун, 2004. 175 с.)

24. 王胜今. 东北亚国际经济技术合作中的劳动力资源研究 // 东北亚论坛. 1992. № 1. 页. 73–78. (Ван Шэнцзинь. Исследование роли трудовых ресурсов в международном экономическом и техническом сотрудничестве в Северо-Восточной Азии // Форум Северо-Восточной Азии. 1992. № 1. С. 73–78).

25. 杨胜利, 高向东. 我国劳动力资源配置与优化配置研究 // 人口学刊. 2013. № 6. 页. 78-85. (Ян Шэнли, Гао Сяндун. Исследование оптимизации размещения и размещения трудовых ресурсов // Демография. 2013. № 6. 页. 78–85).

26. 杨胜利, 高向东. 我国劳动力资源配置水平综合评价与分析-兼论区域差异与经济发展 // 人口学刊. 2015. № 5 (37). 页. 73-84. (Ян Шэнли, Гао Сяндун. Комплексная оценка и анализ уровня распределения трудовых ресурсов в Китае по региональным различиям и экономическому развитию // Демография. 2015. № 5 (37). С. 73-84).

27. 张绮萍. 人才资源开发与区域经济发展的关系分析 // 价值工程. 2012. № 20. 页. 12-15. (Чжан Ципин. Анализ взаимосвязи между развитием человеческих ресурсов и экономическим развитием региона // Оценка стоимости. 2012. № 20. С. 12–15).

28. 赵宇虹. 人力资本结构与地区经济发展动因分析. 吉林, 2012. 50 页. (Чжао Юйхун. Анализ причин регионального развития экономики и структуры человеческого капитала. Цзилинь, 2012. 50 с.)

29. 中国共产党第十八次全国代表大会 (Заседание XVIII съезда КПК). [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/351850/index.html>

30. 中国人口科学 (Демография). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zgrkx.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

31. 朱翊敏, 钟庆才. 广东省经济增长中人力资本贡献的实证分析 // 中国工业经济. 2002. № 12. 页. 3–38. (Чжу Иминь, Чжун Цинцай. Эмпирический анализ вклада человеческого капитала в экономический рост провинции Гуандун // Промышленная экономика Китая. 2002. № 12. С. 3–38.).

32. 朱显平. 俄远东的劳动力资源与区域经济合作 // 人口学刊. 1999. № 7. 页. 54–56. (Чжу Сяньпин. Трудовые ресурсы и региональное экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России // Демография. 1999. № 7. С. 54–56).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bobreshova I. P., Prytkov R. M. Razvitie regional'noj sistemy regulirovaniya rynka trudovykh resursov // *Sotrudnichestvo Respubliki Belarus' i Orenburgskoj oblasti v innovatsionnoj deyatel'nosti*. Orenburg: Universitet, 2018. S. 87–91.
2. Vlasova O. V., Pronskaya O. N. Trudovye resursy kak faktor razvitiya regional'noj ehkonomiki // *Nauka, obrazovanie i kul'tura*. 2017. № 8. S. 17–21.
3. Voskresenskij A. D. Sravnitel'nyj analiz politicheskikh sistem, politicheskikh kul'tur i politicheskikh protsessov na vostoке kak chast' diskursa mirovogo kompleksnogo regionovedeniya: obshhie zakonomernosti i spetsifika ikh regional'noj transformatsii. Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka. M.: AST: Vostok-Zapad, 2006. S. 5–31.
4. Vukovich G. G., Magomedov K. U. Regional'nye aspekty modelirovaniya sbalansirovannogo razvitiya trudovykh resursov // *Vestnik Altajskoj akademii ehkonomiki i prava*. 2013. № 1. S. 7–10.
5. Gorshkov A. V. Regional'naya komparativistika: teoriya i praktika // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2002. T. 8. № 1. S. 46–50.
6. Grinenko S. V. Razvitie chelovecheskogo potentsiala territorij v kontekste teorii "tsentr-periferiya" // *Fundamental'nye issledovaniya*. 2017. № 6. S. 127–131.
7. Makeeva S. B. Issledovaniya razvitiya regionov v ramkakh transdistsiplinarnoj regionologii // *Teoriya i praktika regionovedeniya*. Trudy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy regionovedcheskoj konferentsii. SPb.: Nauchno-issledovatel'skij institut obrazovatel'nogo regionovedeniya RGPU im. A. I. Gertsena, 2018. S. 6–14.
8. Maksimov I. A., Mezhevich N. M. Zarubezhnoe regionovedenie: voprosy teorii i informatsionnogo obespecheniya // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*. 2019. № 5. S. 7–14.
9. *Politicheskaya komparativistika*. Pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj. M.: Izd-vo "Aspekt-Press", 2020. 784 s.
10. Simonova M. V. Kadrovое obespechenie regional'nogo razvitiya // *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii*. 2015. T. 4. № 1. S. 21–25.
11. Smirnova G. E. Sravnitel'nyj analiz v sotsiokul'turnom regionovedenii // *Filosofiya i kul'tura*. 2013. № 4 (64). S. 558–564.
12. Sorokina N. YU. Vliyanie strategii regional'nogo razvitiya na priority upravleniya trudovym potentsialom // *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika*. 2009. № 10 (103). S. 59–64.
13. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (data obrashheniya: 15.05.2020).
14. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF. Trudovye resursy*. [Elektronnyj resurs]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (data obrashheniya: 15.05.2020).
15. Khadasevich N. R. Vliyanie kadrovoy politiki organizatsij na regional'nyj trudovoj potentsial // *Vestnik evrazijskoj nauki*. 2014. № 6 (25). S. 41–53.
16. Ehskiev M. A. Rol' i znachenie trudovogo potentsiala v sotsial'no-ehkonomicheskom razvitii regiona // *Finansovaya ehkonomika*. 2019. № 5. S. 853–855.
17. Yanchenko E. V. Trudovye resursy kak faktor ustojchivogo regional'nogo razvitiya // *Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki: integratsionnye protsessy i mekhanizmy formirovaniya i sotsial'no-ehkonomicheskaya politika regiona*. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2018. S. 687–690.
18. 蔡昉, 王美艳. 中国工业重新配置与劳动力流动趋势 // *中国工业经济*. 2009. № 8. 页. 5-11. (TSaj Fan, Van Mehjyan'. Tendentsii promyshlennogo pereraspredeleniya i mobil'nosti rabochej sily v Kitae // *Promyshlennaya ehkonomika Kitaya*. 2009. № 8. S. 5–11).
19. 曹晋文. 我国人力资本与经济增长的实证研究 // *财经问题研究*. 2004. № 9. 页. 9–13. (TSao TSzin'vehn'. EHmpiricheskie issledovaniya chelovecheskogo kapitala i ehkonomicheskogo rosta v Kitae // *Issledovanie problem finansov i ehkonomiki*. 2004. № 9. S. 9–13).
20. 雷丽平, 于钦凯. 中国人力资源开发对区域经济发展的影响及对策研究 // *人口学刊*. 2004. № 4 (146). 页. 21–26. (Lehj Lipin, YUj TSin'kaj. Issledovanie vliyaniya razvitiya chelovecheskikh resursov na regional'noe ehkonomicheskoe razvitie v Kitae i kontrmery // *Demografiya*. 2004. № 4 (146). S. 21–26).
21. 闵芸芝, 周明. 人力资源禀赋对区域经济发展的影响分析 - 以江西为例 // *井冈山大学学报 (社会科学版)*. 2013. № 3 (34). 页. 66–70. (Min' YUN'chzhi, CHzhou Min. Analiz vliyaniya trudovykh resursov na ehkonomicheskoe razvitie regiona na primere provintsii TSzyansi // *ZHurnal universiteta TSzingan'shan'*. Obshhestvennye nauki. 2013. № 3 (34). S. 66–70).

22. 彭朝晖. 人民资本与中国区域经济差异. 长春: 吉林出版集团股份有限公司, 2015. 188 页. (Pehn CHzhaokhuej. Chelovecheskij kapital i disproportsii v regional'noj ehkonomike KNR. CHanchun': Izdatel'skaya gruppa provintsii TSzilin', 2015. 188 s.)
23. 宋寿金. 区域人力资源开发研究. 广州: 广东人民出版社, 2004. 175 页. (Sun SHotszin'. Issledovanie razvitiya trudovykh resursov v regionakh. Guanchzhou: Izdatel'stvo provintsii Guandun, 2004. 175 s.)
24. 王胜今. 东北亚国际经济技术合作中的劳动力资源研究 // 东北亚论坛. 1992. № 1. 页. 73-78. (Van SHEhntszin'. Issledovanie roli trudovykh resursov v mezhdunarodnom ehkonomicheskom i tekhnicheskom sotrudnichestve v Severo-Vostochnoj Azii // Forum Severo-Vostochnoj Azii. 1992. № 1. S. 73-78).
25. 杨胜利, 高向东我国劳动力资源分布与优化配置研究 // 人口学刊. 2013. № 6. 页. 78-85. (YAn SHEhnl, Gao Syandun. Issledovanie optimizatsii razmeshheniya i razmeshheniya trudovykh resursov // Demografiya. 2013. № 6. 页. 78-85).
26. 杨胜利, 高向东. 我国劳动力资源配置水平综合评价与分析-兼论区域差异与经济发展 // 人口学刊. 2015. № 5 (37). 页. 73-84. (YAn SHEhnl, Gao Syandun. Kompleksnaya otsenka i analiz urovnya raspredeleniya trudovykh resursov v Kitae po regional'nym razlichiyam i ehkonomicheskomu razvitiyu // Demografiya. 2015. № 5 (37). S. 73-84).
27. 张绮萍. 人才资源开发与区域经济发展的关系分析 // 价值工程. 2012. № 20. 页. 12-15. (CHzhan TSipin. Analiz vzaimosvyazi mezhdru razvitiem chelovecheskikh resursov i ehkonomicheskim razvitiem regiona // Otsenka stoimosti. 2012. № 20. S. 12-15).
28. 赵宇虹. 人力资本结构与地区经济发展动因分析. 吉林, 2012. 50 页. (CHzhao YU-jkhun. Analiz prichin regional'nogo razvitiya ehkonomiki i struktury chelovecheskogo kapitala. TSzilin', 2012. 50 s.)
29. 中国共产党第十八次全国代表大会 (Zasedanie XVIII s'ezda KPK). [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/351850/index.html>
30. 中国人口科学 (Demografiya). [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.zgrkx.com/> (data obrashheniya: 10.04.2020).
31. 朱翊敏, 钟庆才. 广东省经济增长中人力资本贡献的实证分析 // 中国工业经济. 2002. № 12. 页. 3-38. (CHzhu Imin', CHzhun TSintsaj. EHmpiricheskij analiz vklada chelovecheskogo kapitala v ehkonomicheskiy rost provintsii Guandun // Promyshlennaya ehkonomika Kitaya. 2002. № 12. S. 3-38.)
32. 朱显平. 俄远东的劳动力资源与区域经济合作 // 人口学刊. 1999. № 7. 页. 54-56. (CHzhu Syan'pin. Trudovye resursy i regional'noe ehkonomicheskoe sotrudnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii // Demografiya. 1999. № 7. S. 54-56).

Макеева С. Б. Роль трудовых ресурсов в процессе регионального развития России и Китая: современные практики регионоведческой компаративистики.

В рамках современного направления регионоведческого знания – регионоведческой компаративистики – в сравнительно-сопоставительном аспекте анализируется роль трудовых ресурсов как одного из ключевых элементов в региональном развитии в процессе реализации стратегий пространственного развития РФ и обновленной стратегии скоординированного развития КНР. Выявлены российские и китайские тенденции по высококачественной подготовке, эффективному перераспределению трудовых ресурсов для нужд региональной экономики двух стран. В Китае первоочередными задачами управления трудовыми ресурсами являются участие рабочей силы в техническом прогрессе, модернизации промышленности и экономическом росте регионов Китая, тогда как в России одной из ключевых целей развития региональной системы управления трудовыми ресурсами является эффективная занятость населения и решение проблемы централизации ресурсных потоков, приводящих к усилившейся социально-экономической неравномерности регионов России.

Ключевые слова: *трудовые ресурсы, рынок рабочей силы, человеческий капитал, регионоведческая компаративистика, перераспределение, региональная политика, пространственное развитие, стратегия, китайские и российские регионы, сопоставление*

Makeeva S. B. The role of labor resources in the process of regional development of Russia and China: modern practices of regional studies comparative studies.

In the framework of the modern direction of regional studies knowledge - regional studies comparative studies, the role of labor resources as one of the key elements in regional development in the implementation of spatial development strategies of the Russian Federation and an updated strategy for the coordinated development of China is analyzed in a comparative aspect. Identified Russian and Chinese trends in high-quality training, the effective redistribution of labor resources for the needs of the regional economy of the two countries. In China, the primary tasks of labor management are the prospects for labor participation in technological progress, industrial modernization, and the economic growth of China's regions, while in Russia one of the key objectives of the development of a regional labor management system is effective employment of the population and solving the problem of centralization of resource flows leading to the intensified socio-economic unevenness of the regions of Russia.

Key words: *labor resources, labor market, human capital, regional studies comparative studies, redistribution, regional policy, spatial development, strategy, Chinese and Russian regions, comparison*

Для цитирования: Макеева С. Б. Роль трудовых ресурсов в процессе регионального развития России и Китая: современные практики регионоведческой компаративистики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 108–119. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/108-119

For citation: Makeeva S. B. The role of labor resources in the process of regional development of Russia and China: modern practices of regional studies comparative studies // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 108–119. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/108-119

Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края

Миграционные исследования уже достаточно давно занимают одну из лидирующих позиций в общественном сознании. Однако основной интерес для исследователей данной проблемы (от экономистов до антропологов) представляет международная миграция [См. 18; 19 и др.]. Сходная картина наблюдается и в отечественных штудиях, посвященных миграции. Внутренняя миграция остается несколько в "тени" [14]. Отчасти это связано с тем, что сам миграционный потенциал страны в рамках "западного тренда" (перемещения населения с востока на запад) оказывается, как показал Н. Мкртчян, близок к исчерпанию [9].

Однако заявленный с самых высоких трибун "поворот на восток", установка на изменение миграционного тренда с "западного" на "восточный" становится толчком для разработки новых миграционных программ. Соответственно, проводятся новые исследования внутренней миграции, актуализируются классические работы в области миграционных штудий (Ж. Зайончковской, В. Мукомеля, С. Рязанцева, Л. Рыбаковского и пр.).

Тем не менее при разработке региональных программ далеко не всегда учитывается то, что восточная часть страны состоит из достаточно различных территорий, каждая из которых обладает собственной демографической, в том числе миграционной, динамикой. В данной статье мы стремимся подтвердить гипотезу существования регионов, где статистический миграционный отток не ведет к появлению "пустых мест" и не является маркером кризисного состояния, а отражает естественные процессы, протекающие тут постоянно.

В этом смысле нам особенно интересен кейс региональной миграции в Хабаровском крае. Основным эмпирическим материалом выступают статистические данные о движении населения за период с 20-х гг. XX в. по настоящее время. При этом учитывается тот факт, что административные границы территории многократно изменялись. В своей работе мы ориентируемся на административные границы, сложившиеся к 1991-м г. Опираясь на статистические архивные и современные источники, мы постараемся выявить и описать социальные процессы, объясняющие те или иные отклонения от общей динамики и верифицировать полученные данные качественными методами социологического исследования. Здесь эмпирическим материалом выступили 16 полуструктуризованных биографических интервью. 12 интервью с респондентами, проживающими и проживавшими в различных районах края с 1970–1980-х гг., а также 4 респондента членов семей, живущих на территории Хабаровского края с 1930-х гг. Среди респондентов есть представители различных профессий: бывшие военные, рабочие советских строек, трудящиеся на предприятиях местной промышленности, железнодорожники и бывшие представители администрации края.

Для начала следует разобраться с текущей демографической ситуацией. Мы ориентировались на данные советского и постсоветского периода. Дело в том, что сложившийся в конце XIX – начале XX вв. в регионе уникальный социум [3] за годы гражданской войны и грандиозного крестьянского восстания в 1925/26 гг. оказался в значительной степени разрушенным. Оставшаяся часть его была настроена к советской власти предельно нелояльно. В ре-

© Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е., 2020

КОВАЛЕВСКИЙ Андрей Владимирович, аспирант Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: fakzy79@gmail.com

БЛЯХЕР Леонид Ефимович, д-р филос. наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: leonid743342@mail.ru

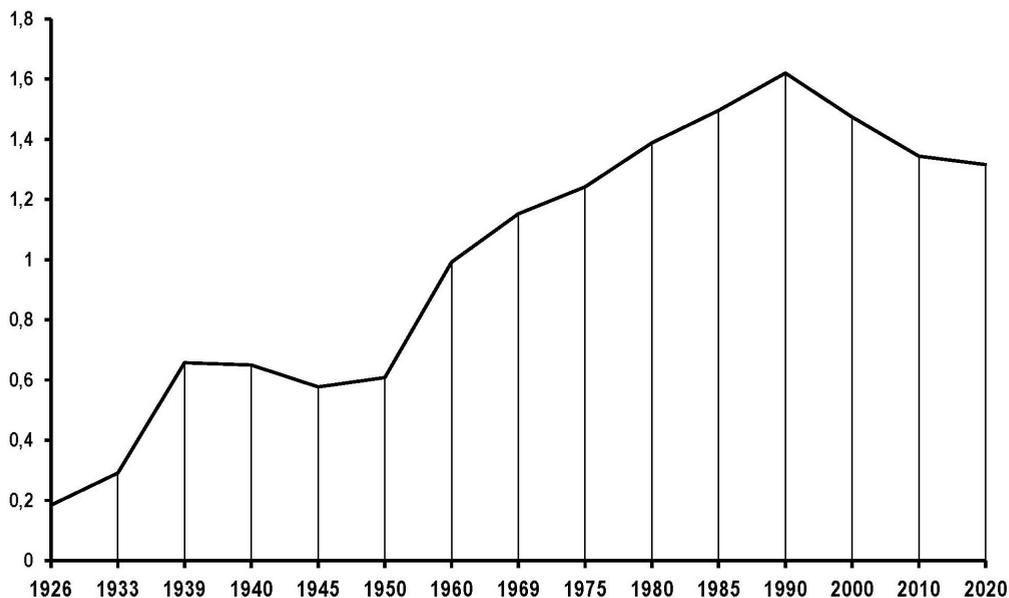

Рис. 1. Численность населения Хабаровского края (в млн. чел.) [4; 5; 6; 7; 13; 16].

зультате возникает установка на формирование качественно иного социума, отчасти на иной территории. В "Дальний Восток" (Дальневосточный край) были включены Якутия, Колыма и Чукотка, принципиально различающиеся по типу хозяйствования. А в отношении самого региона была принята установка на его военное развитие [15]. Формируется гигантский Дальневосточный военный округ, в регион передислоцируются военные части, строятся военные городки. Необходимость обеспечения этой военной машины приводит чуть позже и к возрастанию численности гражданского населения. Попробуем проследить этот процесс.

На рис. 1 отражена динамика численного состава населения края с 1926 г. Весь охваченный на графике период мы разбиваем на четыре временных отрезка выделенных на основании изменения тренда в динамике численности населения:

- Довоенный этап с 1926 г. по 1939 г.: стремительный рост населения вплоть до 40-го года.
- Военный этап с 1939 г. по 1945 г.: некоторое снижение численности населения, впрочем, намного меньшее, чем в "западной" части страны.
- Этап послевоенного роста с 1945 по 1990 г.: масштабный рост населения вплоть до 90-го года.
- Постсоветский этап с 1990 г. по 2020 г.: медленное снижение.

Не считая военного времени, вплоть до 1990 г. общая тенденция указывает на уверенный рост населения. Этот процесс в целом сопровождается мощной государственной поддержкой, работающей на механический прирост населения.

Первыми жителями региона становились военнослужащие, которых необходимо было обеспечивать продовольствием и вооружением. Обеспечение продовольствием происходило по созданным еще в предшествующий период инфраструктурным артериям – железнодорожной (Транссиб) и водной. Обеспечение же военных вооружением и его обслуживанием занимались на месте.

Ряд исследований, изучающих историю региона, говорят о невозможности образования на территории Хабаровского края естественных крупных поселений, что в первую очередь объясняется природно-климатическим и географическим (удаленность) факторами [8]. В такой ситуации можно сделать вывод о географической искусственности поселений края. В самом деле, без

изначальной готовности государства тратить деньги и ресурсы на оборону, исходя только из экономической целесообразности, в отдаленном регионе со слабо развитой транспортной инфраструктурой, необходимостью завозить все – от горючего и станков до одежды и продуктов питания, большие города просто не сформировались бы [1].

Однако, с другой стороны, расположение в регионе воинских частей и предприятий военно-промышленного комплекса, обеспечивающее устойчивый сбыт производимой здесь продукции, и необходимость размещения гражданского рабочего населения побудили бурный механический прирост населения.

Следуя архивным данным (ГАХК. Ф. Р928.)¹ и многочисленным историко-социологическим исследованиям о развитии Хабаровского края и Дальнего Востока [12] в довоенное время, мы можем выделить основные группы населения:

- военное население – общая доля в разных регионах и отдельных поселениях часто сильно изменялась вследствие мобилизационных военных мероприятий, связанных со стратегическими задачами командования;
- сезонные рабочие – доля этой группы также характеризуется своей неоднородностью, т.к. основной массив группы распределялся по стройкам различного значения по всему Дальнему Востоку;
- зарубежные мигранты – массовая доля группы зарубежных мигрантов существенно снизилась после Русско-японской войны, однако китайское население часто привлекалось для строительных работ в разных поселениях (например г. Хабаровск (ГАХК. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 1.);
- гражданское население – в большей степени представлено рабочими промышленных предприятий края и административными кадрами.

В условиях, когда основной устойчивый численный состав края формировался механическим способом и состоял из военного либо рабочего населения преимущественно мужского пола, доля естественного прироста в крае всегда была крайне малой.

Кроме того, большое количество сезонных работников и перемещаемого военного населения создали в крае эффект проточного сообщества [2], когда основной численный состав края постоянно трансформируется за счет высоких показателей механического притока и оттока населения. В качестве примера можно привести масштабное исследование, проводимое организацией ГИПРОГОР в 1936 г. в г. Хабаровск. Данные этого исследования говорят о том, что отношение прибывших и выбывших за год к общему числу населения в Хабаровске составляет 59%, в 1930 г. при среднегодовом населении 71300 человек прибыло и убыло 52564, что дает 74 % к общему числу населения (ГАХК. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 2.).

Рост населения в довоенное время достигается исключительно за счет механического прироста, который в данном случае является вполне логичным и единственно возможным способом приращения численности региона. Одна из респондентов, женщина 32 года, член семьи, прожившей в Хабаровском крае с 1930-х гг.: "Мой прадед раньше часто рассказывал о времени, когда они приехали на Дальний Восток, с ними на улице жили люди со всего союза: украинцы, белорусы, москвичи, уральцы, они вместе работали тут на строительстве чего-то, то ли дома какие-то, то ли склады, не помню. Он часто шутил, что у них было почти как в песне: на 10 девчонок по статистике 40 ребят". В этих условиях естественное воспроизводство населения по понятным причинам было крайне незначительно в сравнении с механическим воспроизводством (за счет миграции). Следовательно, начиная с первого этапа заселения территорий Хабаровского края, миграционные потоки стали естественной для региона формой организации и движения населения.

Некоторое снижение численности населения в военное время объясняется, прежде всего, вызовами времени, когда стране требовалась мобилизация всех доступных ресурсов регионов для обороны. В этой ситуации сокращаются (но не исчезают) входящие миграционные потоки. Отток же стабильно сохраняется. По сути, это становится основным механизмом формирования населения на территории. Поддержание численности населения и его роста

¹ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

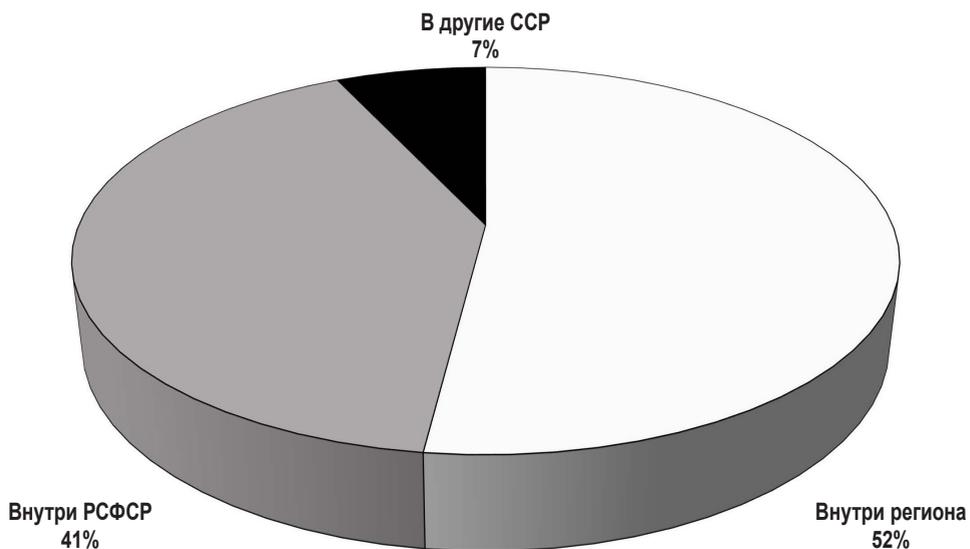

Рис. 2. Распределение миграционных потоков Хабаровского края с 1945 по 1990 гг.
Источник: (ГАХК. Ф. Р-928).

естественными способами по банальным причинам: нехватки женского населения и мобилизации большинства имеющихся сил на повышение производительности военно-промышленного комплекса – оказывается невозможным.

В послевоенное время рост населения края возобновляется (хотя рост всё ещё немного замедлен в восстановительный послевоенный период). Сценарий развития городов на Дальнем Востоке и конкретно в Хабаровском крае остаётся преимущественно однонаправленным. Создаются индустриальные объекты двух типов. Первые и основные – предприятия ВПК, ориентированные на нужды ДВО. Вторые – ориентированные на нужды местного населения (питание, одежда, строительство и др.).

Следуя тезисам доклада В. С. Матускевича на всесоюзной конференции по размещению производственных сил "Пути индустриализации ДВК во втором пятилетии": "В течении второго пятилетия минимум удвоить население ДВК... Решение этой проблемы, как и ряда других, возможно только на путях энергичной и последовательно проводимой широкой индустриализации Края, которая в свою очередь, немыслима без решительной постановки целого комплекса энергетических, металлургических, машиностроительных, транспортных и сырьевых проблем" (ГАХК. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 12.).

Советская индустриализация захватывает регион и темпы промышленного роста в совокупности с темпом роста населения (заводы привлекают на территорию рабочих, которые в свою очередь нуждаются в жилье, а следовательно, привлекаются строители и т.д.). Постепенно возникают вуз и отраслевые КБ и НИИ. Несколько позже ДВО АН СССР. Последнее тоже создается с помощью десанта из крупных научных центров страны. Определенное развитие получают традиционные хозяйственные отрасли региона (горнорудный комплекс, рыбная и лесная отрасли). В период 70-х гг. интенсифицируется железнодорожное строительство. Соответственно, увеличивается численность представителей этих профессий. Население территории становится более разнообразным. Его связь с ДВО уже не столь очевидна. Однако, если присмотреться чуть внимательнее на структуру занятости, то значительная часть населения, как и прежде, продолжает работать на ВПК.

Ряд проведенных интервью включал в себя описание именно этого времени. Так, один из респондентов, женщина 72 года, учитель местной школы, рассказывает: "Когда я с мужем переехала в край, я совсем недавно отучилась педагогом, муж был инженером на заводе, зарплату уже хорошую получал, а тут нам предложили на Дальний Восток, тут и деньги другие и квартиру обещали, ну мы и поехали. Мне-то какая разница, где детей учить, им везде

в школу надо...". Другой респондент мужчина 78 лет, бывший работник железной дороги вспоминает: "Да нас в общем и не спрашивали чего да куда, сказали, работа есть, денег заплатят, а там как знаешь, хочешь возвращайся, а хочешь там оставайся, ну я вот и остался, природа красивая, город неплохой, да и люди добрые, они же все как мы были, понаехавшие можно сказать. У меня друг по молодости был, музыкантом работал в городе, его, как он говорил, прямо из консерватории сюда и отправили, квартиру дали, деньги хорошие получал...".

В такой ситуации мы говорим о росте гражданского рабочего населения, административных кадров, а также о привлечении в уже сформированные региональные центры преподавателей, высококвалифицированных инженеров, музыкантов, художников и т.д. Рост потребности на подобные кадры легко отслеживается по планам развития поселений (Пояснительная записка к генеральному плану г. Хабаровск (ГАХК. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 30.) и по отчетам о выполнении этих планов (Ежегодные отчеты инспекции Госархстройконтроля (ГАХК Ф. Р-1743. Оп. 2.).

Общие данные о региональной миграции и ее характере по Дальнему Востоку и Хабаровскому краю, в частности, за период до 1990 г. в работах Е. Л. Мотрич [11] говорят о схожести с более ранними сценариями. Миграция составляет основную часть в динамике изменения численности населения.

Один из респондентов, мужчина 30 лет, сын военного, проходившего службу в 1980-х гг. на территории Хабаровского края, рассказывает: "Отца сюда перераспределили в 80-х, он тогда со всей семьей и переехал, жили тут какое-то время, а потом их отсюда за запад отправили. Я толком не знаю всех подробностей, но у знакомых родителей много тех, кто на Дальнем Востоке по службе жили какое-то время". Статистически большие показатели механического прироста и убыли в сумме с отрывками из интервью свидетельствуют о малом числе остающихся в регионе. Основная масса прибывающих приезжали для выполнения определенных задач: учеба, сезонная работа, военная служба и пр., после чего выбывают обратно.

Весомую долю в миграционных потоках составляет внутрорегиональная миграция. Подобная ситуация достигается созданием в крупных региональных центрах учебных заведений, подготавливающих необходимые для края и Дальнего Востока кадры. Из общего числа респондентов 14 человек в интервью затрагивали историю с переездом в другой город на учебу, работу или военную службу. Таким образом, студенческие потоки, потоки сезонных рабочих и военные части создают высокую региональную проточность, тем самым еще более увеличивая миграционную статистику и снижая показатели времени проживания в поселениях региона.

Насыщение миграционными потоками региона происходит вплоть до начала 1990-х гг, когда происходит падение численности населения края. Похожая динамика характерна для всего Дальнего Востока за этот же временной интервал в принципе, а значит, она отражает общие трансформации внутри страны. Вместе с тем и здесь есть специфика. Снижение численности населения Дальнего Востока в целом шло несколько более стремительно, чем в Хабаровском крае. Особенно интенсивно сокращалось население северных территорий, откуда значительный поток шел в южном направлении, в том числе в Хабаровский край.

Опираясь на статистические данные, приводимые в исследовании Е. Мотрич "Демографическая ситуация в Хабаровском крае" [10] с 1991 г. по 2019 г. вместе с общим падением населения края в большей степени падает именно городское население (падение около 17%), при относительно стабильном положении в сельской местности. Подобная ситуация в совокупности с устойчивой численностью столицы края – г. Хабаровска (население города даже немного увеличилось с 1990 г.), говорит о высвобождении только определенных групп населения, а не о стагнации края в целом.

Миграционные процессы на сегодняшний день, как это и было на протяжении всей истории региона, являются основными в контексте демографического анализа региона. Показатели по "прибывшим" и "выбывшим" в результате миграции превышают показатели естественного прироста по позициям "родившихся" и "умерших" в 3,5 и 3,4 раза соответственно [17].

Интервью позволяют конкретизировать социальный состав "уезжающих" в этот период. Здесь мы практически все время сталкивались с формулировкой вида "военные ушли, а вслед за ними и деньги". Действительно, заточенность большинства крупных предприятий края на военно-промышленный комплекс и невозможность их полноценной трансформации привели в период с 1990-х гг. к их стагнации и экономической ликвидации путем реализации различных сценариев. Стагнируют и исчезают предприятия, возникшие вокруг больших заводов или воинских частей (городков), обслуживающие их работников. Конечно, это не все представители "уезжающих". Судя по интервью, довольно активно шел отъезд партийных и хозяйственных руководителей, работников искусства, науки и образования, некоторых других категорий. Однако численно преобладали именно эти группы.

Ситуация с внутрирегиональной (дальневосточной) миграцией осталась тем не менее на прежнем уровне, студенты и сезонные рабочие продолжают перемещаться внутри региона, формируя миграционный приток и отток. В общем, число выбывающих с территории и их социальные портреты не сильно изменились по сравнению с предыдущими периодами, значительно уменьшился приток, не позволяющий в настоящее время полностью компенсировать существовавший отток населения. Вместе с тем ситуация отнюдь не выглядит катастрофической.

В крае действительно присутствует большой отток населения, согласно данным за 2018 г., из Хабаровского края уехало свыше 58 тысяч человек, что в процентном соотношении к населению края составляет около 4 %. Однако данные по графе "прибывшие" говорят о притоке свыше 53 тысяч человек [17]. Можно сделать вывод, что фактор оттока населения из края не является столь фатальным, как это принято считать на уровне региона. За один год происходит обновление порядка 4% от всего населения края. Подобная ситуация говорит о наращивании темпов трансформации поселений, когда выбывающее население заменяется новым, продолжающим ведение разнонаправленной деятельности в условиях прояснения новой специализации городов.

Таким образом, миграция в крае является естественной формой движения населения и образования территориальных сообществ, а текущая ситуация является новым (очередным) этапом, свидетельствующим о переопределении поселений края. Более того, идея "обезлюдивания" региона с учетом изложенного выше представляется избыточно сильным утверждением. Пространство с учетом условий просто "сбрасывает" лишнее население.

Литература

1. Безруков Л. А. Стратегия разворота России на восток в контексте транспортно-географических ограничений Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. "Политология. Религиоведение". 2016. Т. 15. С. 53–61.
2. Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.
3. Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Зомия на Амуре, или государственный порядок против порядка вне государства // Политика, 2018. № 1. С. 148–172.
4. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения 16.08.2020).
5. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям и областям. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php (дата обращения 16.08.2020).
6. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность наличного населения РСФСР, автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских поселений, сел-райцентров и сельских поселений с населением свыше 5000 человек. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php (дата обращения 16.08.2020).
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. Электронный источник: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 16.08.2020).

8. Горбачев В. Т., Крадин Н. Н., Крадин Н. П., Крушлинский В. И., Степанская Т. М., Царёв В. И. Градостроительство Сибири. ИД "Коло". С.-Пб. 2011. 784 с.
9. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее // Россия перед лицом демографических вызовов. 2008. М.: UNDP, 2009. С. 80–96.
10. Мотрич Е. Л. Демографическая ситуация в Хабаровском крае: проблемы и перспективы. *Народонаселение* № 3, 2019. С. 30–46.
11. Мотрич Е. Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа. // *Региональные проблемы* 2015. Т. 18. № 3. С. 6–14.
12. Рыбаковский Л. Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет (монография). М.: Наука, 1969. 180 с.
13. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.
14. Рязанцев С. В. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: экономико-социологическое исследование. С. В. Рязанцев, Хорие Норико; Ин-т социально-политических исследований РАН, Центр социальной демографии и экономической социологии. М.: Науч. мир, 2011. 191 с.
15. Ткачева Г. А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в 30–40-е гг. XX в: основные теоретические подходы // *Тихоокеанская Россия в междисциплинарном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее* (Седьмые Крушановские чтения, 2011). Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 415–423.
16. Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. [Электронный ресурс]. URL: http://habstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/hab_stat/population/ (дата обращения 16.08.2020).
17. Управление федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <https://habstat.gks.ru/> (дата обращения 16.08.2020).
18. Miller, D. Climate Refugees and the Human Cost of Global Climate Change // *Environmental Justice*. 2017. № 10(4). P. 89–92.
19. Mole, R. Sexualities and queer migration research // *Sexualities*. 2018. № 21(8), P. 1268–1270.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Bezrukov L. A. Strategiya razvorota Rossii na vostok v kontekste transportno-geograficheskikh ogranichenij Sibiri // *Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. "Politologiya. Religiovedenie"*. 2016. Т. 15. S. 53–61.
2. Blyakher L. E. *Iskusstvo nepravlyajemoj zhizni. Dal'nij Vostok*. М.: Европа, 2014. 208 s.
3. Blyakher L. E., Blyakher M. L. Zomiya na Amure, ili gosudarstvennyj poryadok protiv poryadka vne gosudarstva // *Politiya*, 2018. № 1. S. 148–172.
4. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. CHislennost' nalichnogo naseleniya gorodov i drugikh poselenij, rajonov, rajonnykh tsentrov i krupnykh sel'skikh naselennykh mest na 15 yanvarya 1959 goda po respublikam, krayam i oblastyam RSFSR. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения 16.08.2020).
5. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1970 g. CHislennost' nalichnogo naseleniya gorodov, poselkov gorodskogo tipa, rajonov i rajonnykh tsentrov SSSR po dannym perepisi na 15 yanvarya 1970 goda po respublikam, krayam i oblastyam. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php (дата обращения 16.08.2020).
6. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1979 g. CHislennost' nalichnogo naseleniya RSFSR, avtonomnykh respublik, avtonomnykh oblastej i okrugov, kraev, oblastej, rajonov, gorodskikh poselenij, sel'rajtsentrov i sel'skikh poselenij s naseleniem svyshe 5000 chelovek. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php (дата обращения 16.08.2020).
7. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. CHislennost' naseleniya SSSR, RSFSR i ee territorial'nykh edinitov po polu. Электронный источник: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 16.08.2020).
8. Gorbachev V. T., Kradin N. N., Kradin N. P., Krushlinskij V. I., Stepan-skaya T. M., TSaryov V. I. *Градостроител'ство Сибири. ИД "Коло"*. С.-Пб. 2011. 784 с.
9. Mkrтчян Н. В. *Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее* // Россия перед лицом демографических вызовов. 2008. М.: UNDP, 2009. С. 80–96.
10. Motrich E. L. *Демографическая ситуация в Хабаровском крае: проблемы и перспективы*. *Народонаселение* № 3, 2019. С. 30–46.
11. Motrich E. L. *Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа*. // *Региональные проблемы* 2015. Т. 18. № 3. С. 6–14.
12. Rybakovskij L. L. *Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет (монография)*. М.: Наука, 1969. 180 с.

13. Rybakovskij L. L. Naselenie Dal'nego Vostoka za 150 let. M.: Nauka, 1990. 138 s.
14. Ryazantsev S. V. Modelirovanie potokov trudovoj migratsii iz stran TSENtral'noj Azii v Rossiju: ehkonomiko-sotsiologicheskoe issledovanie. S. V. Ryazantsev, KHorie Norio; In-t sotsial'no-politicheskikh issledovanij RAN, TSENtr sotsial'noj demografii i ehkonomicheskoy sotsiologii. M.: Nauch. mir, 2011. 191 s.
15. Tkacheva G. A. Obornnyj potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 30–40-e gg. XX v: osnovnye teoreticheskie podkhody //Tikhookeanskaya Rossiya v mezhsivilizatsionnom i obshherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashhee, budushhee (Sed'mye Krushanovskie chteniya, 2011). Vladivostok: Dal'nauka, 2013. S. 415–423.
16. Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Khabarovskomu krayu. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://habstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/hab_stat/population/ (data obrashheniya 16.08.2020).
17. Upravlenie federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Khabarovskomu krayu. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://habstat.gks.ru/> (data obrashheniya 16.08.2020).
18. Miller, D. Climate Refugees and the Human Cost of Global Climate Change // Environmental Justice. 2017. № 10(4). P. 89–92.
19. Mole, R. Sexualities and queer migration research // Sexualities. 2018. № 21(8), P. 1268–1270.

Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края.

Тема миграции в научном дискурсе не является новой. Существует множество работ, описывающих те или иные сценарии релевантные для исследований в крупных зарубежных городах или поселениях европейской части России. Такое положение дел ведет к укреплению представлений о существовании макро-сообщества, функционирующего по единой логике для ряда поселений и регионов. Но применение общепринятых правил кажется не релевантным для городов, сформированных иначе. Примером подобных поселений выступают дальневосточные города. Данное исследование направленно на изучение особенностей миграционных процессов в Хабаровском крае, прежде всего, в городе Хабаровске. Мы стремимся показать, что миграция выступает здесь условием существования сообщества, предопределяющим сам тип хозяйственной деятельности. В то же время преобладание "оттока" в последние годы связано не с кризисом или социально-экономическими просчетами, а с приведением численности населения в соответствие с потребностями территории.

Ключевые слова: *миграция, регион, Дальний Восток, Хабаровск, динамика, входящие и исходящие потоки*

Kovalevskij A. V., Blyakher L. E. Far Eastern migration: peculiarities of the interpretation. Example of the Khabarovsk Territory case.

The topic of migration in scientific discourse is not new. There are many works describing certain scenarios that are relevant for research in large foreign cities or settlements in the European part of Russia. This situation leads to the strengthening of ideas about the existence of a macro-community, which functions according to a single logic for a number of settlements and regions. But the application of generally accepted rules seems irrelevant for cities formed differently. Far Eastern cities are an example of such settlements. This study is aimed at studying the features of migration processes in the Khabarovsk Territory, primarily in the city of Khabarovsk. We strive to show that migration is here a condition for the existence of a community that predetermines the very type of economic activity. At the same time, the prevalence of "outflow" in recent years is associated not with the crisis or socio-economic miscalculations, but with bringing the population in line with the needs of the territory.

Key words: *migration, region, Far East, Khabarovsk, dynamics, incoming and outgoing flows*

Для цитирования: Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 120–127. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/120-127

For citation: Kovalevskij A. V., Blyakher L. E. Far Eastern migration: peculiarities of the interpretation. Example of the Khabarovsk Territory case // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 120–127. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/120-127

Китайские исследователи о философско-культурном обосновании концепции Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества"

На XVIII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 2012 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвигает стратегически важное предложение народам мира – концепцию "Сообщества единой судьбы человечества" (СЕСЧ, 人类命运共同体). Эта концепция является одним из ключевых элементов современной китайской дипломатической стратегии, направленной на полную реализацию "китайской мечты" и великого возрождения китайской нации [7, с. 37–39; 31, с. 399; 32, с. 344–346]. СЕСЧ основана на традиционной культуре Китая и является основной дипломатической философией, отражающей фундаментальные общечеловеческие ценности. По мнению китайских учёных, она также является неотъемлемой частью философско-культурного наследия Поднебесной и важным вкладом в творческое развитие марксистской теории в XXI в. [16; 22; 24].

Концепция СЕСЧ впервые закрепляет отношения Китая с другими суверенными государствами в "Белой книге Китая по мирному развитию" в сентябре 2011 г. и в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде Коммунистической партии Китая в ноябре 2012 г. В октябре 2013 г. Си Цзиньпин объявляет о воплощении целей развития соседних стран и "чувстве общей судьбы" [2, с. 57].

Концептуальное понимание "Сообщества единой судьбы человечества" представлено в докладе XIX съезду КПК в 2017 г. Цель СЕСЧ заключается в продвижении Китаем собственной стратегии глобального управления и мировой экономики, представляя другим странам и культурам антитезу "американской мечты", колониализма, баланса сил, концепции реализма. В задачи реализации СЕСЧ включены воплощение открытого, инновационного и инклюзивного развития, которое принесет пользу всем странам и народам; стимулирование межкультурных и межцивилизационных обменов и взаимного обучения; улучшение экокультуры, основанной на уважении к природе и зеленому развитию [20; 23].

В 2015 г. в своем выступлении на 70-й Генассамблее ООН Си Цзиньпин предлагает сформировать глобальное партнерство нового типа на принципах равенства и взаимного уважения. Он предлагает реализовать концепцию СЕСЧ в качестве лучшей модели глобального управления в пяти направлениях: политика, безопасность, развитие (экономическое, социальное, технологическое и т.д.), культура и экологическая среда [19].

Эти пять направлений – ценности "Сообщества единой судьбы человечества", которые представляют собой философский и политический фундамент СЕСЧ. Они опираются на идеи "гармоничного мировоззрения" или "гармоничного взгляда на мир" ("和谐世界观"), который отражает совместный с мировым сообществом поиск ценностей. Идея построения "гармоничного мира" ("和谐世界") состоит из пяти элементов, гармонизирующих пространство и время (五位一体). Первый элемент – политический – обеспечивает действие многомерной системы международных отношений, в которой взаимодействуют акторы, крупные центры силы и остальные субъекты на основе многосторонних механизмов с целью выполнения глобальных задач. Вторая составляющая – экономический баланс – выступает гарантом совместного развития в экономической сфере на основе мирного политического диалога и развития

развивающихся государств – это задача общих интересов человечества. Третий аспект – культурное многообразие, которое включает силу человеческого мышления для взаимного обмена и взаимного дополнения культур, что способствует взаимопониманию. Четвертое направление – поддержание диалога и сотрудничества в области совместной безопасности. Только если обеспечить безопасность другим государствам, возможно гарантировать безопасность себе. Прежняя система безопасности функционирует на основе альянсов устрашения времен "холодной войны", что неприемлемо. Заключительный, пятый вектор означает экологическое, устойчивое развитие окружающей среды [25, с. 637].

На XIX съезде КПК "Содействие созданию "Сообщества единой судьбы человечества" включено в Устав Коммунистической партии Китая, а затем в 2018 г. в Конституцию Китайской Народной Республики. С этого периода начинается реализация "Сообщества единой судьбы человечества" уже не как метафизического плана, а долгосрочной философской и политической стратегии. В последующие годы Си Цзиньпин на международных мероприятиях подчеркивает важное значение СЕСЧ для политического, социально-экономического и культурного развития Китая и всего мира в целом. Китайская концепция СЕСЧ находит активную поддержку и доверие в некоторых европейских странах, на Африканском континенте, в Азии, прежде всего среди ближайших соседей в АТР. Основные положения "Сообщества единой судьбы человечества" зафиксированы в документах ООН в 2018 г. [11].

"Китай выступает за создание Сообщества единой судьбы человечества и способствует развитию глобальной системы управления. Китай внёс большой вклад в глобальный мир и развитие", – подчёркивает лидер КНР на XIX съезде КПК [23].

Профессор Су Сяохуэй выделяет причины построения "Сообщества единой судьбы человечества". Предлагая эту идею, Китай призывает к справедливости и международному порядку. Все страны, большие и малые, индустриально развитые и развивающиеся, являются равноправными членами международного сообщества. Они имеют право участвовать в принятии решений, выполнять обязанности на равной основе, они заслуживают большего представительства на международной арене [17]. Профессор Су Сяохуэй считает, что мировые торгово-экономические площадки, такие как Китайская международная выставка импортного ЭКСПО (China International Import Expo) 2018 г., вносят вклад в развитие СЕСЧ, который служит примером борьбы с протекционизмом и инвестирования энергетических ресурсов в глобализацию [17].

В условиях таких вызовов и угроз профессор Юй Суй предлагает содействовать развитию культуры и добродетели, поддерживать целостность и единство экосистемы Земли. Он анализирует причины создания "Сообщества единой судьбы человечества", определяет требования к этому "сообществу" и отвечает на вопрос, будет ли сформировано такое "сообщество"?

Учёный последовательно отвечает на данные вопросы. Во-первых, Юй Суй подчёркивает взаимосвязанность и взаимозависимость всех стран. Таким образом, "Сообщество единой судьбы" является лучшим средством для развития и стимулирования "глобальной деревни". С другой стороны, мир не утратил своего культурного и этнического разнообразия, что проявляется во всех сферах жизни. Это связано также с тем, что Китай признаёт масштаб вызовов, с которыми сталкивается мир, а именно: с неблагоприятным экономическим ростом, расширением разрыва в уровне благосостояния, ростом напряжённости в региональных горячих точках и распространением нетрадиционных угроз безопасности, таких как терроризм, киберпреступность, инфекционные заболевания и изменение климата. В связи с этим человечество должно объединиться для решения этих проблем.

Другая причина построения СЕСЧ заключается в стремлении стран к богатству, силе, социальному прогрессу, экономическому развитию и благосостоянию своего народа. Хотя совместное построение такого "сообщества" представляет собой трудную задачу, государствам будет легче выполнить её, сотрудничая и взаимодействуя. Как отмечает Си Цзиньпин, "мы не должны отказываться от своих мечтаний, потому что реальность вокруг нас слишком

сложна; мы не должны перестать следовать нашим идеалам только потому, что они кажутся нам недоступными" [21].

Юй Суй связывает построение СЕСЧ с механизмом работы ООН как центра мирового порядка, и её успешный опыт, который можно использовать в создании "сообщества единой судьбы человечества" [21].

Учёный определяет социальные факторы в создании СЕСЧ как важнейшие в защите экосистемы, сохранении "зелёного роста" и гармоничном сосуществовании с природой. Они играют серьёзную роль в предотвращении и противостоянии терроризму и войнам [21].

Идейный фундамент СЕСЧ заложен в философской концепции китайской цивилизации "тянься". Он ведёт начало от идеи мира, воспевающей "душевное спокойствие" и "социальную гармонию" ("以和为贵", "协和万邦") к морально-этическим постулатам Конфуция и Лао Цзы "не делайте другим того, чего сами себе не желаете" ("己所不欲, 勿施于人") и "люди между четырьмя морями – братья" ("四海之内皆兄弟") [27].

Эта концепция воплощает марксистское понимание законов общественного развития, значение теории для практического применения и роли фактора противоположности. Это роднит её с конфуцианской идеей "единства в различии" (和而不同) и стратегией "Поднебесной", или "тянься" (天下).

"Тянься" (Чжоу III в. до н.э.) определяет концепцию "политического" как искусства сосуществования путем трансформации враждебности в гостеприимство. В этом прослеживается очевидная альтернатива с классическим марксизмом. Главное, что её отличает от учения Маркса, состоит в том, что концепция СЕСЧ, объединяя весь мир под одной крышей, призвана мирными средствами устранять негативное внешнее влияние, конфликты; защищать экономические и политические интересы стран-участниц "сообщества".

Концепция "тянься" в корне отличается от взглядов немецкого учёного К. Шмитта о политике "нас против них"; взглядов теории политического реализма Г. Моргентау (о международной политике как борьбе за власть) и "Столкновение цивилизаций" С. Хантингтона и др. [12].

Традиционные идеи "Сообщества стран единой судьбы" тесно связаны с такими концепциями, как "гармония – наивысшая ценность" ("和为贵"), "мировое тождество" ("世界大同") и "великое единение в Поднебесной" ("天下大同"). Эту связь подтверждают исследования китайских учёных. Так, профессор Е Цзычэн полагает, что еще династия Тан (618–907 гг.) опирается на такие ценности, как дружба, взаимовыгодное сотрудничество между народами, что считается приоритетом для Поднебесной [18]. Императоры династии Сун (960–1279 гг.) воссоединяют Китай, население удваивается благодаря обширной урбанизации и высокому уровню благосостояния, искусства и образования. Сунское общество опирается на идею "Восемь Добродетелей", в которую включены "сыновнее почитание родителей, любовь младшего брата к старшему, преданность делу, верность обещаниям, ритуал, справедливость, честность и стыд" [29]. Эти добродетели китайцы почитают и считают их консолидирующими общество и в наше время [30].

Эти принципы развиваются в период правления династий Юань (1271–1368 гг.), Мин (1368–1644 гг.), в эпоху Цин (1644–1912 гг.) и распространяются на Северную Корею, Южную Корею и другие страны Восточной Азии [30]. Другими словами, в эти периоды укрепляется идея "общей судьбы" народов внутри Поднебесной и как чувство единства с соседними странами.

Девиз правления одного из императоров династии Мин Чжу Ихая – "великое единение", или "датун" ("大同"). Иероглиф "тун" 同 значит "объединение", "подобие", "тождество", а словосочетание "датун" выражает всеобщую гармонию в "социальном пространстве", т.е. полное согласие. Концепт "великое единение" содержит понятие "Поднебесная принадлежит всем" ("天下为公") [27]. В эпоху Минской империи возрастает численность населения в 3–4 раза; некитайские народы и религиозные меньшинства переходят на китайский язык; носят китайскую одежду; им даются китайские имена; при строительстве храмов следуют традициям китайской архитектуры; увеличивается грамотность населения, книжного знания, иероглифической письменности в целом. Именно эти факторы свидетельствуют о единении народов и разделении ими общей судьбы [1, с. 99–100]. Затем во времена Поздней Цин (1840–1912 гг.) идею "Восемь добродетелей" дополняет Сунь Ятсен и называ-

ет ее "Новыми восемью добродетелями". Это "преданность делу 忠, сыновнее почитание 孝, милосердие 仁, любовь 爱, вера 信, справедливость 义, гармония 和 и мир 平" [29; 30].

XIX и XX вв. оказываются для Китая серьезными социально-экономическими потрясениями (колониальные войны, две революции, японская агрессия, режим Мао Цзэдуна), однако традиционная культура укрепляется и существует, подтверждая жизнеспособность идей "тянься" и "Поднебесная принадлежит всем" [6]. Сегодня эти непреходящие ценности нашли воплощение в реализации концепции "сообщество единой судьбы", которая представляет собой логичный и здоровый путь Китая как ответственной великой державы за глобальное развитие [2, с. 58].

Профессор Цзы Ян считает, что в рамках СЕСЧ китайское руководство во главе с Си Цзиньпином проводит новую кампанию по открытию и внедрению традиционной китайской культуры во внешнеполитическое управление страной. Си Цзиньпин заинтересован в том, чтобы "выдающаяся традиционная культура Китая" (中华优秀传统文化) способствовала борьбе против агрессивных социальных пороков и влияния иностранных культур [22]. Можно допустить, в Китае происходит то, что британский теоретик национализма Дж. Хатчинсон называет культурным национализмом сообщества, участвующего в формировании нации и поддерживающего ее самобытность. По его мнению, история и культура такого сообщества обладают уникальным самобытным характером, присущим интеллектуалам, интеллигенции, которые "морально обновляют" страну [14, р. 398, 402].

По мнению Цзы Яна, одним из главных факторов возрождения традиционной политической культуры является "духовная пустота", которую необходимо заполнить конфуцианством как современной формой образовательной модели [22].

Целью реализации традиционной политической культуры является курс на повышение культурной осведомленности общества, обеспечение его культурной безопасности, укрепление "мягкой силы" Китая и модернизация национального управления. Политическое руководство определяет традиционное культурное образование среди молодежи "выдающимися" элементом традиционной культуры (优秀). Однако маловероятно, что Китай действительно сможет добиться культурного возрождения, основанного на принципе "Пусть цветут сто цветов, пусть соревнуются сто школ" (百家争鸣), считает профессор Цзы Ян. Такое недоверие Цзя Яна связано с проведением кампании "Воспевать красное и бить черных" ("唱红打黑") известного политика, неомарксиста Бо Силая¹. Он ратует за возвращение к политике Мао Цзэдуна 唱红 ("красной культуры") и борьбу с преступными формированиями 打黑. Цзя Ян полагает, что политика возрождения традиционной культуры Си Цзиньпина не подразумевает пренебрежительное отношение к традициям, в отличие от культурной политики Мао Цзэдуна. С другой стороны, уважение к традициям привлекает широкий круг китайских консерваторов, а не только крайне левых. По этой причине возрождение китайской нации с опорой на принципы Мао Цзэдуна – сложновыполнимая задача. Тем не менее это способствует возрождению дискуссии о культуре в современном Китае [22].

Цзы Ян называет Си Цзиньпина "неотрадиционалистом"², заимствовавшим некоторым образом стиль государственного управления Мао Цзэдуна [22]. Но в отличие от Великого кормчего председатель Си Цзиньпин предлагает свой взгляд на марксизм в новую эпоху, который сочетает теорию и

¹ Бо Силай – член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 17-го созыва (2007–2012 гг.), секретарь партийного комитета и мэр города Чунцин (2007–2012 гг.). Накануне XVIII съезда КПК в сентябре 2012 г. Бо Силай исключён из КПК, в октябре 2012 г. – из состава Всекитайского собрания народных представителей по обвинению в коррупции, превышении служебных полномочий и других преступлениях. Бо Силай считается конкурентом Си Цзиньпина и вероятным кандидатом на продвижение к партийным элитам ПК Политбюро XVIII съезда КПК в 2012 году.

² В политике неотрадиционализм означает "тщательно обдуманное возрождение и обновление прежней традиционной культуры, практики и институтов для применения в новом политическом контексте и стратегиях. См.: ENCYCLOPÆDIA BRITANNICA. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/neotraditionalism> (дата обращения: 17.07.2020)

практику в развитии традиционной политической культуры [15, р. 3–4]. Си Цзиньпин называет её "душой нации" (灵魂) [22].

Ценности экономической теории Маркса продолжают играть значительную роль в прогрессе науки в Китае в XXI в. [3, с. 189]. Согласно теории марксизма, люди живут в мире, где всё взаимосвязано и ничто не изолировано. Прогресс связывает население планеты. Китайские теоретики считают, что СЕСЧ – сложная концепция, выдвинутая Си Цзиньпином после анализа трёх элементов отношений между целым и частями реального мира. Это отношения мира и человечества; отношения между странами всего мира и отношения правительства и населения. Земля – это целое, и человек, как часть целого, существует в этой системе, все страны взаимосвязаны и образуют единство.

Среда обитания человека является той частью духовного и материального пространства, в котором складываются духовные и материальные отношения. Си Цзиньпин в книге "О государственном управлении" пишет, что земля является домом для всех людей, и у людей нет другого выбора, кроме как дорожить им, соблюдать экологическую безопасность. Человечество должно нести ответственность не только за себя, но и за следующее поколение [7, с. 565–571, 750–751]. Люди не могут наносить ущерб окружающей среде ради своих собственных интересов, и им нужно научиться сосуществовать с окружающей средой.

Отметим, что китайская цивилизация на протяжении почти пяти тысяч лет следует и продвигает гармоничное мышление о мире, согласии, гармонии и примирении. Китайская традиционная культура – это "духовный дом и материальное богатство". Для сохранения устойчивого развития китайская цивилизация опирается на идеи "гармоничного мира", "согласия и примирения". Они являются неотъемлемой частью этнопсихологического поля и национального менталитета китайского этноса. Обладание культурой для китайской цивилизации значит обладание способами управления и регулирования сакральным пространством, считает профессор Чэнь Чжаохэ [9, р. 718].

В период с VIII–III–II вв. до н.э. в культуре Древнего Китая представлены идеи о взаимосвязи природы и человека, обусловленной волей Неба. Позднее в конфуцианстве, даосизме и буддизме отражена философская идея "единства между небом и человеком". Она определяет внутреннюю ценность и духовную сущность традиционной китайской культуры. Согласно этой идее, "вселенная – это единство жизненного цикла, всё живое между небом и землёй приходит в движение от взаимодействия силы и мягкости. Жизнь и смерть в своём повторении определяют жизненный цикл человека. Всё живое, его свойства и качества взаимосвязаны, взаимодействуют и направлены к идеальному состоянию бессмертия, состраданию и вечности. Другими словами, в духовной культуре Китая проявляется образ единства небесного и человеческого и происходит гуманизация мира. Отношения людей и божественных сил начинают осознаваться как отношения взаимозависимости [9, р. 718–719].

"Единство между небом и человеком" требует, чтобы люди сознательно следовали закону развития и функционирования вселенной, уважали естественное развитие и равновесие. Человечество должно развивать свою изначальную природу, вернуться к истокам. Человеческим сообществам следует проявлять вежливость в обращении, открытость и дружелюбие. Правительства стран должны быть ориентированы на население; милостиво и грамотно управлять в соответствии с принципами гармонии. Государство должно сохранять суверенитет, соблюдать принцип ненападения и мирного сосуществования. Другими словами, Небеса, Земля и Человек должны сосуществовать друг с другом и совместно поддерживать гармонию и единство вселенной в целом [9, р. 719].

В концепции "Сообщества единой судьбы человечества" ключевым и фундаментальным является "учение о Середине". В традиционной культуре Китая "совершенство – это нравственность, положенное в основу учения о Середине". Данный принцип подчёркивает справедливость, миролюбие и беспристрастность, "позволяющие достигнуть (состояния) Середины и гармонии, и тогда на земле и на небе будут царить благоденственный порядок и всеобщее процветание" [9, р. 721]. Это положение созвучно и марксистской диалектике, поскольку в "Манифесте Коммунистической партии" Маркс и Энгельс пишут именно о единстве и равенстве всех стран и народов [4].

Чэнь Чжаохэ полагает, что традиционная китайская культура является "корнем "сообщества единой судьбы человечества"". Сущность традиционной культуры заключается в следующих древнекитайских постулатах:

"правильный путь в единстве между небом и человеком";

"мир как единое сообщество, великая гармония в этом мире";

"страны должны действовать совместно и высоко ценить гармонию";

"учтивость (вежливость) – не преклонение, а две противоположности, определяющие Середину";

"учение о Середине состоит в том, что выход за пределы двойственности не равен достижению цели" [9, p. 718].

Коммунистическая партия КНР проводит внешнеполитический курс на возрождение китайской нации (恢复中华人民共和国). Китайский народ не может быть отделён от мира на современном историческом этапе национального возрождения Китая. Применение марксистской теории в современном китайском обществе направлено на усиление политико-экономической, духовной и культурной жизни. Совместное сотрудничество в будущем всех стран и народов может решить ряд проблем и показать привлекательный имидж Китая как ответственной державы, открыть ценность китайской "гармонии". Политическое руководство КНР понимает, что с развитием мира у Китая появляется больше возможностей реализовать концепцию СЕСЧ. Правительство во главе с Си Цзиньпином применяет накопленный опыт и мудрость, предлагает китайские программы. Традиционная культура Поднебесной влияет на формирование современной независимой внешней политики КНР и мировой политики. Она способствует продвижению "политики открытости, взаимной выгоды и пользы" для всех стран.

Одновременно в мире сохраняется неопределённость, различные торозящие развитие факторы. Совместное развитие стран в будущем сможет защитить национальные интересы, урегулировать конфликты и противоречия мирным путём для содействия развитию всего человечества.

Следовательно, философия "учения о Середине" представляет собой жизненный принцип "поступать с другими так же, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами", а также стремиться познать себя и других". Чтобы воплотить эту доктрину в жизнь, правительства стран должны гармонично управлять, используя социально-ориентированный подход, а общественные группы должны быть честными и заслуживающими доверия [9, p. 719].

"Сообщество единой судьбы человечества" основано ещё на одной важной философской категории китайской культуры как "мир как единое сообщество, великая гармония в этом мире", содержащей концепт "мир". Он представляет собой живое социальное пространство и мысли людей как ядро и бесконечное продолжение жизни. Геополитическая идея справедливого международного порядка и мира прослеживается в трудах Мэн Цзы. Он пишет, что "познавая людей, познаёте мир. Существует способ познать людей через их мысли, и они откроются для вас". Другими словами, управляя государством, правитель должен руководствоваться добродетелью" [2, с. 59].

Следовать "гармонии" – это важнейшая ценность и стратегическая цель Китая и всех стран. Она определяет социальные действия людей на нашей планете; в ней скрыта сплочённая мощь и центрирующая сила, порождающая всё живое. Не существует единого мира без "гармонии", как и нет гармоничного существования между небом и землёй, так как только "гармония" между всем живым поддерживает единство Вселенной в целом; она связывает противоположности и устраняет противоречия. "Выход за пределы двойственности и не достижение общей цели приводят к разрушению единства гармонии" [9, p. 721].

Профессор Чэнь Чжаохэ объясняет необходимость реализации "Сообщества единой судьбы человечества" с точки зрения сохранения различий между цивилизациями, религиями, поддержания связи между странами и народами. При реализации правильного пути, согласно марксистской теории, совместное развитие стран сможет решить ряд проблем не только в Китае, но и других странах, сформирует привлекательный образ Китая как ответственной державы, продемонстрирует ценность "великой гармонии". Это называется идеальным обществом", или коммунизмом [9, p. 719; 16, p. 5].

Сущность "великой гармонии" древнекитайские философы связывают с "благом народа, его "обогащением" и "успокоением" в безграничном стремлении к светлому будущему всего человечества. А современные философы "идеальное общество великой гармонии" рассматривают в целом как организм, способствующий устранению Зла и негативных элементов. Это роднит "Сообщество единой судьбы человечества" с марксистской теорией новой эпохи Си Цзиньпина и великой китайской культурой.

Профессор Чэнь Чжаохэ выделяет другой важный элемент традиционной китайской культуры, положенный в основу современной внешнеполитической стратегии КНР. Это идея "учтивости (вежливости) – это не преклонение". Она определяет две противоположности Середины, в основе которой лежит принцип "благородный человек (муж) учтив, но не льстив, а Середина есть восхваление, но это не учтивость". "Разные вещи могут пребывать в гармонии друг с другом, чтобы породить всё живое, если всё согласовано, тогда мир перестанет развиваться". Традиционная культура Китая интерпретирует "гармонию" как согласование и единство в совершенствовании многообразия вещей, сохраняющей принцип наследия и связи различных вещей. Смысл идеи "разных вещей в гармонии" состоит в достижении всеобщей гармонии и принципа единства на основе взаимного принятия различий. Традиционная китайская культура выработала национальную особенность, которая предполагает добродетель и умение прощать людей, а также придаёт большое значение мирному сосуществованию и дружеским обменам между странами.

Чэнь Чжаохэ призывает политических лидеров в борьбе с глобальными вызовами "следовать правильному пути, жить в гармонии с небом и землёй, развивать гармоничные международные и межцивилизационные отношения, с целью способствовать трансформации глобальной системы управления и содействовать устойчивому социально-экономическому развитию" [9, p. 719].

К. Маркс определяет "коммунизм" в "Манифесте коммунистической партии" как общество, в котором развитие каждого является условием развития всего общества в целом. Коммунизм ставит целью развитие человека, а не производства [4, с. 39]. Теория марксизма рассматривает мир с точки зрения диалектики. Развитие мира в конечном счёте обусловлено противоречиями, которые содержат два аспекта: противоположность и единство. "Положительное упразднение частной собственности ... как подлинного присвоения человеческой сущности человеком и для человека" [5, с. 116] сможет привести к единству и противоречиям, а также противоположности и единству противоречий, что способствует совместному развитию всех стран.

По мнению Лю Цзяньцзюня и Ся Мэня из Фуданьского университета, под "положительным" устранением частной собственности марксизм подразумевает её переход в общественную собственность свободных людей, т.е. индивидуальную форму.

Капитализм порождает буржуазные интересы, характеризующиеся превосходством и неполноценностью, исключительностью и иерархией. С развитием глобализации, Интернет-сетей и информатизации человеческое общество стало взаимозависимо. Следовательно, и цивилизационный взгляд на исключительность, иерархию, превосходство становятся несовместимы с новой эпохой, пишут ученые [24, с. 81]. Маркс и Энгельс раскрывают природу буржуазных интересов и выдвигают идею единства интересов пролетариата, а затем идею объединения свободных людей. Объединение или союз свободных людей должен превзойти капиталистическую природу "вещей, управляющих людьми" и реализовать всестороннее развитие людей [24, с. 81]. По мысли исследователей, Энгельс обосновывает механизм буржуазной революции проведением "политической реформы, которая способствует объединению человечества, основанного на общих интересах. Использовать принуждение или политические средства нет необходимости". В XXI в. формы собственности зависят от "сетевых технологий, которые естественным образом связаны с политикой, обществом и культурой" [24, с. 83]. В Китае частная собственность гарантирована не только обществом, но и государством. Концепция Си Цзиньпина об "общей судьбе" основывается на первостепенном значении государства и приоритете национального развития над индивидуальными и общественными ценностями, такими как права человека. Именно в этот исто-

рический период Си Цзиньпин предлагает идею "сообщества единой судьбы человечества".

Марксистскую теорию в контексте возрождения традиционной политической культуры определяет исследователь марксизма профессор Лю Шижэнь. Концепция "Сообщества единой судьбы человечества", по его мнению, в современных условиях способствует разрешению конфликтов на основе целостного понимания мира, переходу цивилизации на более гармоничную стадию развития [16, p. 2].

Лю Шижэнь рассматривает современное мировое сообщество как разнообразное единство с богатой историей и культурой, разными национальными характерами, которые в то же время наполняют мир противоречиями и конфликтами. Здесь возникает необходимость урегулирования всевозможных конфликтов и трений путём межцивилизационного диалога. Современный мир – это единство противоречий, которые призвана гармонизировать концепция "Сообщества единой судьбы человечества" [16, p. 4].

Рассуждая о некоторых философско-культурных идеях марксизма Лю Шижэнь связывает их с культурными концептами Древнего Китая [16, p. 2]. В этой связи историко-культурное наследие и философско-религиозная составляющая наследия Поднебесной наполняют традиционную культуру Китая. Это означает и развитие ценностей марксистской теории, лежащей в основе официальной идеологии КНР – социализма с китайской спецификой. Она, как цементирующая сила, укрепляет межцивилизационные отношения Поднебесной с другими странами, народами и конфессиями и взаимосвязана с концепцией СЕСЧ.

Идеологи Коммунистической партии Китая вместе с научным сообществом объединяют общую теорию марксизма с действительностью Китая и продвигают теоретические инновации на практике. Именно это и является источником жизнеспособности теории марксизма. Так, после прихода к власти Си Цзиньпина учреждаются по всей стране мозговые центры (智库), которые анализируют проблемы в каждом конкретном случае. С 2015 г., в некоторых странах Европы функционируют "новые мозговые центры", основная цель которых заключается в том, чтобы "служить политике партии и правительству". Одним из наиболее передовых китайских аналитических центров в Европе является Институт Китая–Центральной и Восточной Европы, открытый в Будапеште в 2017 г. [8].

По мнению профессора Ван Жунхуа, аналитические центры внедряют новаторские идеи, распространяют их, гармонизируя различия, в том числе и культурные. Они не только становятся неотъемлемой частью национальной системы управления, но также служат связующим звеном и мостом для совместного формирования "Сообщества единой судьбы человечества" [26]. Примером вклада аналитических центров в решение межкультурных и межцивилизационных проблем и развития межкультурного сотрудничества служит Форум "Выдающаяся культура Китая – 2017", прошедший в Пекине в 2017 г., посвящённый ответственности китайской культуры в реализации СЕСЧ. При широкой поддержке китайского правительства в рамках этого Форума проводятся круглые столы на тему "Инициатива "Пояс и путь" и взаимное обучение между цивилизациями", международные художественные выставки, туристические мероприятия и т.д. Эксперты аналитических центров предлагают решения и выдвигают идеи в области науки, культуры, образования, здравоохранения, экономики в рамках инициативы "Пояс и путь" и совместного строительства "Сообщества единой судьбы человечества" [28]. Другим примером выступает создание в 2019 г. Института сообщества с единым будущим при Университете связи Китая в Пекине (Communication University of China). Это первый исследовательский центр в Китае, посвящённый изучению понятия "сообщества единой судьбы" и культурного разнообразия в глобальном контексте [10].

Кроме того, аналитические центры решают такие глобальные экологические проблемы, как борьба с последствиями климатических изменений, которые затрагивают все без исключения природные и антропогенные системы Земли [25, с. 636, 639; 26]. Мы полагаем, что китайское политическое руководство, опираясь на решения аналитических центров, воплощает в жизнь идеи "Сообщества единой судьбы человечества".

Итак, концепция Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества", впитывая теорию марксизма и традиционные идеи культуры Древнего Китая, способствует эффективному развитию больших и малых стран, урегулированию конфликтов мирным путём и устранению противоречий. По мнению китайских исследователей, СЕСЧ как и марксистская теория, направлено на управление взаимоотношениями целого и части, постоянного улучшения условий жизни населения и повышение уровня доверия к правительству.

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые обобщения. В работах китайских политологов, посвящённых единой судьбе народов, исследуется актуальный вопрос, связанный с философско-культурным обоснованием концепции Си Цзиньпина "Сообщество единой судьбы человечества". Эта идея основана на традиционной китайской культуре и искусстве управления государством. Большинство китайских ученых единодушны в том, что концепция "Сообщества единой судьбы человечества" рассчитана на решение общих проблем, стоящих перед странами мира. Они творчески развивают и дополняют содержание СЕСЧ.

Концепция "Сообщества единой судьбы человечества" является одной из главных философско-дипломатических стратегий КНР в новой эпохе. Она развивает теорию марксизма, который отражает взгляд на мир и человечество с точки зрения взаимосвязанности развития Китая и других стран. Концепция СЕСЧ также требует от человечества надлежащего управления взаимоотношениями целого и частей, заботы о коренных интересах всех стран, улучшения жизни людей и улучшения имиджа стран. Она тесно связана с такими конфуцианскими идеями, как "гармония – всё живое наивысшая ценность", "великое единение" и "гармония между небом и человеком" и другими традиционными идеями. Принимая во внимание взаимосвязь марксистской теории с ценностями китайской культуры и концептами Древнего Китая, человек существует в нерасторжимом единстве с природой, частью которой он является.

Китайские исследователи предлагают отойти от политики холодной войны вернуться к традиционным китайским культурным истокам. По их мнению, традиционная культура является "корнем "сообщества единой судьбы человечества"", она соединяет и консолидирует народы. Эта идея основана на исторических традиционных культурных ценностях и китайской идеологической системе. Она представляет новую перспективу международного сотрудничества и международного порядка и возрождения китайской нации. В новой эпохе взаимосвязь философской, политической культуры и "Сообщества единой судьбы человечества" способствует укреплению и улучшению глобального управления.

Кроме того, духовное и культурное наследие Китая, которое является стратегической частью во внешнеполитическом курсе Си Цзиньпина, не только усиливает сплочённость китайской нации, но вносит значительный вклад в мировое управление и международный порядок. Мы считаем, "Сообщество единой судьбы" может служить ответом на фундаментальные глобальные противоречия, особенно в отношении вопросов мира и развития, борьбе с эпидемиями, которые вызывают серьёзную озабоченность у многих стран мира.

Литература

1. Базаров Б. В., Курас Л. В. Китай периода Юань и Мин. Размышления историографа на тему: История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. V: Династия Юань и Мин (1279–1644) / отв. ред. А. Ш. Кадырбаев, А.А. Бокщанин. М.: Наука; Вост. лит-ра, 2016. 678 с.
2. Бояркина А. В., Печерица В. Ф., Мефодьева С. А. Традиционная культура Китая в контексте концепции "сообщества единой судьбы для человечества" // Вест. Забайкальск. гос. ун-та. 2018. № 8 (24). С. 56–64.
3. Кремлёва Е. А., Бенц Д. С., Мамаева Н. О., Платонова А. Е., Басырова Д. М., Савельев Е. Д., Рыжаков И. С. Актуальность учений марксизма в современном мире. 200-летию К. Маркса посвящается // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). Экономические науки. Вып. 61. С. 184–191.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Издательство политической литературы, 1989.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. второе. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974.
6. Рейн К. Китай. История страны. М.: Эксмо, 2008.
7. Си Цзиньпин. О государственном управлении. II. Пекин: Издво лит. на иностр. яз., 2018. 802 с.
8. Bandurski D. China's new think tanks in Europe // ECHO-WALL.eu. March 2, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.echo-wall.eu/guanxi-matters/chinas-new-think-tanks-europe> (дата обращения: 22.07.2020).
9. Chen Zhaohe. The Chinese cultural root of the community of common destiny for all mankind. 4th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2017), Advances in Social Science, Education and Humanities Research, Vol 142. P. 718–722.
10. China gets first "Common Destiny" Center // China Media Project. Dec 3, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://chinamediaproject.org/2019/12/03/china-gets-first-common-destiny-center/> (дата обращения: 29.07.2020).
11. Chinese landmark concept put into UN resolution for first time//Xinhua. Feb 11, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-02/11/c_136049319.htm (дата обращения: 29.07.2020).
12. Gardels N. Trump's "America First" meets China's "community of common destiny" // The Washington Post. Feb 9, 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/02/09/america-first/?utm_term=.321509002f99 (дата обращения: 10.07.2020).
13. ENCYCLOPEDIA BRITANNICA. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/neotraditionalism> (дата обращения: 17.07.2020).
14. Hutchinson J. Re-Interpreting Cultural Nationalism//Australian Journal of Politics and History.1999. Vol 45, Issue 3, Pp. 392–407.
15. Lam W. A modern cult of personality? Xi Jinping aspires to be the equal of Mao and Deng//China Brief. 2015.Vol 15, Issue 5, Pp. 3–6.
16. Liu S. R. The philosophic interpretation of a community of shared future for mankind from the perspective of the Marxist philosophy//Open Access Library Journal. 2019. Vol 6, pp. 1–6.
17. Su Xiaohui. It's time to build a community of shared future for mankind//China institute of international studies. Jan 25, 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2018-01/25/content_40203014.htm (дата обращения: 16.03.2020).
18. Traditional culture key to national identity//ChinaDaily. 2018.03.30. [Электронный ресурс]. URL: <http://global.chinadaily.com.cn/a/201803/30/WS5abd77f7a3105cdcf6515333.html> (дата обращения: 18.07.2020).
19. Xi Jinping attends General debate of 70th Session of the UN General Assembly and delivers important speech, underlying to inherit and advocate purposes and principles of the UN Charter, establish new type of international relations with win-win cooperation as core and build community of shared mankind destiny//Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 2015.09.29. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpdmgjxgsfwbcxlhgcl70znlxlfh/t1304144.shtml (дата обращения: 18.08.2020).
20. Yang Jiechi. Promoting the building of a community with a shared future for mankind//People's Daily. Nov 19, 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://en.theorychina.org/xsqsy_2477/201712/t20171212_360713.shtml (дата обращения: 09.03.2020).
21. Yu Sui. The Community of a shared future for mankind//China US Focus. Nov 09, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinausfocus.com/political-social-development/the-community-of-a-shared-future-for-mankind> (дата обращения: 28.03.2020).
22. Zi Yang. Xi Jinping and the restoration of traditionalism in China//AsiaNews.it 07.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Xi-Jinping-and-the-Restoration-of-Traditionalism-in-China-41252.html> (дата обращения: 17.07.2020).
23. 10月18日, 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上作报告//人民网-人民日报. 2017年10月28日. = Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 18 октября 2017 г. // Жэньминьван-Жэньминь Жибао. 28.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (дата обращения: 28.03.2020).
24. 刘建军, 夏蒙. "阶级利益联合体"与"人类命运共同体"//学术月刊. 2018. 第50期. 页码81–91. = Лю Цзяньцзюнь, Ся Мэн. "Сообщество классовых интересов" и "сообщество единой судьбы человечества" // Ежемесячный Академический журнал. 2018. № 50(9). С. 81–91.
25. 外交学: 理论与实践(下)/杨闯等著. 北京: 世界知识出版社, 2018.8. = Дипломатия: теория и практика/под ред. Ян Чуан. Пекин: Изд-во "Шицзе Чжиши", 2018. 730 с.
26. 王荣华. 智库成为共铸人类命运共同体的智力纽带//看看新闻. 2016.11.14. = Ван Жунхуа. Мозговые центры стали интеллектуальной связью, которая создает "со-

общество единой судьбы человечества" // Канькань Синьвэнь. 14.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kankanews.com/a/2016-11-14/0037764708.shtml> (дата обращения: 20.07.2020).

27. 徐錦庚。人民日報人民論壇：激蕩“上海精神”的和合之美//人民網—人民日報。2018年06月10日。= Сюй Цзиньгэн. Форум "Жэньминь жибао": Красота гармонии в "Шанхайском духе" // Жэньминь жибао. 10.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2018-06/10/nw.D110000renmrb_20180610_3-04.htm (дата обращения: 20.07.2020).

28. 智库助力构建人类命运共同体。中华优秀文化论坛召开//中国青年网。2018年01月02日。= Мозговые центры способствуют построению "Сообщества единой судьбы человечества". Состоялся Форум выдающейся культуры Китая // Сайт китайской молодёжи. 02.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinanews.com/cul/2018/01-02/8414509.shtml> (дата обращения: 22.07.2020).

29. 中国传统道德观念之：三达德与八德//个人图书馆。13.12.2011。=Китайские традиционные моральные концепции: три правильных поведения и восемь добродетелей // Личная библиотека. 13.12.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.360doc.com/content/11/12/13/22/3838914_172060842.shtml (дата обращения: 18.07.2020).

30. 中国道德之八德。2019.05.07。= Восемь добродетелей китайской морали. 07.05.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sohu.com/a/312498360_772568 (дата обращения: 18.07.2020).

31. 中国关键词。十九大篇：全二册。北京：新世界出版社，2018。="Ключевые слова Китая. XIX Съезд/Бюро изданий и распространения китайского языка /"Синь Шицзе": Пекин, 2018.

32. 中国关键词。治国理政篇：全二册。北京：新世界出版社，2019。="Ключевые слова Китая. Управление государством/Бюро изданий и распространения китайского языка/"Синь Шицзе": Пекин, 2019.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Bazarov B. V., Kuras L. V. Kitaj perioda YUan' i Min. Razmyshleniya istoriograf na temu: Istoriya Kitaya s drevnejshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. gl. red. S. L. Tikhvinskij, T. V. Dinastiya YUan' i Min (1279–1644) / otv. red. A. Sh. Kadyrbaev, A.A. Bokshhanin. M.: Nauka; Vost. lit-ra, 2016. 678 s.

2. Boyarkina A. V., Pecheritsa V. F., Mefod'eva S. A. Traditsionnaya kul'tura Kitaya v kontekste kontseptsii "soobshhestva edinoj sud'by dlya chelovechestva" // Vest. Zabajk'sk. gos. un-ta. 2018. № 8 (24). S. 56–64.

3. Kremlyova E. A., Bents D. S., Mamaeva N. O., Platonova A. E., Basyrova D. M., Savel'ev E. D., Ryzhakov I. S. Aktual'nost' uchenij marksizma v sovremennom mire. 200-letiyu K. Marksa posvyashhaetsya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 7 (417). EHkonomicheskie nauki. Vyp. 61. S. 184–191.

4. Marks K., EHngel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1989.

5. Marks K., EHngel's F. Sochineniya. K. Marks, F. EHngel's. Izd. vtoroje. T. 42. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974.

6. Rejn K. Kitaj. Istoriya strany. M.: EHksmo, 2008.

7. Si TSzin'pin. O gosudarstvennom upravlenii. II. Pekin: Izdvo lit. na inostr. yaz., 2018. 802 s.

8. Bandurski D. China's new think tanks in Europe // ECHO-WALL.eu. March 2, 2020. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.echo-wall.eu/guanxi-matters/chinas-new-think-tanks-europe> (data obrashheniya: 22.07.2020).

9. Chen Zhaohe. The Chinese cultural root of the community of common destiny for all mankind. 4th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2017), Advances in Social Science, Education and Humanities Research, Vol 142. P. 718–722.

10. China gets first "Common Destiny" Center // China Media Project. Dec 3, 2019. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://chinamediaproject.org/2019/12/03/china-gets-first-common-destiny-center/> (data obrashheniya: 29.07.2020).

11. Chinese landmark concept put into UN resolution for first time//Xinhua. Feb 11, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-02/11/c_136049319.htm (data obrashheniya: 29.07.2020).

12. Gardels N. Trump's "America First" meets China's "community of common destiny" // The Washington Post. Feb 9, 2018. [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/02/09/america-first/?utm_term=.321509002f99 (data obrashheniya: 10.07.2020).

13. ENCYCLOPÆDIA BRITANNICA. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.britannica.com/topic/neotraditionalism> (data obrashheniya: 17.07.2020).

14. Hutchinson J. Re-Interpreting Cultural Nationalism//Australian Journal of Politics and History. 1999. Vol 45, Issue 3, Pp. 392–407.
15. Lam W. A modern cult of personality? Xi Jinping aspires to be the equal of Mao and Deng//China Brief. 2015. Vol 15, Issue 5, Pp. 3–6.
16. Liu S. R. The philosophic interpretation of a community of shared future for mankind from the perspective of the Marxist philosophy//Open Access Library Journal. 2019. Vol 6, pp. 1–6.
17. Su Xiaohui. It's time to build a community of shared future for mankind//China institute of international studies. Jan 25, 2018. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2018-01/25/content_40203014.htm (data obrashheniya: 16.03.2020).
18. Traditional culture key to national identity//ChinaDaily. 2018.03.30. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://global.chinadaily.com.cn/a/201803/30/WS5abd77f7a3105cdf6515333.html> (data obrashheniya: 18.07.2020).
19. Xi Jinping attends General debate of 70th Session of the UN General Assembly and delivers important speech, underlying to inherit and advocate purposes and principles of the UN Charter, establish new type of international relations with win-win cooperation as core and build community of shared mankind destiny//Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 2015.09.29. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpdmgjxgswbxcxlhgcl70znxlfh/t1304144.shtml (data obrashheniya: 18.08.2020).
20. Yang Jiechi. Promoting the building of a community with a shared future for mankind//People's Daily. Nov 19, 2017. [Elektronnyj resurs]. URL: http://en.theorychina.org/xsqy_2477/201712/t20171212_360713.shtml (data obrashheniya: 09.03.2020).
21. Yu Sui. The Community of a shared future for mankind//China US Focus. Nov 09, 2017. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.chinausfocus.com/political-social-development/the-community-of-a-shared-future-for-mankind> (data obrashheniya: 28.03.2020).
22. Zi Yang. Xi Jinping and the restoration of traditionalism in China//AsiaNews. it 07.11.2017. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Xi-Jinping-and-the-Restoration-of-Traditionalism-in-China-41252.html> (data obrashheniya: 17.07.2020).
23. 10月18日, 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上作报告//人民网-人民日报. 2017年10月28日. = Doklad Si TSzin'pina na XIX Vsekitajskom s'ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya. 18 oktyabrya 2017 g. // Zhehn'min'van–Zhehn'min' Zhibao. 28.10.2017. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/10/28/c64094-29613660.html> (data obrashheniya: 28.03.2020).
24. 刘建军, 夏蒙. "阶级利益联合体"与"人类命运共同体"//学术月刊. 2018. 第50期. 页码81–91. = Lyu TSzyan'tszyun', Sya Mehn. "Soobshhestvo klassovykh interesov" i "soobshhestvo edinoj sud'by chelovechestva" // Ezhemesyachnyj Akademicheskij zhurnal. 2018. № 50(9). S. 81–91.
25. 外交学: 理论与实践(下)/杨闯等著. 北京: 世界知识出版社, 2018.8. =Diplomatiya: teoriya i praktika/pod red. Yan Chuan. Pekin: Izd-vo "Shitsze Chzhishi", 2018. 730 s.
26. 王荣华. 智库成为共铸人类命运共同体的智力纽带//看看新闻. 2016.11.14. = Van Zhunkhua. Mozgovye tsentry stali intellektual'noj svyaz'yu, kotoraya sozdaet "soobshhestvo edinoj sud'by chelovechestva" // Kan'kan' Sin'vehn'. 14.11.2016. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kankanews.com/a/2016-11-14/0037764708.shtml> (data obrashheniya: 20.07.2020).
27. 徐锦庚. 人民日报人民论坛: 激荡"上海精神"的和合之美//人民网-人民日报. 2018年06月10日. = Syuj TSzin'gehn. Forum "Zhehn'min' zhibao": Krasota garmonii v "Shankhajskom dukhe" // Zhehn'min' zhibao. 10.06.2018. [Elektronnyj resurs]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2018-06/10/nw.D110000renmrb_20180610_3-04.htm (data obrashheniya: 20.07.2020).
28. 智库助力构建人类命运共同体. 中华优秀文化论坛召开//中国青年网. 2018年01月02日. = Mozgovye tsentry sposobstvuyut postroeniyu "Soobshhestva edinoj sud'by chelovechestva". Sostoyalsya Forum vydayushhejsya kul'tury Kitaya // Sajt kitajskoj molodyozhi. 02.01.2018. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.chinanews.com/cul/2018/01-02/8414509.shtml> (data obrashheniya: 22.07.2020).
29. 中国传统道德观念之: 三达德与八德//个人图书馆. 13.12.2011. =Kitajskie traditsionnye moral'nye kontseptsii: tri pravil'nykh povedeniya i vosem' dobrodetelej // Lichnaya biblioteka. 13.12.2011. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.360doc.com/content/11/12/13/22/3838914_172060842.shtml (data obrashheniya: 18.07.2020).
30. 中国道德之八德. 2019.05.07. =Vosem' dobrodetelej kitajskoj morali. 07.05.2019. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.sohu.com/a/312498360_772568 (data obrashheniya: 18.07.2020).
31. 中国关键词. 十九大篇: 全二册. 北京: 新世界出版社, 2018. ="Klyuchevye slova Kitaya. XIX S"ezd/Byuro izdanij i rasprostraneniya kitajskogo yazyka /"Sin' Shitsze": Pekin, 2018.

32. 中国关键词. 治国理政篇: 全二册. 北京: 新世界出版社, 2019. = "Klyuchevye slova Kitaya. Upravlenie gosudarstvom/Byuro izdaniy i rasprostraneniya kitajskogo yazyka/"Sin' Shitsze": Pekin, 2019.

Бояркина А. В. Китайские исследователи о философско-культурном обосновании концепции Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества".

Выдвинутая на XVIII съезде КПК в 2012 г. концепция Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества" (СЕСЧ) является одной из главных философско-дипломатических стратегий КНР в XXI веке. Цель статьи – проанализировать рассуждения китайских исследователей о философско-культурном обосновании концепции "Сообщества единой судьбы человечества". Используются исторический и структурный методы анализа. Новизна исследования состоит в том, что СЕСЧ, по мнению автора, творчески развивает теорию марксизма, которая отражает взгляд на мир и человечество с точки зрения стран и народов, их культуры и религии. Концепция ориентирована на совершенствование жизни человечества и сохранение глобальной окружающей среды. Автор приходит к выводу, что эта концепция связана с древнекитайскими стратегиями политической культуры и марксистской философией.

Ключевые слова: *Китай, концепция "Сообщества единой судьбы человечества", китайские исследователи, традиционная культура Китая, марксизм*

Boyarkina A. V. Chinese researchers on philosophy and culture ground of Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind.

The concept of Xi Jinping "a community with a shared future for mankind" put forward at the 18-th National Congress in 2012, is one of the main Chinese philosophical and diplomatic strategies in the 21st century. The purpose of the article is to analyze Chinese academics' ideas on philosophical and cultural ground of "a community with a shared future for mankind". The historical and structural methods of analysis are used. The novelty of the study is that the concept, in the author's opinion, creatively develops Marxism, which reflects a view on the world and humanity from the point of view of countries and peoples, their culture and religion. The concept is focused on improving the life of mankind and preserving global environment. The author shows that this concept is bound with the ancient strategies of political culture and Marxist philosophy.

Key words: *China, concept of "a community with a shared future for mankind", Chinese researchers, Chinese traditional culture, Marxism*

Для цитирования: Бояркина А. В. Китайские исследователи о философско-культурном обосновании концепции Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 128–140. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/128-140

For citation: Boyarkina A. V. Chinese researchers on philosophy and culture ground of Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 128–140. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/128-140

УДК 329.14(519.5)"196/199"

Ермолаева Е. М.

Движение за демократию в Республике Корея (1970-е–1990-е гг.)

Становление демократической системы государства с полноценными механизмами функционирования гражданского общества является сложным многоэтапным процессом. Политическая система Республики Корея (РК) прошла долгий путь, который можно назвать процессом "взрождения": до конца 1980-х гг. за некоторым исключением он представлял собой череду сменявших друг друга авторитарных режимов, а с 1987 г. привел к процессу демократизации. Первым этапом стал режим I Республики (1948–1960 гг.), который в историю вошел как режим личной власти Ли Сынмана. Именно в этот период произошло окончательное разделение Корейского полуострова, в результате которого на Юге укоренилась антикоммунистическая идеология, подкрепленная соответствующей законодательной базой. Итогом крушения режима Ли Сынмана становится попытка провести демократические преобразования в рамках II Республики (1960–1961 гг.), которая оказалась нежизнеспособной: менее чем через год власть демократов была свергнута в ходе военного переворота в стране. Период с 1961 по 1979 гг. считается наиболее значимым в авторитарной истории РК, так как к власти приходят военные под руководством Пак Чонхи, – президента III и IV Республик – который начал активные экономические преобразования и добился значительных успехов в индустриализации страны. Последующий режим V Республики завершил авторитарную историю РК, страна под властью "последнего диктатора" Чон Духвана пришла к демократическим преобразованиям. Таким образом, формально переход к демократической форме правления произошел в 1987 г. с принятием конституции VI Республики, однако процесс ликвидации авторитарного наследия был более длительным – его наиболее активная фаза относится к администрациям президентов Ро Дэу (1987–1992 гг.) и Ким Ёнсама (1992–1997 гг.). Период с 1987 до конца 1990-х гг. в российском корееведении относят к стадии "демократической консолидации" [1, с. 188].

Учитывая специфику формирования и трансформации политической системы РК, интересным объектом для исследования является общественная реакция на изменения политической среды. Для авторитарного и поставторитарного периодов в РК характерна высокая активность народных масс, которая стала не последним по значимости фактором, форсировавшим демократизацию политической системы. Социальные движения с ярко выраженным политическим характером проявили себя на всех переломных этапах истории Республики Корея, однако особую роль они сыграли в процессе борьбы с диктаторскими режимами, подарив стране победу демократии в конце 1980-х гг. [8, с. 33–35].

Начальный период истории Республики Кореи сопряжен с социальными конфликтами на почве разделения страны, экономической несостоятельности и идеологического противостояния. Стабилизация идеологического климата в период I Республики была осуществлена за счет внедрения антикоммунистической идеологии, которая после окончания Корейской войны в 1953 г. стала базовой на всех уровнях государственной системы. Из экономической

© Ермолаева Е. М., 2020

ЕРМОЛАЕВА Екатерина Михайловна, канд. ист. наук, заведующая кафедрой корееведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** ermolaeva.em@dvfu.ru

Работа выполнена в рамках программы "Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах" Министерства образования Республики Корея и Академии корейских исследований (Academy of Korean Studies) (AKS-2015-OLU-2250003)

и идеологической сферы народные протесты постепенно перешли в политическую. Восстание 1960 г., несмотря на свою спонтанность, свергло режим Ли Сынмана и стало "первой ласточкой" в формировании массового движения за демократизацию политической системы. Начало и середина 1960-х гг. характеризуются периодическими всплесками социального протеста, которые чаще всего являлись реакцией на какие-либо непопулярные действия власти. Более организованный этап развития движения начался с 1970-х гг. [13, с. 143], а апофеозом борьбы против диктатуры стал 1987 год – в корейской историографии этот период называют "Июньским движением за демократию", – когда была принята Конституция VI Республики, гарантировавшая прямые всеобщие выборы, ограничение сроков президентства, гражданские права и свободы.

Таким образом, на протяжении всей истории Республики Корея мы можем наблюдать качественные изменения в структуре и идеологии общественно-политического протеста, которые напрямую связаны с изменениями во внутривластной среде. В плоскость движения за демократию, то есть движения, предполагающего организованную борьбу за формирование основ правового государства, социальный протест в Республике Корея перешел в начале 1970-х гг. С этого периода мы можем говорить о его переходе к более зрелой форме, сопряженной с осознанием гражданами РК личных, групповых и общегосударственных интересов.

Целью данного исследования является анализ структурных изменений движения за демократию в Южной Корее на этапах авторитаризма и демократизации. Данная цель требует решения ряда задач, к которым автор относит следующие:

- определить предпосылки формирования движения за демократию в Республике Корея;
- охарактеризовать состав участников движения и его основные идеологические установки;
- проанализировать цели участников движения и их групповые интересы;
- проследить процесс институализации общественно-политического движения в Республике Корея в поставторитарный период.

В 2000-е годы южнокорейские исследователи, как в самой Республике Корея, так и за рубежом, начали весьма активно освещать процесс развития южнокорейского движения за демократию. Это связано, в первую очередь, с конъюнктурностью вопроса – демократизация в Южной Корее остаётся актуальной и в наши дни, а "боевое прошлое" является хорошим дополнением к резюме любого политика.

Источники, на основе которых проводятся научные исследования, достаточно обширны. К первой группе источников можно отнести СМИ – события 1970-1990-х гг. широко освещались в прессе, причем не только южнокорейской, но и американской. Так, статьи, посвященные массовым народным акциям, можно найти в архивах газет Тон-А Ильбо, Чосон Ильбо, Таймс, Вашингтон пост и др. Вторая группа источников – это интервью с очевидцами или непосредственными участниками событий, среди которых можно найти как южнокорейских граждан, так и американских резидентов. Третья группа источников – это архивные материалы: среди опубликованных есть рапорты американских военных ведомств, отчеты церквей, христианских и студенческих организаций, научные работы профессуры вузов. Дополнительными материалами становятся официальная статистика, полицейские отчеты, агитационные материалы студенческих организаций и др. Крупным проектом, который позволил воспользоваться итогами анализа вышеуказанных источников, стал Stanford Korea Democracy Project и написанная на его основе коллективная монография "South Korean Social Movements: From Democracy to Civil Society" [15].

В анализе и оценке движения за демократию южнокорейские исследователи в целом сходятся во мнении: граждане Республики Корея сделали значительный вклад в борьбу против диктатуры, ускорив демократические реформы [12, с. 4]. Все массовые протесты являются "национальным достоянием", в независимости от состава участников или географического фактора. Тем не менее услышать некоторые разночтения в трактовке событий тех лет вполне возможно: представители "правого" крыла современного политического ис-

теблишмента традиционно подчеркивают вклад администрации Пак Чонхи в развитие экономики страны, тем самым несколько оправдывая его диктаторские методы. В свою очередь "левые" акцентируют внимание на движении против диктатуры, выделяя "любимого сына провинции Чолла" Ким Дэджуна [11] среди прочих активистов движения и анализируя восстание в г. Кванджу 1980 г. как наиболее знаковое в истории борьбы за демократию.

В современной Южной Корее идеологическое противоборство идет рука об руку с территориальным. Можно наблюдать противостояние двух регионов: юго-западного (Южная и Северная провинции Чолла), являющегося оплотом левых сил, и юго-восточного (Северная и Южная провинции Кёнсан), который вместе со столичным регионом относится к зоне влияния консерваторов. Академические круги менее подвержены предубеждениям, чем политики, однако и в их среде можно услышать выводы, основанные на региональных противоречиях. Так, по мнению ряда южнокорейских исследователей, провинции Чолла исторически являются "более мятежными", так как жители этого региона на протяжении всей истории ощущали себя наиболее периферийным регионом страны [16, с. 70–71]. В авторитарный период подобные чувства только усилились – столица и юго-восток получали больше дотаций, правящие круги были выходцами из этих регионов. Ввиду этого политический, а иногда и научный дискурс представлен противоборством двух основных тезисов: левые настаивают, на том, что их регион сыграл важную роль в формировании движения за демократию, став оплотом идеологии "минджун"¹, правые – что они "вытянули на своих плечах" экономическое развитие страны. Необходимо отметить, что вышеуказанные разногласия не выходят во внешнюю среду, экспортируют южные корейцы историю с вполне однозначным националистическим посылом: корейцы смогли объединиться и максимально эффективно провести демократические реформы.

Для нашего исследования географический фактор также не имеет принципиального значения. Безусловно, в промышленных районах юго-востока можно наблюдать более высокую, чем в сельскохозяйственных регионах юго-запада активность рабочего движения, однако молодежное движение было наиболее активным и развивалось вне любых территориальных ограничений. Южнокорейские ученые сходятся во мнении, что начиная с 1960 г. в Корее формируется "новое протестное движение постколониальной эпохи", основными маркерами которого являются Апрельская революция 1960 г., студенческие восстания против переговоров с Японией 1964-1965 гг., студенческое восстание Пу-Ма 1979 г.², восстание в Кванджу 1980 г., Июньское движение 1987 г. [10, с. 214]. Авангардом всех этих событий становятся студенты, протестующие против политики государства. Исследователи подчеркивают, что именно молодежь стала "связующим звеном", формирующим полноценную политическую оппозицию диктаторским режимам, именно студенческие лидеры возглавили "движение минджун".

1970-е гг. часто изображаются как "самая темная эпоха" в политической истории Южной Кореи [5, с. 12]. В так называемый "период Юсин" (1972–1979 гг.) президент Пак Чонхи сформировал репрессивный аппарат, жестко ограничивающий гражданские и политические права. Тем не менее тенденция на интеграцию оппозиционных сил и усиление социального протеста наблюдается именно в этой среде как ответ на действия авторитарного режима. Наибольшую активность движение против диктатуры приобрело после 1971 г., когда Пак внес поправку, отменяющую ограничение количества сроков полномочий президента, таким образом в очередной раз обеспечив себе переизбрание на пост главы государства. Это резкое нарушение демократических принципов вызвало критику со стороны различных слоев населения, а также побудило студентов к демонстрациям. Еще большее обострение общественного протеста было вызвано переворотом 1972 г. и принятием "конституции Юсин", которая фактически легализовала диктатуру и уничтожила любые проявления демократии в социально-политическом процессе [15].

¹ Минджун – народные массы (кор). Движение "минджун" – это движение против диктатуры в РК, объединившее в себе различные социальные слои.

² В г. Пусане и в г. Масане.

Усиление авторитарных тенденций в 1970-х гг. в Южной Корее расширило состав участников протестных акций и способствовало формированию массового движения за демократию. Базой для слияния идейных платформ разного рода групп постепенно становилось рабочее движение. Рабочие и городская беднота благодаря своей массовости могли стать "ударной силой" движения за демократию, в то время как направляющую и руководящую функцию играли студенческие организации. В отличие от рабочих, которые реагировали в основном на ухудшение условий труда, закрытие предприятий и т.п., студенческая реакция была более политизированной и не концентрировалась только в сфере их профессиональных интересов. Учащиеся вузов протестовали против множества позиций внутренней и внешней политики власти.

В течение 1970-х и 1980-х гг. борьба против диктатуры превратилась в сложное и многогранное социальное движение, которое к 1987 г. затрагивало весьма широкий круг вопросов, касающихся политической и экономической либерализации, гражданских прав и свобод. Вместе с тем за счет усилий разного рода общественно-политических организаций, выступавших против режима, методы борьбы за демократию также становились все более разнообразными и продуманными с точки зрения стратегии и тактики. Другими словами, к 1987 г. движение "созрело" для объединения в борьбе против диктатуры, несмотря на то что идеологический спектр социальных групп, принимавших в нем участие, оставался неоднородным.

После объявления демократических реформ, принятия конституции VI Республики и проведения прямых всеобщих выборов 1987 г. было ожидаемо, что активность движения за демократию будет снижаться. Однако, не смотря на реальные и заявленные реформы, требования большинства слоев населения, принимавших участие в "Июньском движении", не были выполнены. Как результат, в дальнейших протестных акциях перестали участвовать только те группы, которым было достаточно формального введения гражданских институтов. Далее они продолжили свою борьбу, приняв институциональную форму, то есть сформировали легальные партии или общественные организации, занимавшиеся лоббированием своих интересов [15].

Рассмотрим структуру движения против диктатуры в Республике Корея. Движение характеризовалось смешанным составом: в него входили как группы, выдвигавшие общие политические требования, так и группы, защищающие свои, изолированные от остальных, цели. Основными акторами протестного движения в Республике Корея являлись студенчество, рабочие, журналисты, представители христианской церкви, интеллектуалы (включая профессуру вузов), политики. Христианское духовенство считало, что объектом реформ должны стать не только экономическая и социально-политическая среда, но и духовная сфера. В то же время журналисты организовывали акции протеста с акцентом на "свободу СМИ", а для рабочих приоритетным являлись права трудящихся.

В зависимости от политического климата состав участников социально-го движения менялся. Эпоха Пак Чонхи, которая объединила в себе форсированное экономическое развитие и формирование военно-бюрократической системы управления, режим Чон Духвана, боровшийся с возрастающим общественным протестом через усиление репрессивного аппарата, правительство Ро Дэу, пришедшее к власти в начале активной либерализации политической системы, – все эти периоды демонстрировали качественные изменения в социально-политической среде, что отражалось и на характере политического протеста.

Так, в 1970-х гг. студенческие выступления составляли около 31%, в 1980-х гг. их активность выросла почти до 50%, в то время как в период Ро Дэу наибольший процент выступлений приходится на акции рабочих (около 35 %). Представители христианской церкви свою активность продемонстрировали в 1970-х гг., в то время как в начальный период VI Республики их участие было весьма незначительным [7, с. 27].

Рабочие и студенты являлись основной "ударной силой" движения за демократию как в 1970-х, так и в 1980-х гг. К началу 1970-х гг. корейские студенты уже имели опыт проведения массовых акций: в 1960 г. южнокорейская молодежь свергла режим Ли Сынмана, а в 1965 г. состоялись многотысячные студенческие демонстрации против подписания договора с Японией. Рабочие начали включаться в борьбу против диктатуры в 1970-х гг., однако пик их ак-

тивности приходится на конец 1980-х гг., когда значительно вырос уровень организационной структуры трудовых коллективов – рабочие предпринимали попытки создавать свои собственные организации для лоббирования вопросов, затрагивающих их трудовую деятельность.

Обладая наибольшим потенциалом в борьбе за демократию, рабочее движение оставалось в центре внимания как корейской христианской церкви, так и студентских организаций. В начале 1970-х гг. активисты-католики и протестанты стремились "просвещать" корейских рабочих, создавая вечерние школы или учебные классы, где пропаганда велась как в политическом (создание профсоюзов), так и религиозном (духовная реновация) направлении. Наиболее крупной христианской организацией подобного рода являлась Городская индустриальная миссия [4, с. 377].

Для студентов рабочие стали важным объектом работы во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. В этот период молодежь рассматривала "трудовую практику" как основную стратегию борьбы за демократию. В 1980-х гг. тысячи студентов, увлеченных социалистическими революционными воззрениями, вступали в ряды рабочих – они призывали трудящихся не ограничиваться только классовыми требованиями, а вести полноценную политическую борьбу [15]. Альянс рабочих и студентов, являясь беспрецедентным союзом "привилегированной молодежи" и "низших слоев", сыграл важную роль в движении рабочей силы в авангард борьбы за демократию. В этом процессе объединилась конфуцианская этика, диктовавшая, что "образованная элита должна руководить, показывая моральный пример в мудрости и добродетели" [2, с. 108], а также марксистская идеология, получившая популярность в Южной Корее после восстания в г. Кванджу 1980 г. [13, с. 268–269].

С момента перехода Республики Корея к демократическому режиму в 1987 г. в структуре социального протеста наблюдаются две основные тенденции: с одной стороны, институализация, с другой – разделение значительной части оппозиционных организаций по своим групповым интересам. Начиная с 1987 г. была реформирована избирательная система: корейцы получили возможность принимать участие в политическом процессе, приобрели право голоса и свободу волеизъявления. Однако власть VI Республики, несмотря на заявленные демократические реформы, в первые годы после начала демократизации накладывала ряд ограничений на "незаконные групповые действия" в стремлении поддерживать общественный порядок в стране. Таким образом, на индивидуальном уровне корейцы получили больше свобод, чем в сфере выражения групповых интересов. Результат данных ограничений не соответствовал ожиданиям власти: в стране прошла серия рабочих и фермерских забастовок, студенческих демонстраций. Не смотря на то, что протестные кампании конца 1980-х - начала 1990-х гг. по своему масштабу не достигали размаха 1987 г., они по-прежнему проходили очень остро и прекращались только после применения силовых методов со стороны полиции и военных. Один из антропологов заметил, что столкновения полиции и студентов в Южной Корее стали определенным ритуалом, необходимым обеим сторонам: полиции для того, чтобы демонстрировать конкретные действия в поддержании безопасности, а для студентов полиция являлась олицетворением репрессивного аппарата государства, осуществляющего диктат [6, с. 187].

В 1992 г. президентом РК становится Ким Ёнсам, который позиционировал себя как президента "новой эпохи", тем самым полностью дистанцируясь от авторитарного прошлого страны. Благодаря его реформам происходят качественные изменения в социальном протесте: от выступлений против режима и за свержение власти требования переходят в сферу политических реформ, от глобальных перемен к коррекции уже существующей политической системы с учетом интересов конкретных групп. Реакция государства на протестные акции также смягчается и уходит от массовых репрессий к умеренному сдерживанию. Это не означает, что протесты не подавлялись силовыми методами, однако отношения между государством и обществом в 1990-х гг. качественно отличались от 1970-х и 1980-х гг. [15].

Исследователи отмечают, что 1970 и 1980-е гг. в Республике Корея – это эпоха протеста со стороны народных масс как единой движущей силы демократии (движение минджун), в то время как в 1990-е гг. социальный протест перешел в разряд "симин" (кор. "гражданин"), т.е. индивидуализировался в рамках различных социальных групп. Парадигма движения минджун была

весьма гибкой, но в целом предполагала борьбу эксплуатируемых народных масс против диктатуры власти и капитала; в 1980-е гг. идеология этого движения получила марксистский окрас благодаря упору на классовое противоборство. После принятия конституции VI Республики и внедрения демократических институтов актуальность такой революционной по своей сути идеологии была утрачена.

С момента появления у корейцев возможности на законном основании выражать свои требования путем создания партий или общественных организаций, способных оказывать влияние на принятие властных решений в той или иной сфере, движение минджун пошло на спад. Если базовыми организациями движения в конце 1980-х гг. являлись Национальный совет представителей колледжей, Национальный совет рабочих организаций, Корейская конфедерация уличных торговцев, Корейская ассоциация национально-демократического движения, Корейский профсоюз учителей, Корейский профсоюзный конгресс, Лига фермеров, Национальная лига бедных [9, с. 55], то авангардом гражданского движения в начале 1990-х гг. становятся Гражданская коалиция за экономическую справедливость, Народное движение за демократию участия, Корейская федерация движения за защиту окружающей среды, Зеленая Корея, Движение за христианскую этику, Федерация корейских профсоюзов, Союз корейских учителей, Федерация корейских женщин и другие легальные организации. Очевидно, что формирование гражданского общества привело к появлению новых форм социального движения – протест стал многоуровневым [17, с. 72]. Возникло множество новых проблемных вопросов, начиная от методов проведения демократических преобразований до защиты потребителей или защиты окружающей среды. Государство и общество сформировали определенную структуру взаимодействия по решению конфликтных вопросов, а движение минджун стало критиковаться ввиду своей радикальности – его назвали "реликтом уходящей эпохи", в то время как его новой альтернативой стало "гражданское движение".

С другой стороны, очевидно, что социальное движение 1990-х гг. выросло из движения за демократию 1980-х гг. Многие нелегальные в авторитарный период организации минджун являлись основоположниками организаций, сформированных в рамках VI Республики. Их лидерами, в свою очередь, стали бывшие участники радикального движения против диктатуры, заработавшие свой политический капитал на ниве борьбы с авторитаризмом в 1970 и 1890-е гг. Активистов гражданского движения 1990-х гг. часто называют "поколение 3-8-6". Это люди, которым в 1990-е гг. было около 30 лет, в университете они учились в 1980-х гг., а рождены были в 1960-х гг. [3, с. 83–84]. Благодаря своим связям, полученным в рамках групповой политической борьбы еще в студенческие годы, в 1990-х гг. они стали привлекаться на руководящие посты в партии или общественные организации, которые стремились избавиться от авторитарного наследия и обновить свой политический имидж. Не все из "поколения 3-8-6" становились политиками – многие делали карьеру в бизнесе, судебной системе, образовании, СМИ. Таким образом, участники оппозиционного движения авторитарного периода, которые в течение почти трех десятилетий не имели возможности легально оказывать влияние на власть, в период VI Республики не просто обрели политический голос, они оказались в весьма выгодных условиях в рамках нового социально-политического порядка.

Результатом деятельности новых политических лидеров стала активная институализация общественных движений, за счет которой оно стало легальным и получило доступ к большому количеству политических ресурсов. На волне демократизации были учреждены такие организации, как Национальная комиссия по правам человека и Корейский фонд демократии, сформировано Министерство по вопросам гендерного равенства. С помощью подобных организаций и институтов произошло внедрение требований демократического движения в общественные программы и государственную политику.

В современной Южной Корее существуют как сторонники, так и оппоненты процесса "легализации социально-политического движения". Критики указывают на чрезмерный контроль со стороны правительства и утерю связи между политиками и народом, говоря о том, что партии отчуждены от народных масс и используют слишком умеренную тактику, превращаясь в неэффективные бюрократические структуры. С другой стороны, события 2016–2017 гг. (серии протестов против президента Пак Кынхе), показали, что вспышки соци-

альной активности под лозунгами движения за демократию способны и в настоящее время оказывать влияние на политический процесс в стране вплоть до смены властных структур. Сложно оценить степень "независимости" подобных всплесков от воли политических лидеров или структур, однако очевидно, что исторический опыт до сих пор "диктует" участникам политического процесса в РК десятилетиями настроенный алгоритм, в котором важным этапом на пути к демократическим преобразованиям являются массовые гражданские акции.

Литература

1. Толстокулаков И. А. Политическая модернизация в Южной Корее. Опыт историко-политологического анализа. Монография в 2-х ч. Ч. 1. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 366 с.
2. Bedeski R. The Transformation of South Korea: Reform and Reconstitution in the Sixth Republic Under Roh Tae Woo, 1987–1992. London and New York: Routledge, 1994. 208 p.
3. Cho Dae-yop. Korean Citizens' Movement Organizations: Their Ideologies, Resources, and Action Repertoires // Korea Journal. Vol. 46 (2). 2006. Pp. 68–98.
4. Cumings B. Korea's place in the sun. A modern history. New York : W.W. Norton & Company, 2005. 542 p.
5. Developmental Dictatorship and the Park Chung-hee Era: The Shaping of Modernity in the Republic of Korea. Byeong-cheon Lee (ed.). Paramus: Homa & Sekey Books, 2006. 384 p.
6. Grinker, R. R. Korea and Its Futures: Unification and the Unfinished War. New York: St. Martin's Press, 1998. 316 p.
7. Jones Z. The role of Christianity in South Korea's Democratization: 1948–1987. Seoul: Korea University, 2012. 69 p.
8. Katsiaficas G. Asia's unknown uprisings. Vol. 1. South Korean social movements in the 20th century. Oakland, CA : PM Press, 2013. 481 p.
9. Kim Sun-Chul. Democratization and Social Movements in South Korea: Defiant institutionalization. London and New York: Routledge, 2016. 182 p.
10. Kim R. Ch. Youth for nation: Culture and Protest in Cold War South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017. 264 p.
11. Kingston J. Dying for democracy: 1980 Gwangju uprising transformed South Korea // The Japan Times. – May 17, 2014. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2014/05/17/asia-pacific/politics-diplomacy-asia-pacific/dying-democracy-1980-gwangju-uprising-transformed-south-korea/#article_history (дата обращения: 20.07.2020).
12. Lee Myung-sik. The history of democratization movement in Korea. Seoul: Korea Democracy Foundation and Mat 18 Memorial Foundation, 2010. 173 p.
13. Park Mi. Organizing Dissent against Authoritarianism: The South Korean Student Movement in the 1980s // Korea Journal. Vol.45, № 3. 2005. Pp. 261–289.
14. Shin Myungsoon. Political protest in Korea // Social Science Review. Vol.16. 1985. Pp. 137–158.
15. South Korean Social Movements: From Democracy to Civil Society. Gi-Wook Shin, Paul Y Chang (ed.). London and New York: Routledge, 2011. URL: https://books.google.ru/books/about/South_Korean_Social_Movements.html?id=AvHGBQAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения 15.12.2019).
16. Yea S. Resistance and Geographies of Dissent in the Cholla Region of South Korea // University of Hawaii Press. Vol. 24(2000). 2000. Pp.69–93.
17. Ким Хоги. Симинсахвей куджова пендонг 1987–2000 (Гражданское общество: структура и изменения 1987–2000) // Хангук сахве. 3 (12). 2000. С. 63–87.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Tolstokulakov I. A. Politicheskaya modernizatsiya v YUzhnoj Koree. Opyt istoriko-politologicheskogo analiza. Monografiya v 2-kh ch. Ch. 1. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2007. 366 s.
2. Bedeski R. The Transformation of South Korea: Reform and Reconstitution in the Sixth Republic Under Roh Tae Woo, 1987–1992. London and New York: Routledge, 1994. 208 p.
3. Cho Dae-yop. Korean Citizens' Movement Organizations: Their Ideologies, Resources, and Action Repertoires // Korea Journal. Vol. 46 (2). 2006. Pp. 68–98.
4. Cumings B. Korea's place in the sun. A modern history. New York : W.W. Norton & Company, 2005. 542 p.

5. Developmental Dictatorship and the Park Chung-hee Era: The Shaping of Modernity in the Republic of Korea. Byeong-cheon Lee (ed.). Paramus: Homa & Sekey Books, 2006. 384 p.
6. Grinker, R. R. Korea and Its Futures: Unification and the Unfinished War. New York: St. Martin's Press, 1998. 316 p.
7. Jones Z. The role of Christianity in South Korea's Democratization: 1948–1987. Seoul: Korea University, 2012. 69 p.
8. Katsiaficas G. Asia's unknown uprisings. Vol. 1. South Korean social movements in the 20th century. Oakland, CA: PM Press, 2013. 481 p.
9. Kim Sun-Chul. Democratization and Social Movements in South Korea: Defiant institutionalization. London and New York: Routledge, 2016. 182 p.
10. Kim R. Ch. Youth for nation: Culture and Protest in Cold War South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017. 264 p.
11. Kingston J. Dying for democracy: 1980 Gwangju uprising transformed South Korea // The Japan Times. – May 17, 2014. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2014/05/17/asia-pacific/politics-diplomacy-asia-pacific/dying-democracy-1980-gwangju-uprising-transformed-south-korea/#article_history (data obrashheniya: 20.07.2020).
12. Lee Myung-sik. The history of democratization movement in Korea. Seoul: Korea Democracy Foundation and Mat 18 Memorial Foundation, 2010. 173 p.
13. Park Mi. Organizing Dissent against Authoritarianism: The South Korean Student Movement in the 1980s // Korea Journal. Vol.45, № 3. 2005. Pp. 261–289.
14. Shin Myungsoon. Political protest in Korea // Social Science Review. Vol.16. 1985. Pp. 137–158.
15. South Korean Social Movements: From Democracy to Civil Society. Gi-Wook Shin, Paul Y Chang (ed.). London and New York: Routledge, 2011. URL: https://books.google.ru/books/about/South_Korean_Social_Movements.html?id=AvHGBQAAQBAJ&redir_esc=y (data obrashheniya 15.12.2019).
16. Yea S. Resistance and Geographies of Dissent in the Cholla Region of South Korea // University of Hawaii Press. Vol. 24(2000). 2000. Pp.69–93.
17. Kim KHogi. Siminsakhveyj kudzhova pendong 1987–2000 (Grazhdanskoe obshchestvo: struktura i izmeneniya 1987–2000) // KHanguk sakhve. 3 (12). 2000. S. 63–87.

Ермолаева Е. М. Движение за демократию в Республике Корея (1970-е–1990-е гг.).

Автором предпринята попытка анализа движения за демократию в Республике Корея на этапе авторитаризма и периода демократизации. В работе рассматриваются предпосылки формирования движения, состав его участников, их основные идеологические установки и групповые интересы, а также ключевые аспекты институализации общественно-политического движения в Республике Корея в поставторитарный период.

Ключевые слова: Республика Корея, движение за демократию, социальные движения, авторитаризм, диктатура, демократические реформы

Ermolaeva E. M. Democracy movement in Republic of Korea (1970s–late 1990s).

Author analyzes the pro-democracy movement in the Republic of Korea at authoritarian and post-authoritarian period. The paper analyzes the prerequisites for the formation of the movement, its participants, their main ideological attitudes and group interests, as well as the process of institutionalization of the socio-political movement in the Republic of Korea in the post-authoritarian period.

Key words: Republic of Korea, democracy movement, social movements, authoritarianism, dictatorship, democratic reforms

Для цитирования: Ермолаева Е. М. Движение за демократию в Республике Корея (1970-е–1990-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 141–148. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/141-148

For citation: Ermolaeva E. M. Democracy movement in Republic of Korea (1970s–late 1990s) // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 141–148. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/141-148

УДК 30;327;327.7

Писарев И. И.

Общественные предубеждения против лоббирования и его регулирование как способ их преодоления

Введение

Институт лоббирования является признанным легальным демократическим институтом, обеспечивающим самое широкое участие всех заинтересованных сторон в политическом процессе [14, с. 339; 29, с. 142; 18, с. 684; 22, с. 165]. Лоббирование привлекает к себе внимание общественности и исследователей, являясь спорным и неоднозначно оцениваемым явлением, поскольку его окружает большое количество предубеждений в виде мифов, заблуждений и стереотипов, преодоление которых может помочь лучше понять роль лоббирования в политике. В странах, в которых лоббирование не регулируется, в глазах общественности оно зачастую сводится к коррупции. *Однако является ли лоббирование формой ее проявления?* Вопрос этот не так прост, как кажется, поскольку на него имеется несколько ответов, связанных с тем, каковы варианты понимания этого явления в общественной и политической жизни.

В настоящее время в мире существует около двух десятков стран, в которых были приняты законы, регулирующие лоббистскую деятельность как на национальном, так и на субнациональном уровнях. Кроме этого, практика регулирования этой деятельности существует и в Европейском союзе на наднациональном уровне. Три международные организации: Содружество независимых государств, Организация экономического сотрудничества и развития и Совет Европы – выработали рекомендации по принятию законодательства, призванного регулировать лоббистскую деятельность среди своих государств-участников. Рост количества стран, принимающих такое законодательство, растет год от года, особенно активно он происходил последние два десятилетия, хотя практика регулирования лоббирования существует уже более 70 лет.

Целью регулирования является обеспечение прозрачности и подотчетности и лоббистов, и государственных служащих, с которыми они взаимодействуют при разработке законодательства, служащего интересам как групп частных, так и групп общественных интересов. Такое регулирование должно создавать равные условия для участия в политике групп интересов всех заинтересованных сторон [30, с. 3].

Предметом данного исследования являются существующие в обществе предубеждения против лоббирования, негативным образом сказывающиеся на его общественном восприятии. Новизна исследования заключается в том, что впервые в научной литературе в нем проводится анализ наиболее распространенных общественных предубеждений, касающихся такого важного явления общественной жизни, как лоббирование.

Лоббирование в политической науке и науке о международных отношениях

Лоббирование изучается учеными уже более сотни лет. В исследовательской сфере накоплен огромный объем публикаций на эту тему и сформирован набор теоретических подходов к ее пониманию. Лоббирование исследуется применительно как к демократическим, так и к недемократическим режимам. Наиболее обширно оно исследовано в демократиях. Существует несколько объясняющих данное явление теорий: плюрализм (классический

плюрализм, неоплюрализм, плюрализм элит) [10; 31; 16], корпоратизм (классический корпоратизм, неокорпоратизм) [28], Теория коллективных действий [26], Теория спроса и предложения средств доступа (англ. – *Theory of demand and supply of access goods*) [11], Теория использования множественности точек доступа для представительства групповых интересов (англ. – *Venue shopping theory*) [9] и др. Также для анализа политики групп интересов используются такие подходы, как реализм [27] и марксизм [29], которые не предлагают новых теоретических объяснений лоббизма, но исходят из позиций его классово-критики.

Разделом политических наук, включая науку о международных отношениях, в котором осуществляется изучение лоббирования и адвокатирувания, является *политика групп интересов*. Данное название распространяется не только на научную поддисциплину, исследующую эти явления, но и на обозначение явления общественной жизни, в котором осуществляется взаимодействие групп интересов как с властными институтами, так и групп интересов друг с другом и с обществом.

Мифы, заблуждения и стереотипы о лоббировании

Среди исследователей существует широкая палитра оценок лоббирования. Бывший директор Бруклинской юридической школы Николас Аллард говорит о том, что восприятие лоббистов как коррумпированной и антидемократической силы основывается в большей мере на мифах, чем на фактах [8, с. 210]. Лоббирование было, остается и, видимо, в будущем продолжит быть очень спорной темой в сферах общественного и научного дискурса: у этого явления есть много как поборников, так и критиков. Лоббирование окружает масса общественных мифов, заблуждений и стереотипов. Ниже рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, в обществе существует заблуждение относительно того, что **лоббирование – явление, связанное с продвижением лишь частных интересов** компаний, корпораций и т.д. Реальность отличается от такого узкого понимания этого явления тем, что в обществе существуют не только частные, но и общественные интересы. Продвижением *частных* и *общественных* интересов занимаются *группы интересов*. В то время как представительство частных интересов называют *лоббированием* или *лоббизмом* (англ. – *lobbying*), представительство общественных интересов называют *адвокатированием* (англ. – *advocacy*). Несмотря на то, что термин "лоббирование" уже активно закрепился в русском языке порядка трех десятилетий назад [4, с. 232], термин "адвокатирование" пока не получил такой же распространенности, из-за чего чаще всего в русском языке говорят не об *адвокатировании*, а о *лоббировании общественных интересов*, что не очень правильно с точки зрения терминологии, но допустимо с точки зрения простоты понимания. Обобщающим для терминов *лоббирование* и *адвокатирование* является термин *представительство интересов* (англ. – *interest representation*).

Во-вторых, в общественной дискуссии существует широкое (обывательское) понимание того, что **лоббирование – это продвижение интересов компаний на рынке, магнатов в экономике, партий в политике, звезд в шоу-бизнесе, интересов отдельных сотрудников в деятельности предприятия и т.д.** Такое широкое понимание рассматриваемого явления не представляется верным в силу своей размытости. С научной точки зрения более приемлемым является "узкое" понимание лоббирования как оказание воздействия не на любое лицо-объект воздействия, а на законодательные (реже – исполнительные) органы власти с целью изменения правовых норм, регулирующих отношения в обществе, в интересах той или иной группы интересов [2, с. 101]. "Широкое" понимание лоббирования, существующее в общественном дискурсе, видимо, лучше определять через термин "оказание влияния", который пока не является объектом строго научного исследования, а в большей степени – категорией публицистики и популярной литературы, примером чего может быть книга Дейла Карнеги "Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей" [1].

В-третьих, существует заблуждение о том, что **"плохие" группы частных интересов в политике групп интересов всегда противостоят "хорошим" группам общественных интересов**. Несмотря на то, что зачастую

это так, в последнее время складывается тенденция считать победителями не тех лоббистов частных интересов, которые "побеждают" выразителей общественных интересов, а тех из них, кто находит компромисс между частными и общественными интересами [8, с. 210]. Более того, группы частных и группы общественных интересов в политике групп интересов в ЕС часто формируют коалиции для продвижения своих законопроектов, которые выражают интересы как частных, так и общественных групп, иначе у них будут нулевые шансы в принятии этих законопроектов.

В-четвертых, существует миф о том, что лоббирование всегда является непубличным и осуществляется за закрытыми дверями. Так дело тоже не обстоит, по крайней мере, в тех странах, где оно регулируется. В них лоббирование проходит не только в виде личных встреч лоббистов с законодателями, но и в виде проведения публичных общественных кампаний, в виде экспертных выступлений лоббистов на заседаниях парламента или его комитетов с докладами по теме обсуждаемого законодательства, в виде участия лоббистов в деятельности сетевых структур и коалиций, продвигающих тот или иной законопроект, и многих других открытых публичных способов лоббирования.

В-пятых, существует устойчивый стереотип о том, что лоббирование является процессом, подрывающим демократию, поскольку оно предоставляет доступ к властным институтам только финансово обеспеченным группам частных интересов за счет групп общественных интересов. Данный вопрос в 1960-е гг. стал предметом теоретического столкновения между классическим плюрализмом и реализмом, однако в настоящее время оно утратило свою остроту. Теперь победа в политике групп интересов может достаться группе интересов, которая, не обладая значительными финансовыми ресурсами, может обойти группы частных интересов, которые такими ресурсами обладают, благодаря массовой мобилизации поддерживающих ее людей и других групп интересов посредством формирования с ними сетевых структур и коалиций.

В-шестых, существует миф о том, что для продвижения любых интересов в законодательном органе необходим сильный лоббист, который своим коррупционным воздействием на законодателя решит любой вопрос. Это тоже не так: успешная работа по продвижению любого законопроекта требует участия и консолидированных действий десятков, если не сотен групп интересов и лоббистов [33], ратующих за принятие нового закона или изменение или отмену уже существующего. Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что в политике групп интересов один лоббист – в поле не воин.

В-седьмых, в обществе бытует заблуждение о том, что лоббист – это специалист по найму, который выполняет заказы исключительно частных заказчиков. На самом деле, типов организаций, которые могут продвигать свои интересы в законодательных органах, намного больше. Так, Реестр прозрачности в Европейском союзе указывает большое количество категорий лоббистов. Кроме классических наёмных лоббистов из профессиональных консалтинговых компаний и юридических фирм, а также самозанятых консультантов в Реестре прозрачности перечисляются "внутренние" лоббисты, представляющие компании и группы, отраслевые и деловые организации, профсоюзы и профессиональные ассоциации; активисты, представляющие некоммерческие организации, платформы и сети; представители аналитических центров, исследовательских и учебных заведений; лоббисты, представляющие интересы церкви и религиозных сообществ; представители местных, региональных и муниципальных органов власти и т.д.

В-восьмых, существует стереотип о том, что лоббистская деятельность – это серая зона, в которой не существует никаких правил и ограничений, из-за чего лоббисты в своей работе чувствуют себя ничем не связанными [19]. И этот стереотип оказывается ошибочным: во многих странах мира существуют законы, регулирующие лоббирование посредством создания реестров лоббистов, кодексов поведения лоббистов, а также посредством многочисленных других мер. В тех странах, где такая практика отсутствует, существует саморегулирование деятельности лоббистов благодаря правилам поведения лоббистов, которые разрабатывают их ассоциации. Кроме того, су-

ществует уголовное преследование в виде антикоррупционного законодательства для тех лоббистов, которые в своей деятельности преступают закон. Все эти меры регулирования не являются панацеей, но вместе с тем они являются действенными средствами, помогающими в решении проблемы коррупции, связанной с лоббистской деятельностью.

В-девятых и самых главных, в общественной дискуссии существует заблуждение относительно того, что **лоббирование обязательно связано с коррупцией**, что тоже не соответствует действительности, поскольку выведению явления лоббирования из коррупционного поля способствует введение института регулирования последнего на институциональном уровне. Если такого регулирования нет, то вероятность превращения лоббирования в коррупцию в отдельно взятой стране будет повышаться [20; 23]. При этом интересным фактом является то, что если можно говорить о тенденции к превращению лоббирования в коррупцию при отсутствии должного регулирования, то аналогичной тенденции не наблюдается в отношении адвокатирования, потому что смысл коррупции – в обеспечении частного блага ограниченному количеству людей, в то время как смысл адвокатирования – в обеспечении общественного блага если не всем, то многим людям. Иначе говоря, *кто понесет взятку депутату законодательного органа с целью того, чтобы принять важный для всех членов общества закон о сохранении экологии?*

В преодолении многих, если не всех, общественных предубеждений, проявляющих себя в виде мифов, заблуждений и стереотипов в отношении лоббирования, в его нормализации как политического института действенным средством является введение правового регулирования лоббирования.

Регулирование лоббистской деятельности

Регулирование лоббирования в последние два десятилетия во многих странах мира становится важным элементом политики групп интересов. Регулирование обеспечивает прозрачность и подотчетность деятельности лоббистов и государственных служащих, на которых они оказывают воздействие с целью принятия нового законодательства. Такое регулирование распространяется на обе стороны процесса лоббирования – как на самих лоббистов, так и на государственных служащих, с которыми они взаимодействуют.

Целями регулирования лоббирования обычно являются:

- снижение рисков преобразования лоббирования в коррупцию и ограничение коррупционного пространства;
- признание лоббирования важной и законной частью политического процесса;
- обеспечение прозрачности лоббистской деятельности;
- обеспечение прозрачности в процессе принятия решений, в которой свой вклад могли бы вносить все заинтересованные участники политического процесса [21].

В настоящее время регулирование лоббистской деятельности осуществляется на нескольких уровнях:

- национальном;
- субнациональном (на уровне провинций, штатов и т.д.);
- наднациональном (на уровне международных организаций).

Наиболее широко распространённым регулирование лоббирования является на национальном уровне (в настоящее время более 20 стран мира осуществляют такое регулирование). Три европейские страны, Австралия, Канада и США также регулируют его на субнациональном уровне.

К странам, которые осуществляют регулирование лоббистской деятельности, можно отнести следующие страны (в скобках указывается год принятия закона, регулирующего лоббистскую деятельность):

- США (1946);
- Германия (1951);
- Австралия (1983);
- Канада (1989);
- Грузия (1998);
- Литва (2001);

- Италия (2002 – только на субнациональном уровне в регионе Таскана);
- Перу (2003);
- Польша (2005);
- Венгрия (2006, однако закон отменен в 2011 г.);
- Израиль (2008);
- Македония (2008);
- Тайвань (2008);
- Мексика (2010);
- Словения (2010);
- Австрия (2012);
- Голландия (2012);
- Чили (2014);
- Великобритания (2014); Шотландия (2016);
- Испания (2014 – только на субнациональном уровне в автономном сообществе Каталония);
- Ирландия (2015);
- Франция (2016) [13; 17; 24; 32].

Большая часть из перечисленных выше стран является странами-участницами ЕС. Азия в списке представлена только Тайванем, а Латинская Америка – такими странами, как Перу, Чили и Мексика. Только на субнациональном уровне регулируют лоббистскую деятельность две страны: Италия и Испания. Великобритания реализует такое регулирование как на национальном, так и на субнациональном уровнях (в Шотландии), также как и Австралия, Канада и США, в которых регулирование происходит как на федеральном уровне, так и на уровне штатов и провинций.

Говоря о регулировании лоббистской деятельности на наднациональном уровне, необходимо отметить, что ЕС пока является единственным примером такого рода, однако три другие международные организации выработали рекомендации по такому регулированию для своих стран-участниц. Среди них – Содружество независимых государств (Модельный закон "О регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти от 15 ноября 2003 г. № 22–16) [3], Организация экономического сотрудничества и развития (Рекомендации Совета ОЭСР по принципам прозрачности и честности в лоббистской деятельности 2010 г.) [25] и Совет Европы (Рекомендация *CM/Rec(2017)2* с пояснительной запиской 2017 г.) [15].

Кроме того, необходимо отметить, что страны мира можно разделить на те, которые регулируют лоббистскую деятельность, и на те, которые этого не делают. Среди стран, которые это делают, существует несколько подходов к ее регулированию:

- *саморегулирование* с помощью ассоциаций лоббистов;
- *добровольное* регулирование с помощью регистрации в реестре лоббистов;
- *обязательное* регулирование с помощью регистрации в реестре лоббистов.

В большинстве стран мира регулирование лоббирования *отсутствует*. Вместе с тем дискуссии о его введении во многих из них идут в последние десятилетия благодаря разработке законопроектов о регулировании деятельности лоббистов. К таким странам¹ относятся Россия (1992, 1996, 1997, 2003, 2012, 2013, 2014, 2015, 2019) [5; 6, с. 316; 7, с. 90], Чехия (2013), Дания (2012), Эстония (2012), Румыния (2011, 2014), Словакия (2012, 2016) [17] и многие другие.

Примерами стран, в которых осуществляется *саморегулирование* лоббистской деятельности, можно отнести такие страны, как Чехия (Чешская ассоциация лоббистов, с 2012 г.), Латвия (Латвийская лоббистская ассоциация, с 2012 г.), Испания (Ассоциация профессионалов в области институциональных отношений), Швеция (Ассоциация профессионалов в области коммуника-

¹ В скобках указан год рассмотрения законопроекта о введении регулирования лоббирования или год проведения дискуссии по его теме в законодательном органе страны.

ций, с 2005 г.), Хорватия (Хорватское общество лоббистов, с 2008 г.) и Италия (Ассоциация *Il Chiostro* и *Ferpi*) [17].

К странам, которые ввели *добровольное* регулирование лоббистской деятельности относятся: Дания, Германия, Испания, Великобритания. В добровольном порядке регулирование лоббистской деятельности осуществляется и во властных институтах ЕС – в Европейском парламенте и Европейской комиссии. Однако по факту можно говорить о том, что в ЕС оно является обязательным ввиду обязательности регистрации представителей групп интересов в Реестре прозрачности, в котором ведется учет всех физических и юридических лиц, осуществляющих лоббистскую деятельность. Кроме того, в Европейской комиссии и Европейском парламенте уже не первый год ведется дискуссия о смене характера регулирования с добровольной на обязательную [17].

К странам, которые ввели *обязательное* регулирование лоббистской деятельности, относятся: США, Австрия, Литва, Голландия, Польша, Словения, Испания (Каталония), Великобритания (Шотландия) [17].

Заключение

В обществе существует несколько довольно распространенных устойчивых мифов, заблуждений и стереотипов о лоббировании, которые делают научное и общественное восприятие этого явления столь противоречивым. В особенности это характерно для общественного восприятия, в котором демонизируется многое из лоббистской деятельности, а работа лоббистов воспринимается как подрывающая демократию и коррумпирующая политический класс.

Средством преодоления такого отношения со стороны общества и нормализации института лоббирования является введение его регулирования, которое может помочь в очистке фактов его сути от мифов, заблуждений и стереотипов [12].

Регулирование лоббирования стало распространенным явлением в законодательстве чуть больше чем двух десятков стран мира в последние двадцать лет. В большинстве своем эти страны входят в состав Европейского союза. Регулирование лоббирования в этих и других странах происходит как на национальном, так и на субнациональном уровнях.

Практика регулирования лоббистской деятельности обсуждалась и применительно к нашей стране. В России несмотря на то, что разными составами Государственной думы в период с 1992 по 2019 гг. принималось пять попыток принять закон о регулировании лоббистской деятельности, такого регулирования пока так и не появилось.

Кроме того, регулирование лоббистской деятельности возможно и на наднациональном уровне. Вместе с тем в настоящее время нет обширного опыта регулирования лоббистской деятельности на наднациональном уровне в международных организациях. Сейчас существует лишь одна международная организация, которая регулирует лоббистскую деятельность в двух своих властных институтах – Европейский Союз, который реализует данную практику в Европейском парламенте и Европейской комиссии, где регулирование представителями интересов групп частных и общественных интересов осуществляется с высокой степенью эффективности.

Помимо этого, практика регулирования лоббирования становится настолько распространенной в странах мира, что в настоящее время уже разработаны рекомендации трех международных организаций по этому вопросу для стран, которые рассматривают вопрос введения регулирования лоббирования. В настоящее время наиболее всеобъемлющими и полными считаются рекомендации по регулированию лоббирования, разработанные Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые могут являться полезным инструментом для любой из стран мира, которая может принять решение о введении регулирования лоббистской деятельности на своей территории.

Литература

1. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Digest Media, Попурри, 1991. 416 с.
2. Копышев В. Н., Сергунин А. А. О понятийном аппарате в исследованиях феномена лоббизма // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 100–107.
3. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. Модельный закон "О регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти" № 22–16 от 15 ноября 2003 года, 2003.
4. Писарев И. И. Сопоставительный анализ использования ключевых англоязычных и русскоязычных терминов политики групп интересов // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6 (63). С. 212–241.
5. ТАСС. В Госдуме сообщили о проработке проекта о легализации лоббизма для борьбы с коррупцией. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/5981098>. (дата обращения: 15.05.2020).
6. Тимофеев И. В. Правовое регулирование лоббистской деятельности в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 3. С. 315–317.
7. Толмачева И. В. Динамика формирования института лоббизма в России // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2017. Т. 30, № 6.
8. Allard N. W. The Seven Deadly Virtues of Lobbyists: What Lawyer Lobbyists Really Do // Election Law Journal. 2014. Vol. 13, № 1. Pp. 210–219.
9. Baumgartner F. R., Jones B. D. Agenda dynamics and policy subsystems // The Journal of Politics. 1991. Vol. 53, № 04. Pp. 1044–1074.
10. The Process of Government: A Study of Social Pressures. Bentley A. F. Chicago: University of Chicago Press, 1908. 501 p.
11. Bouwen P. Corporate lobbying in the European Union: the logic of access // Journal of European Public Policy. 2002. Vol. 9, № 3. Pp. 365–390.
12. Burson-Marsteller. Effective Lobbying in Europe: The View of Policymakers. 2013. 80 p.
13. Regulating lobbying: a global comparison. Chari R., Hogan J., Murphy G., Crepez M.: Manchester University Press, 2020.
14. Coen D. Empirical and theoretical studies in EU lobbying // Journal of European Public Policy. 2007. Vol. 14, № 3. Pp. 333–345.
15. Committee of Ministers of the Council of Europe. Recommendation CM/Rec(2017)2 and explanatory memorandum on Legal Regulation Of Lobbying Activities In The Context Of Public Decision Making.
16. Pluralist Democracy in The United States: Conflict and Consent. Dahl R. A. Chicago: Rand McNally, 1967. 471 p.
17. Transparency of lobbying in Member States: Comparative analysis. European Parliament. 36 p.
18. Hauser H. European Union Lobbying Post-Lisbon: An Economic Analysis // Berkeley Journal of International Law. 2011. Vol. 29, № 2. pp. 680–709.
19. Heller D. Public Affairs: the commonest misconceptions about lobbying through agencies. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.farner.ch/en/2015/06/the-commonest-misconceptions-about-lobbying-through-agencies/>. (дата обращения: 15.05.2020).
20. Regulating Lobbying: A Global Comparison. Hogan J., Chari R., Murphy G., 2010.
21. Laboutková Š., Šimral V., Vymětal P. Methodology of Research on Lobbying Regulation // Transparent Lobbying and Democracy Springer, 2020. Pp. 79–110.
22. Laboutková Š., Vymětal P. Key Elements of Transparent Lobbying: Relevance of Wider Approach // Public Policy and Administration. 2018. Vol. 17, № 2. Pp. 165–176.
23. Nownes A. Lobbying: The preconditions of an anti-corruption promise // U4 Issue. 2017. 24 p.
24. Núñez R. R., Sperduti M. The regulation of lobbying at sub-national level in Spain and in Italy // Diritto pubblico comparato ed europeo. 2018. Vol. 20, № 3. pp. 631–666.
25. OECD. Recommendation of the Council on Principles for Transparency and Integrity in Lobbying. 2010. 9 p.
26. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Olson M.: Harvard University Press, 1965. 186 p.
27. The Semi-Sovereign People: A Realist's View of Democracy in America. Schattschneider E. E.: Wadsworth Publishing, 1975. 176 p.
28. Schmitter P. Reflections on where the theory of neo-corporatism has gone and where the praxis of neo-corporatism may be going // Patterns of corporatist policy-making. Lehbruch G., Schmitter P. London: SAGE Publications, 1982. pp. 259–279.
29. Research guide to U.S. and international interest groups. Thomas C. S.: Praeger Publishers, 2004. 554 p.

30. International standards for lobbying regulation: Towards greater transparency, integrity and participation. 2015. 16 p.
31. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. Truman D. B.: Alfred A. Knopf, 1951. 544 p.
32. Influence Abroad: The state of global lobbying disclosure. Sunlight Foundation. Washington DC, 2016.
33. Wilson M. Top 10 lobbying victories of 2016. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://thehill.com/business-a-lobbying/310282-top-10-lobbying-victories-of-2016>. (дата обращения: 15.05.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Karnegi D. Kak zavoevyvat' druzej i okazyvat' vliyanie na lyudej. Digest Media, Popurri, 1991. 416 s.
2. Konyshov V. N., Sergunin A. A. O ponyatijnom apparate v issledovaniyakh fenomena lobbizma // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2011. № 6. С. 100–107.
3. Mezhparlamentnaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov SNG. Model'nyj zakon "O regulirovanii lobbistskoj deyatel'nosti v organakh gosudarstvennoj vlasti" № 22–16 ot 15 noyabrya 2003 goda, 2003.
4. Pisarev I. I. Sopostavitel'nyj analiz ispol'zovaniya klyuchevykh angloyazychnykh i russkoyazychnykh terminov politiki grupp interesov // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2018. № 6 (63). S. 212–241.
5. TASS. V Gosdume soobshhili o prarabotke proekta o legalizatsii lobbizma dlya bor'by s korruptsiej. 2019. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/politika/5981098>. (data obrashheniya: 15.05.2020).
6. Timofeev I. V. Pravovoe regulirovanie lobbistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federatsii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. YUridicheskij zhurnal. 2017. № 3. S. 315–317.
7. Tolmacheva I. V. Dinamika formirovaniya instituta lobbizma v Rossii // Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta. 2017. T. 30, № 6.
8. Allard N. W. The Seven Deadly Virtues of Lobbyists: What Lawyer Lobbyists Really Do // Election Law Journal. 2014. Vol. 13, № 1. Pp. 210–219.
9. Baumgartner F. R., Jones B. D. Agenda dynamics and policy subsystems // The Journal of Politics. 1991. Vol. 53, № 04. Pp. 1044–1074.
10. The Process of Government: A Study of Social Pressures. Bentley A. F. Chicago: University of Chicago Press, 1908. 501 p.
11. Bouwen P. Corporate lobbying in the European Union: the logic of access // Journal of European Public Policy. 2002. Vol. 9, № 3. Pp. 365–390.
12. Burson-Marsteller. Effective Lobbying in Europe: The View of Policymakers. 2013. 80 p.
13. Regulating lobbying: a global comparison. Chari R., Hogan J., Murphy G., Crepez M.: Manchester University Press, 2020.
14. Coen D. Empirical and theoretical studies in EU lobbying // Journal of European Public Policy. 2007. Vol. 14, № 3. Pp. 333–345.
15. Committee of Ministers of the Council of Europe. Recommendation CM/Rec(2017)2 and explanatory memorandum on Legal Regulation Of Lobbying Activities In The Context Of Public Decision Making.
16. Pluralist Democracy in The United States: Conflict and Consent. Dahl R. A. Chicago: Rand McNally, 1967. 471 p.
17. Transparency of lobbying in Member States: Comparative analysis. European Parliament. 36 p.
18. Hauser H. European Union Lobbying Post-Lisbon: An Economic Analysis // Berkeley Journal of International Law. 2011. Vol. 29, № 2. pp. 680–709.
19. Heller D. Public Affairs: the commonest misconceptions about lobbying through agencies. 2015. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.farner.ch/en/2015/06/the-commonest-misconceptions-about-lobbying-through-agencies/>. (data obrashheniya: 15.05.2020).
20. Regulating Lobbying: A Global Comparison. Hogan J., Chari R., Murphy G., 2010.
21. Laboutková Š., Šimral V., Vymětal P. Methodology of Research on Lobbying Regulation // Transparent Lobbying and DemocracySpringer, 2020. Pp. 79–110.
22. Laboutková Š., Vymětal P. Key Elements of Transparent Lobbying: Relevance of Wider Approach // Public Policy and Administration. 2018. Vol. 17, № 2. Pp. 165–176.
23. Nownes A. Lobbying: The preconditions of an anti-corruption promise // U4 Issue. 2017. 24 p.
24. Núñez R. R., Sperduti M. The regulation of lobbying at sub-national level in Spain and in Italy // Diritto pubblico comparato ed europeo. 2018. Vol. 20, № 3. pp. 631–666.

25. OECD. Recommendation of the Council on Principles for Transparency and Integrity in Lobbying. 2010. 9 p.
26. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Olson M.: Harvard University Press, 1965. 186 p.
27. The Semi-Sovereign People: A Realist's View of Democracy in America. Schattschneider E. E.: Wadsworth Publishing, 1975. 176 p.
28. Schmitter P. Reflections on where the theory of neo-corporatism has gone and where the praxis of neo-corporatism may be going // Patterns of corporatist policy-making. Lehmruch G., Schmitter P. London: SAGE Publications, 1982. pp. 259–279.
29. Research guide to U.S. and international interest groups. Thomas S. S.: Praeger Publishers, 2004. 554 p.
30. International standards for lobbying regulation: Towards greater transparency, integrity and participation. 2015. 16 p.
31. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. Truman D. B.: Alfred A. Knopf, 1951. 544 p.
32. Influence Abroad: The state of global lobbying disclosure. Sunlight Foundation. Washington DC, 2016.
33. Wilson M. Top 10 lobbying victories of 2016. 2016. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://thehill.com/business-a-lobbying/310282-top-10-lobbying-victories-of-2016>. (data obrashheniya: 15.05.2020).

Писарев И. И. Общественные предубеждения против лоббирования и его регулирование как способ их преодоления.

Данная статья рассматривает широкий спектр предубеждений против лоббирования, которые существуют в обществе в виде мифов, заблуждений и стереотипов. Эти предубеждения искажают картину реальности в отношении лоббирования, преодолению чего может способствовать введение его регулирования. Подобная практика существует в настоящее время более чем в 20 странах, большая часть из которых входит в ЕС. Регулирование лоббирования осуществляется в этих и других странах как на национальном, так и на субнациональном уровнях. Также ЕС дает пример наднационального регулирования лоббирования. Распространение регулирования лоббистской деятельности в разных странах мира стимулировало несколько международных организаций, таких как СНГ, ОЭСР и Совет Европы, к выработке рекомендаций для своих государств-участников в этой сфере.

Ключевые слова: лоббирование, лоббизм, адвокатирование, представительство интересов, группы интересов, политика групп интересов, Европейский союз, регулирование лоббирования, реестр лоббистов, Реестр прозрачности

Pisarev I. I. Public Biases Against Lobbying and Its Regulation as a Way to Overcome Them.

This article focuses on a wide range of biases against lobbying, which emerge as myths, misconceptions, and stereotypes. These biases skew the image of reality around lobbying, which can be addressed by the introduction of its regulation. Such practice exists in over 20 countries, most of them being members of the EU. Regulation of lobbying in these and other countries is practiced both at the national and the subnational levels. EU also gives an example of supranational regulation of lobbying. The proliferation of lobbying regulation across so many countries has encouraged international organizations such as the Commonwealth of Interdependent States, OECD, and the Council of Europe to develop recommendations on lobbying regulation for their country members.

Key words: lobbying, advocacy, interest representation, interest groups, interest group politics, European Union, lobbying regulation, lobbyist register, Transparency Register

---

Для цитирования: Писарев И. И. Общественные предубеждения против лоббирования и его регулирование как способ их преодоления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 149–157. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/149-157

For citation: Pisarev I. I. Public Biases Against Lobbying and Its Regulation as a Way to Overcome Them // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 149–157. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/149-157

Опыт развития эко-индустриальных парков АТР как ориентир внедрения циркулярной экономики в РФ

В последние годы трансформация традиционных линейных промышленных систем в более экологичные модели привлекает внимание правительств и международных организаций во всем мире. Так, в 2015 г. Организация Объединенных Наций приняла резолюцию, содержащую комплекс из 17 Целей устойчивого развития, одобренных всеми странами-участницами, включая Российскую Федерацию [9, 12]. Согласно данной резолюции, ключевым приоритетом устойчивого развития является переход к циркулярной и низкоуглеродной экономике, улучшающей производство возобновляемых биологических ресурсов и их преобразование в био-продукты и биоэнергию. Циркулярная экономика предполагает бережное использование ресурсов, их многократное повторное использование, а также переработку и захоронение отходов [6]. Мировой опыт демонстрирует, что эффективным инструментом для трансформации традиционной линейной экономической системы в циркулярные является создание особенных промышленных систем, ориентированных на экологичное производство, – эко-индустриальных парков (здесь и далее – ЭИП).

Несмотря на четкие ориентиры устойчивого развития мирового сообщества, декларированные Резолюцией ООН, в России за последние пять лет процессы внедрения принципов циркулярной и низкоуглеродной экономики в промышленность демонстрируют стагнацию. Причиной этого процесса являются несовершенство стратегического и нормативно-правового обеспечения современной промышленной политики, а также неработатность организационно-экономических механизмов формирования эко-индустриальных парков. В качестве начального этапа решения данной актуальной научно-практической проблемы может стать исследование зарубежного опыта формирования и функционирования промышленных объединений данного типа. Особенно интересна практика азиатских стран, так как возрастающая роль экономики данного региона в мировой политике, а также развитие международного сотрудничества стран АТР с Россией, заставляет уделить особое внимание опыту развития данной территории. Однако следует отметить, что не во всех странах АТР можно найти признаки формирования и функционирования ЭИП. По данным Организации Объединенных Наций, по промышленному развитию инициативы по созданию ЭИП осуществляются с 2005 г. в Южной Корее, Китайской Народной Республике и Вьетнаме. В этой связи особый исследовательский интерес представляет изучение опыта обозначенных выше стран.

Целью данной статьи является систематизация зарубежного опыта промышленной политики и эффектов, возникающих в результате функционирования ЭИП. Объектом данного исследования являются эко-индустриальные парки стран АТР, а предметом – промышленная политика в области их формирования и развития. Для реализации цели настоящего исследования в первую очередь необходимо определить значение понятия ЭИП.

В научной среде, как показано в *таблице 1*, нет единства мнений относительно трактовки термина "эко-индустриальный парк". В то же время в РФ данное понятие законодательно закреплено в "Стратегии развития промышленности по переработке, утилизации и удалению отходов производства и потребления к 2030 году" [1, 5]. Таким образом, эко-индустриальные парки яв-

ляются группой производственных и обслуживающих предприятий, которые стремятся повысить экологическую и экономическую эффективность путем взаимного сотрудничества в управлении снижением негативного воздействия на окружающую среду за счет бережного использования природных ресурсов.

Исходя из данного определения, необходимо определить критерии, которые позволят систематизировать данный зарубежный опыт таким образом, чтобы он был пригодным для применения в российских условиях хозяйствования. Первым критерием является изучение инициатора формирования данного промышленного объединения и мероприятий, способствующих данному процессу. Далее необходимо определить, насколько варьируется в данной стране состав участников данного ЭИП. В-третьих, важно оценить эффекты, к которым приводит его деятельность. Четвертым критерием будет являться обзор экологической составляющей данного процесса, а именно практик экологического менеджмента во внедрении в промышленное производство.

К лидерам в разработке стратегий развития ЭИП в странах АТР можно отнести Южную Корею, которая уже с 2005 г. инвестирует в программы по созданию эко-индустриальных парков и трансформации промышленных парков в экологические. Катализатором данного процесса следует считать принятие государством в 1995 г. Закона о содействии переходу на экологически чистую промышленность, создавшего институциональную основу, отвечающую стандарту ISO 14001.

На ранней экспериментальной стадии формирование ЭИП курировал Корейский национальный центр экологически чистого производства [3; 11], являющийся неправительственной организацией, которая содействует ресурсбережению. Однако в настоящее время надзор за деятельностью ЭИП в стране осуществляется Корейской корпорацией промышленного комплекса (KICOX) – организацией, входящей в состав Министерства экономики знаний (ранее Министерство торговли, промышленности и энергетики) [13; 15]. В подчинении у данной государственной корпорации находятся 8 региональных центров, которые управляют всеми процессами, начиная от разработки стратегии, и заканчивая организацией форумов и совещаний по результатам их функционирования.

Региональные центры также оказывают поддержку в разработке проектных предложений и финансировании по результатам оценки эффективности проектов в сотрудничестве с местными органами власти и связанными с ними организациями. В каждом региональном центре имеется консультативная группа, в состав которой входят представители местных органов власти, научно-исследовательских институтов и промышленности.

Таблица 1. Определения термина "эко-индустриальный парк"

Источник	Определение
Совет по устойчивому развитию при президенте Соединенных Штатов Америки 1996 года	Сообщество, состоящее из предприятий, деятельность которых направлена на эффективное совместное использование ресурсов для достижения улучшения экономического и экологического состояния
Стратегия развития промышленности по переработке, утилизации и удалению отходов производства и потребления к 2030 году	Комплекс объектов, объединенных энергетическими связями, включая здания и сооружения, технологическое и лабораторное оборудование, используемое для обработки, утилизации и обезвреживания отходов, обеспечения непрерывной переработки отходов в промышленные продукты
Университет Северной Каролины	Сети взаимодействующих компаний, которые функционируют как экосистема через рекуперацию ресурсов и отходов производства путем формирования симбиотических связей для улучшения экологических показателей и содействия региональному экономическому развитию
Коут Р.	Деловые сообщества, которые работают с местным сообществом для эффективного обмена ресурсами, такими как инфраструктура, материалы, энергия, инфраструктура и окружающая среда

Проектам оказывается государственная финансовая поддержка в размере не более 75%; дополнительное финансирование должно быть получено от представителей бизнес-сообщества. Все проекты, утвержденные для реализации в региональном центре, ежемесячно оцениваются КИСОХ.

Большинство из ЭИП реализованы с помощью формирования сетей промышленного симбиоза по совместному использованию энергии и ресурсов производства. Формирование на территории государства системы ЭИП привело к сокращению выбросов углекислого газа в промышленности на 48% по сравнению с 2004 г., прочие эффекты обозначены в *таблице 2*.

Базисом внедрения концепции циркулярной и низкоуглеродной экономики КНР следует считать законодательные инициативы Правительства. К ним относятся Закон о содействии более чистому производству, принятый в 2002 г., и План действий по предотвращению и борьбе с загрязнением воздуха, действующий с 2013 г. В 2018 г. Китай и ЕС подписали совместный Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области циркулярной экономики [16].

В области формирования и функционирования ЭИП в Китае существует национальный стандарт, действующий с 2006 г. Согласно данному стандарту, деятельность ЭИП должна быть обеспечена неукоснительным соблюдением всех государственных законов об охране окружающей среды и региональных правил по охране окружающей среды в течение трех лет, предшествующих формированию ЭИП, без каких-либо экологических происшествий или событий, наносящих экологический ущерб. Качество окружающей среды на территории функционирования ЭИП должно соответствовать национальным экологическим стандартам. Ни одно предприятие не должно превышать допустимые уровни загрязнения воды, воздуха, почв, установленных Государственным управлением по охране окружающей среды Китая и ее региональными правительствами.

Модель, позволяющая достигнуть соблюдение стандартов по минимизации вреда окружающей среде, – промышленный симбиоз. В то же время институциональное регулирование взаимодействия предприятий в условиях промышленного симбиоза в Китае ограничено только совместным использованием твердых или возобновляемых ресурсов. Как отмечается в рекоммен-

Таблица 2. Опыт стран АТР в создании и функционировании ЭИП

Страна АТР	Инициация и контроль	Эффекты	Особенности экоменеджмента
Южная Корея	- Корейский национальный центр экологически чистого производства (инициатор) - Корейская корпорация промышленного комплекса, входящей в Министерство экономики знаний (контроль)	- снижение энергопотребления за счет повторного использования тепла, образующегося при сжигании отходов; - снижение затрат на переработку отходов и закупку сырья	- взаимобмен и повторное использование ресурсов производства; - участие научного сообщества, местных органов власти
КНР	- Правительство (инициатор) - Министерство охраны окружающей среды КНР (контроль)	- снижение потребления ресурсов воды на производстве; - повышение уровня инвестиций в предприятия по переработке отходов и вторичного сырья	- строгая оценка и стандартизация по показателям охраны окружающей среды
Вьетнам	- ООН по промышленному развитию (инициатор); - Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды (контроль)	- снижение энергопотребления, расхода воды, топлива и уровня химических веществ и отходов; - сокращение выбросов углекислого газа; - создание новых рабочих мест	- налоговое и инвестиционное стимулирование со стороны государства; - учет влияния производства на состояние территории и мнение населения

Источник: составлено автором.

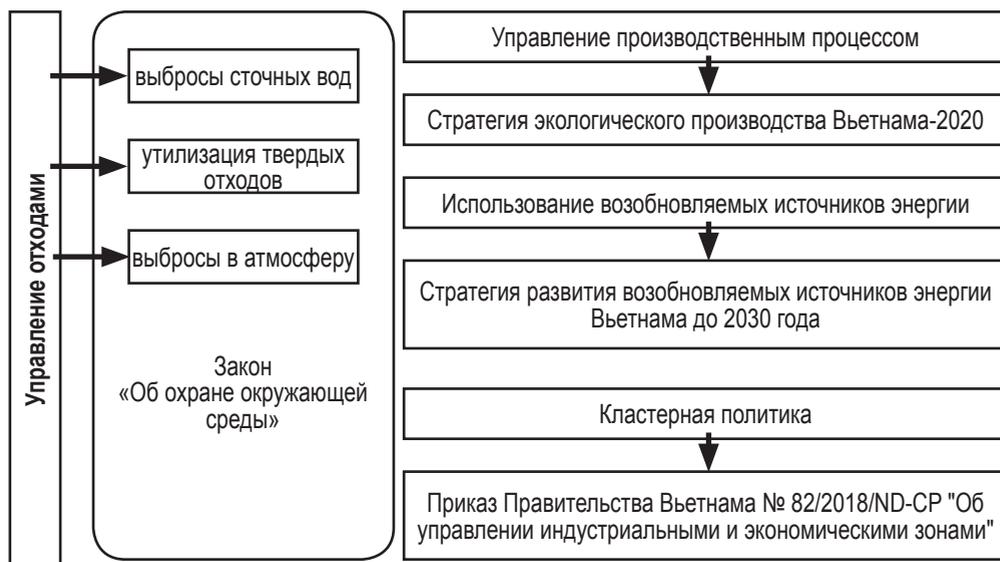

Рис 1. Система нормативно-правового регулирования формирования и функционирования ЭИП Вьетнама

даниях Организации Объединённых Наций по промышленному развитию, необходимы новые показатели, чтобы продемонстрировать, каким образом промышленный симбиоз действует в рамках ЭИП [18].

Система экологического менеджмента предприятий ЭИП основана на достижении допустимого уровня экологических показателей, а именно оценке показателей водо-, энерго- и ресурсопотребления на единицу промышленной добавленной стоимости. В то же время, по нашему мнению, крайне важно требовать систематического мониторинга потока материальных ресурсов, например, измерения материального потока и производительности ресурсов, а также стимулирования рынка вторичных ресурсов.

Также для предприятий-участников ЭИП отсутствуют социальные меры государственной поддержки, необходимы индикаторы, позволяющие оценить уровень занятости, среднюю заработную плату работников, степень охраны труда и технику безопасности. Меры государственной поддержки Правительства КНР не включают предоставление участникам, инвестирующим в инфраструктуру ЭИП, налоговых и кредитных каникул, предоставление административной поддержки.

Наибольшая поддержка и сопровождение внедрения ЭИП оказывается ООН по промышленному развитию во Вьетнаме, где с 2014 г. осуществляется их совместный международный проект "Реализация инициативы по созданию эко-промышленных парков для устойчивых промышленных зон во Вьетнаме". Именно данный проект можно считать в качестве ключевой инициативы, давшей старт внедрению ЭИП на территории данной страны. Нормативно-правовое обеспечение циркулярной экономики во Вьетнаме начало свое формирование с 2014 г., основная структура которого представлена на рисунке 1.

Основным правовым документом, который регулирует механизм функционирования ЭИП в рамках данного проекта, является Приказ Правительства Вьетнама № 82/2018/ND-CP от 18.05.2018 г. "Об управлении индустриальными парками и экономическими зонами" [4]. В соответствии с данным нормативно-правовым документом под ЭИП понимается промышленный парк, в котором предприятия занимаются более чистым производством и эффективным использованием природных ресурсов, а также сотрудничеством в производственном и промышленном симбиозе с целью повышения экономической, экологической и социальной эффективности предприятий [4]. Данный Приказ предоставляет особые преимущества для привлечения инвестиций в создание ЭИП и развитие их инфраструктуры.

Деятельность ЭИП Вьетнама, так же как и в других рассмотренных странах АТР, основана на экономической модели промышленного симбиоза. В отличие от других стран, к особенностям функционирования ЭИП следует отнести высокий уровень государственной поддержки его участникам.

Во-первых, процессы инвестирования в развитие ЭИП скоординированы в соответствии с государственной Инвестиционной целевой программой промышленных парков в области инфраструктуры. Если инвестор планирует внести свой вклад по направлениям данной целевой программы, он получает компенсацию в размере 25% от суммы своего вклада. Также инвестор будет иметь право на льготный кредит, максимальная сумма которого по каждому проекту составляет 70% от общего инвестиционного капитала (за исключением оборотных средств), а максимальный срок кредита, как правило, не должен превышать 12 лет. Предпочтение отдается тем предприятиям, которые кредитуются государственными структурами: Вьетнамским фондом охраны окружающей среды, Банком инвестиций и развития Вьетнама [2, 19]. Такие стимулы предоставляются именно тем промышленным организациям, которые строят техническую инфраструктуру ЭИП, применяя более чистые методы производства, более эффективно используя природные ресурсы или работающих в направлении промышленного симбиоза.

В дополнение к указанным выше инвестиционным стимулам по развитию инфраструктуры ЭИП предприятиям предоставляются следующие налоговые преференции:

- освобождение от налога на прибыль с предприятий в течение двух лет, а также 50% снижения подлежащего уплате налога в течение четырех последующих лет на доходы от новых инвестиционных проектов в ЭИП, расположенных в географических районах с неблагоприятными социально-экономическими условиями;
- 50% снижение подоходного налога для физических лиц, работающих в ЭИП;
- полный зачет входного налога на добавленную стоимость на товары или услуги, используемые для строительства или функционирования ЭИП;
- освобождение от арендной платы за землю, используемую для строительства инфраструктуры, используемой в промышленных парках, промышленных кластерах и зонах экспортной переработки для инвестирующих в инфраструктуру ЭИП предприятий [4].

Помимо политики в области налогового и инвестиционного стимулирования, государство также регулирует обеспечение трудовых и социальных преференций для членов и работников промышленных парков, однако пока по данному направлению существует немало проблем, например, низкий уровень оплаты труда работников ЭИП в сравнении со средней заработной платой по стране, отсутствие системы охраны труда [18].

По данным отчета ООН, решения Проекта в области ресурсосберегающего и экологически чистого производства позволили в общей сложности избежать ежегодной потребности в более чем 22 000 МВт/ч электроэнергии, более 600 000 м³ пресной воды, более 140 ТДж ископаемого топлива и почти 3600 тонн химических веществ и отходов. Эти решения также привели к сокращению выбросов углекислого газа на 32 тыс. тонн в год [21].

Опираясь на изученный зарубежный опыт, необходимо определить ключевые особенности формирования и функционирования ЭИП, учет которых позволит определить направления модернизации российской промышленности на основе соблюдения принципов циркулярной экономики.

В первую очередь следует отметить, что во всех рассмотренных примерах основным стимулом к формированию ЭИП является действующее нормативно-правовое поле, включающее в себя стандарты промышленного производства, ориентированные на соблюдение норм защиты окружающей среды. При этом, если государству не содействует ООН, существует длительный период между принятием данного законодательства и созданием ЭИП. Опыт Южной Кореи и КНР, показывает, что этот период занимает не одно десятилетие.

В то же время действующий с 2002 г. в РФ Федеральный закон № 7-ФЗ от 10.01.2002 г. "Об охране окружающей среды в РФ", национальный проект "Экология", действующий с 2018 г., а также "Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства

и потребления на период до 2030 года", принятая в том же году Распоряжением Правительства РФ от 25.01.2018 N 84-р, могут являться законодательным стимулом к зарождению ЭИП. Однако вопрос о том, насколько данное нормативно-правовое поле соответствует целям устойчивого развития, декларированных ООН, остается открытым и является предметом исследования для будущей статьи.

Во-вторых, основой сотрудничества между участвующими предприятиями в ЭИП являются бизнес-отношения по обмену энергетическими ресурсами, первичными и вторичными ресурсами производства, а также их отходами, что возможно в рамках экономической модели промышленного симбиоза. Взаимодействие предприятий должно быть скоординировано с учетом производственных циклов, а также определяющее значение для их эффективного развития имеет их географическая концентрация, поскольку она влияет на затраты при прокладке коммуникаций и прочие транзакционные издержки.

В Российской Федерации основой для ЭИП могут стать промышленные кластеры, которые необходимо совершенствовать путем внедрения в существующие производственные цепочки элементов промышленного симбиоза, направленного на повторное использование ресурсов и отходов производства и повышение долговечности используемых материалов. В то же время формирование производственных отношений на основе таких взаимодействий является сложным трудоемким процессом, реализация которого затруднена техническими, экономическими, информационными, организационными и правовыми факторами.

Институциональной основой формирования данных промышленных объединений должна стать кластерная политика РФ, ориентированная на разработку стратегий государственной поддержки экоиндустриальных парков и кластеров в части субсидирования инвестиционных затрат, предоставления налоговых льгот и каникул участникам ЭИП, а также обеспечения дотаций в области социального обеспечения его работников. Неотъемлемым элементом достижения целей устойчивого развития в области поддержки ЭИП должна также стать организационная поддержка, направленная на поощрение вовлечения заинтересованных сторон в деятельность ЭИП, базирующаяся на укреплении доверия между предприятиями.

Однако предоставление государственной поддержки должно быть строго регламентировано и базироваться на системе оценки эффективности ЭИП. Как показывает зарубежный опыт, функционирование ЭИП порождает экономические, социальные и экологические эффекты. К экономическим эффектам следует отнести сведение к минимуму потребления ресурсов производства, эффективное использование энергии, экономия материалов за счет технологий повторного использования, восстановления и утилизации. Экологические эффекты заключаются в улучшении показателей состояния окружающей среды и сокращении отходов производства, а социальные – в снижении безработицы, улучшении профессиональной квалификации работников ЭИП и уровня их образования, увеличении продолжительности жизни за счет улучшения экологии и т.д.

В последнее время в странах АТР вопросам разработки показателей для оценки ЭИП как на национальном, так и на международном уровне уделяется особое внимание. Их основой являются международные нормы оценки ЭИП, разработанные Организацией Объединенных Наций по промышленно-му развитию (ЮНИДО), Всемирным банком.

Основываясь на принципах промышленной экологии и симбиоза, критерии данной оценки в РФ должны охватывать экономические, социальные и экологические аспекты. Однако выбор правильных критериев, установление их пороговых значений оценки должны соответствовать национальным характеристикам и стратегии развития, действующим нормам и глобальным тенденциям.

Таким образом, ключевым фактором, способствующим успешному развитию ЭИП как эффективного инструмента циркулярной экономики в странах АТР, является активное участие различных заинтересованных сторон, в том числе Правительства, бизнеса, профессиональных объединений и ассоциаций. Этому способствуют, с одной стороны, разработанное стратегическое и нормативно-правовое поле, ориентированное на формирование ЭИП; с другой

стороны, система оценки и мониторинга эффективности экологически ориентированных промышленных объединений. В Российской Федерации внедренные организационно-экономические механизмы, побуждающих промышленные организации к бережному использованию ресурсов, их многократному повторному использованию, а также переработке и захоронению отходов, будет являться основой для перехода к циркулярной экономике.

Литература

1. Алабаева Н. С., Велицкая С. В., Малахова О. С. Развитие эко-индустриальных парков в России и за рубежом // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 6–1. С. 19–23.
2. Банк инвестиций и развития Вьетнама. URL: <https://web.archive.org/web/20080118040139/http://www.bidv.com.vn/> (дата обращения: 20.03.2020).
3. Корейский национальный центр экологически чистого производства. URL: <http://eng.me.go.kr/eng/web/main.do> (дата обращения: 20.03.2020).
4. Приказ Правительства Вьетнама № 82/2018/ND-CP от 18.05.2018 г. "Об управлении индустриальными парками и экономическими зонами". URL: <https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-01/Viet%20Nam%20Decree%2082.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).
5. Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 N 84-р "Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289114/ (дата обращения: 20.03.2020).
6. Circular economy package "Four legislative proposals on waste". Briefing EU Legislation in Progress, 2016.
7. Cote R. Designing EIPs: a synthesis of some experiences // Journal of Cleaner Production. 1998. № 6. P. 181–188.
8. Eco-Industrial Park Vietnam. URL: <http://eipvn.org/final-project-event-2/> (дата обращения: 20.03.2020).
9. Evseeva S., Kalchcnko O. Evseeva O. Innovative projects for sustainable development of cities (case of Saint-Petersburg) // MATEC Web of Conferences, 2018. Vol. 170, 02007.
10. Huang B., Geng Y, Zhao J. Review of the development of China's eco-industrial park standard system. Resources Conservation and Recycling (2019). URL: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2018.09.013>. (дата обращения: 20.03.2020).
11. Industrial Estate Authority of Thailand. URL: <https://www.ieat.go.th/> (дата обращения: 20.03.2020).
12. Kalchenko O., Evseeva S., Evseeva O. and Plis K. Circular economy for the energy transition in Saint Petersburg, Russia // E3S Web of Conferences 110. 2019. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201911002030> (дата обращения: 20.03.2020).
13. Korea Industrial Complex Corporation. URL: <http://www.kicox.or.kr/index.do> (дата обращения: 20.03.2020).
14. Lowe E. Eco-Industrial Handbook for Asian Developing Countries. URL: www.indigodev.com/Handbook.html (дата обращения: 20.03.2020).
15. Park J. M. Young Park and Hung-Suck Park A review of the National Eco-Industrial Park Development Program in Korea: progress and achievements in the first phase. 2005–2010 // Journal of Cleaner Production, 2016. 114. Pp. 33–44.
16. Sternfeld E. Routledge Handbook of Environmental Policy in China. Routledge, 2017. 384 p.
17. University of North Carolina. Camden country green industrial park feasibility study. URL: <http://wvzw.upv.es/contenidos/CAMUNISO/info/Uo723423.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).
18. UNIDO Handbook Eco-industrial parks Vietnam socio-economic requirements a review of international and Vietnamese experiences. Vienna, 2019. 68 p.
19. Vietnam Environment Protection Fund. URL: <https://www.vempf.vn/?lang=en-US> (дата обращения: 20.03.2020).
20. Vietnam National Green Growth Strategy <https://www.giz.de/en/downloads/VietNam-GreenGrowth-Strategy-giz2018.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).
21. Vietnam Renewable Energy Development Strategy 2016–2030 with outlook until 2050 (REDS) <https://www.iea.org/policies/6095-vietnam-renewable-energy-development-strategy-2016-2030-with-outlook-until-2050-reds> (дата обращения: 20.03.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Alabaeva N. S., Velitskaya S. V., Malakhova O. S. *Razvitie ehko-industrial'nykh parkov v Rossii i za rubezhom* // *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2019. № 6–1. S. 19–23.
2. Bank investitsij i razvitiya V'etnama. URL: <https://web.archive.org/web/20080118040139/http://www.bidv.com.vn/> (data obrashheniya: 20.03.2020).
3. Korejskij natsional'nyj tsentr ehkologicheskii chistogo proizvodstva. URL: <http://eng.me.go.kr/eng/web/main.do> (data obrashheniya: 20.03.2020).
4. Prikaz Pravitel'stva V'etnama № 82/2018/ND-CP ot 18.05.2018 g. "Ob upravlenii industrial'nymi parkami i ehkonomicheskimi zonami". URL: <https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-01/Viet%20Nam%20Decree%2082.pdf> (data obrashheniya: 20.03.2020).
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.01.2018 N 84-r "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya promyshlennosti po obrabotke, utilizatsii i obezvrezhivaniyu otkhodov proizvodstva i potrebleniya na period do 2030 goda". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289114/(data obrashheniya: 20.03.2020).
6. Circular economy package "Four legislative proposals on waste". Briefing EU Legislation in Progress, 2016.
7. Cote R. Designing EIPs: a synthesis of some experiences // *Journal of Cleaner Production*. 1998. № 6. P. 181–188.
8. Eco-Industrial Park Vietnam. URL: <http://eipvn.org/final-project-event-2/> (data obrashheniya: 20.03.2020).
9. Evseeva S., Kalchenko O. Evseeva O. Innovative projects for sustainable development of cities (case of Saint-Petersburg) // *MATEC Web of Conferences*, 2018. Vol. 170, 02007.
10. Huang V., Geng Y, Zhao J. Review of the development of China's eco-industrial park standard system. *Resources Conservation and Recycling* (2019). URL: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2018.09.013>. (data obrashheniya: 20.03.2020).
11. Industrial Estate Authority of Thailand. URL: <https://www.ieat.go.th/> (data obrashheniya: 20.03.2020).
12. Kalchenko O., Evseeva S., Evseeva O. and Plis K. Circular economy for the energy transition in Saint Petersburg, Russia // *E3S Web of Conferences* 110. 2019. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201911002030> (data obrashheniya: 20.03.2020).
13. Korea Industrial Complex Corporation. URL: <http://www.kicox.or.kr/index.do> (data obrashheniya: 20.03.2020).
14. Lowe E. Eco-Industrial Handbook for Asian Developing Countries. URL: www.indigodev.com/Handbook.html (data obrashheniya: 20.03.2020).
15. Park J. M. Young Park and Hung-Suck Park A review of the National Eco-Industrial Park Development Program in Korea: progress and achievements in the first phase. 2005–2010 // *Journal of Cleaner Production*, 2016. 114. Pp. 33–44.
16. Sternfeld E. *Routledge Handbook of Environmental Policy in China*. Routledge, 2017. 384 p.
17. University of North Carolina. Camden country green industrial park feasibility study. URL: <http://wvzw.upv.es/contenidos/CAMUNISO/info/Uo723423.pdf> (data obrashheniya: 20.03.2020).
18. UNIDO Handbook Eco-industrial parks Vietnam socio-economic requirements a review of international and Vietnamese experiences. Vienna, 2019. 68 p.
19. Vietnam Environment Protection Fund. URL: <https://www.vepf.vn/?lang=en-US> (data obrashheniya: 20.03.2020).
20. Vietnam National Green Growth Strategy <https://www.giz.de/en/downloads/Vietnam-GreenGrowth-Strategy-giz2018.pdf> (data obrashheniya: 20.03.2020).
21. Vietnam Renewable Energy Development Strategy 2016–2030 with outlook until 2050 (REDS) <https://www.iea.org/policies/6095-vietnam-renewable-energy-development-strategy-2016-2030-with-outlook-until-2050-reds> (data obrashheniya: 20.03.2020).

Титова Н. Ю. Опыт развития эко-индустриальных парков АТР как ориентир внедрения циркулярной экономики в РФ.

В последнее время на международном уровне поднимаются вопросы ухудшения экологической ситуации. Теоретическая основа для решения проблем окружающей среды связана с внедрением нового подхода в организации экономики – формирование циркулярной экономики, основным инструментом которой являются новые промышленные системы – эко-индустриальные парки. Основные принципы их функционирования заключаются в том, чтобы сделать циклы промышленного производства замкнутыми в целях экономии материалов, сокращения выбросов и повышения эффективности использования ресурсов при одновременном повышении качества жизни работников и сообществ. Статья посвящена зарубежному опыту формирования и функционированию эко-индустриальных парков в странах АТР, систематизация которого является основой для внедрения циркулярной экономики в РФ.

Ключевые слова: *циркулярная экономика, эко-индустриальные парки, Азиатско-Тихоокеанский регион, промышленный симбиоз, экологичное производство*

Titova N. Yu. Development experience of eco-industrial parks in the Asia-Pacific region as a guideline for the implementation of the circular economy in Russia.

Recently the issues of deterioration in the environmental situation have been raised at the international level. Theoretical basis for solving environmental problems is connected with the introduction of a new approach in the organization of the economy - the formation of circular economy, the main tool of which are new industrial systems - eco-industrial parks. The main principles of their functioning are to reuse resources in production, reduce waste while improving the quality of life of workers and communities. The article is devoted to the foreign experience of formation and functioning of eco-industrial parks in Asia-Pacific countries, the systematization of which is the basis for the introduction of circular economy in Russia.

Key words: *circular economy, eco-industrial parks, Asian-Pacific region, industrial symbiosis, ecological production*

Для цитирования: Титова Н. Ю. Опыт развития эко-индустриальных парков АТР как ориентир внедрения циркулярной экономики в РФ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 158–166. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/158-166

For citation: Titova N. Yu. Development experience of eco-industrial parks in the Asia-Pacific region as a guideline for the implementation of the circular economy in Russia // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 158–166. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/158-166

**М. Ю. Шинковский – политолог-исследователь и организатор
политического образования на Дальнем Востоке.
К десятилетию со дня кончины**

Высокий динамизм развития общественных процессов в России и мире обуславливает возникновение огромного числа разнообразных событий и явлений, которые видоизменяют, взрывают привычную нам картину мира. Экономические кризисы последних десятилетий неизменно сопровождаются политическими потрясениями в различных уголках планеты. Хронические болезни глобализации усиливаются ростом количества региональных военных конфликтов, горячие точки которых без особого труда можно отыскать на картах большинства регионов мира. Политическая нестабильность, проявившаяся в последний год в США, Европе, России и других странах, усиленная пандемией COVID-19, ставит под сомнение эффективность существующих институтов и методов государственного управления. Эти и другие проблемы, угрожающие стабильности поступательного развития России и мира в целом, требуют профессионального анализа и адекватной оценки не только происходящих событий, но и последствий принимаемых управленческих решений.

Специалистов, отвечающих этим требованиям, которые способны осуществлять высококачественную экспертизу разнообразных внутриполитических и глобальных процессов и явлений, всегда было мало. К их числу, вне всякого сомнения, относился доктор политических наук, профессор Михаил Юрьевич Шинковский, десятилетие безвременной кончины которого мы с прискорбием вспоминаем сегодня.

М. Ю. Шинковский прошел свой профессиональный путь от рядового преподавателя отечественной истории в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ) до директора Института международных отношений и социальных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС), от аспиранта до доктора политических наук и профессора. В 1978 г. Михаил Юрьевич защитил кандидатскую диссертацию на тему "Общее и особенное в формировании социальной структуры социалистического общества" (Ленинградский университет им. А. А. Жданова), а в 2001 г. он стал первым доктором политических наук на Дальнем Востоке России, защитив докторскую диссертацию в совете при МГИМО (У) на тему "Российские регионы: становление политических режимов в условиях глобализации".

В российском экспертном сообществе его заслуженно считали одним из наиболее авторитетных специалистов в области международных отношений и внешней политики. Долгое время М. Ю. Шинковский являлся экспертом-консультантом краевой и городской администрации, а также Всероссийского центра изучения общественного мнения при Администрации Президента РФ.

Круг его научных интересов был весьма разнообразен. Он одинаково хорошо разбирался в различных аспектах как российской внутренней политики, государственного и регионального строительства, так и в острых вопросах международных отношений и современной геополитики. М. Ю. Шинковский опубликовал свыше 150 научных работ: статей, учебников, монографий. Со-

© Волынчук А. Б., Козлов Л. Е., 2020

ВОЛЫНЧУК Андрей Борисович, д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** i-abv@yandex.ru

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** kozlov.le@dvfu.ru

держась там выводы и рекомендации сохраняют свою актуальность и через 10–15 лет.

В последние годы жизни М. Ю. Шинковский особое внимание уделял двум направлениям политологических исследований. Первое направление было посвящено изучению региональной политики федерального центра и анализу отношений, которые складывались в российской системе "центр-регионы". Выбор этого направления исследований неслучаен. В конце 1990-х гг. особо остро встали перед страной вопросы ее дальнейшего государственного развития. Занимая активную позицию гражданина и ученого, Михаил Юрьевич не мог не включиться в поиск насущных ответов. Его докторская диссертация стала результатом настойчивого научного поиска. Сам М. Ю. Шинковский определил задачи политической науки в современных российских условиях следующим образом: "...одним из важнейших направлений современной политической науки является выяснение способов политической интеграции регионов в едином государстве и, прежде всего, изучение форм и путей развития федерации..." [4]. Со временем данное направление исследований получило свое логическое продолжение. В 2010 г. коллектив, возглавляемый Михаилом Юрьевичем, получил грант Минобрнауки на научный проект "Региональная экономика и политика на Дальнем Востоке в условиях суверенной демократии и усиления вертикали власти: реальная практика и тенденции развития". Научно-исследовательская работа была направлена на выявление социально-политических и социально-экономических последствий изменения общеполитической ситуации, укрепления вертикали власти и усиления партийной составляющей в политическом процессе. Особый акцент в исследовании делался на анализе социально-экономических и социально-политических процессов, теории политического режима и демократии, раскрывающих соотношение сил между политическими акторами, состоянии политических отношений и уровень свободы политической конкуренции.

Второе направление научных интересов М. Ю. Шинковского состояло в комплексном исследовании регионального аспекта глобализации и геополитики, теории и практики международного сотрудничества, а также роли российского Дальнего Востока в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Общие характеристики современной геополитики в Северной Пацифике М. Ю. Шинковский напрямую связывал с "реальной социально-политической практикой глобализации, оказавшейся во многом явлением более сложным и непредсказуемым, чем это казалась еще совсем недавно. Центр глобальных событий ... неотвратимо смещается от Европы и Запада к Азии и Востоку. Этот поистине тектонический сдвиг в глобальной системе международных отношений заставляет искать новые подходы к изучению трансформации мировой политики как на глобальном, так и на региональном уровне" [2].

Особое внимание в его исследованиях было уделено изучению "трансграничной" специфики российского Дальнего Востока. Попытка соотнести перспективы регионального развития приграничных территорий Дальнего Востока с международными интеграционными процессами вылилось в политологическое осмысление феномена трансграничности. Весьма современно и актуально сегодня звучат выводы М. Ю. Шинковского о важности трансграничности в перспективном развитии дальневосточного региона: "Культурные принципы полицентрического развития в форме трансграничного взаимодействия подразумевают сознательный выбор общества и государственных структур. <...> Полицентрическое развитие страны посредством создания регионов трансграничного взаимодействия связано с изменениями в социальных представлениях, составляющих часть национальной и территориальной идентичности людей. Трансграничный регион – один из нескольких центров страны и государства – центр и витрина, символ экономической и интеллектуальной мощи, фокус прогресса и международного влияния" [3]. Интерес к этой теме результировался в научный проект при поддержке Рособразования "Северо-Восточная Азия как трансграничный регион: теория формирования, перспектива взаимодействия, перспектива развития".

Четкость теоретической концепции и методологических позиций, смелость и глубина научной мысли, владение обширнейшим эмпирическим материалом были присущи всем его работам. Среди них мы бы выделили

коллективные монографии под научной редакцией М. Ю. Шинковского "Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа)" (2007), "Трансграничный регион: понятие, сущность, форма" (2010), "Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона" (2010), а также научные статьи "Российский регион как субъект глобализации экономики" (2000), "Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока" (2004), "Приграничный регион в условиях глокализации: теоретико-концептуальные подходы" (2005), "Современные глобальные и региональные процессы: проблема реализации" (2009). Некоторые его публикации можно прочитать в РИНЦ¹.

Помимо собственной научной деятельности, М. Ю. Шинковский внес огромный вклад в подготовку научных кадров по политологии и политической социологии на Дальнем Востоке. Под его руководством защищались или начинали работу над диссертацией доктора наук И. Д. Саначев, С. Г. Верещагин, А. Б. Волынчук, кандидаты наук А. А. Бреславец, Я. А. Волынчук (Фролова), Р. И. Гриванов, А. В. Губин, Л. Е. Козлов, Е. С. Кошечкина (Харчевникова), О. В. Лобода, В. И. Прохоров. М. Ю. Шинковский был членом диссертационных советов в Хабаровском техническом университете и в Институте философии РАН, стоял у истока научного журнала ВГУЭС "Территория новых возможностей". Работа эта была далеко не только формальной: М. Ю. Шинковский прилагал все усилия, чтобы привлечь в руководимые им подразделения качественные научно-педагогические кадры, создать им благоприятные условия труда, познакомить их со столичными светилами политологии, такими как А. Д. Богатуров и М. В. Ильин. Среди многих других подобным образом начали свою карьеру во Владивостоке и авторы данной статьи.

В сфере высшего образования он деятельно участвовал в создании и был первым руководителем факультета журналистики и Владивостокского института международных отношений ДВГУ в 1990-е гг., а в 2000-е – Института международных отношений ВГУЭС. М. Ю. Шинковский сам с удовольствием читал лекции в качестве профессора кафедры международных отношений, руководил множеством дипломных работ, публиковал учебно-методические работы, организовывал встречи студентов с действующими политиками и дипломатами, и многие его студенты состоялись как политические эксперты, журналисты, сотрудники МИД и других российских государственных органов. Показательны его слова в интервью 2002 г. владивостокской деловой газете "Конкурент": "Сейчас я себя осознаю в сравнительно интересном качестве. Я хочу создать школу. Школу, которая останется: не то чтобы после меня – поверьте, я еще поживу! – но сейчас мне хочется иметь вокруг не просто единомышленников, хочется, чтобы вокруг были и те, кто может по праву считать меня учителем" [1]. В 2020 г. нам кажется, что это пожелание сбылось.

Литература

1. Михаил Шинковский: "Будущее России в крупных, мощных и самостоятельных регионах" // Конкурент [Электронный ресурс]. 20.08.2002. URL: <https://konkurent.ru/article/18228> (дата обращения 01.08.2020).
2. Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). Редкол.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.
3. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Под ред. П. Я. Бакланова, М. Ю. Шинковского. Владивосток: Дальнаука, 2010. 275 с.
4. Шинковский М. Ю. Российские регионы: становление политических режимов в условиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук, 23.00.02. МГИМО (У). Москва, 2001. 355 с.

¹ Шинковский Михаил Юрьевич // eLIBRARY.RU. URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=252195

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Mikhail Shinkovskij: "Budushhee Rossii v krupnykh, moshhnykh i samostoyatel'nykh regionakh" // Konkurent [Elektronnyj resurs]. 20.08.2002. URL: <https://konkurent.ru/article/18228> (data obrashheniya 01.08.2020).

2. Politicheskaya nauka v Rossii: problemy, napravleniya, shkoly (1990–2007). Redkol.: O. YU. Malinova (otv. red.), S. V. Patrushev, Ya. A. Plyajs, V. V. Smirnov. M.: ROSSPEHN, 2008. 463 s.

3. Transgranichnyj region: ponyatie, sushhnost', forma / Pod red. P. Ya. Baklanova, M. YU. Shinkovskogo. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 275 s.

4. Shinkovskij M. YU. Rossijskie regiony: stanovlenie politicheskikh rezhimov v usloviyakh globalizatsii. Dis. ... d-ra polit. nauk, 23.00.02. MGIMO (U). Moskva, 2001. 355 s.

Волынчук А. Б., Козлов Л. Е. М. Ю. Шинковский – политолог-исследователь и организатор политического образования на Дальнем Востоке. К десятилетию со дня кончины.

Доктор политических наук, профессор М.Ю. Шинковский в 1990-е – 2000-е гг. внес большой вклад в становление дальневосточной школы региональных и международных политических исследований, а также в преподавание политологии, международных отношений и регионоведения в университетах Владивостока. В связи с десятилетием со дня его безвременной кончины мы вспоминаем его научные идеи и профессиональный путь.

Ключевые слова: *М.Ю. Шинковский, региональные исследования, международные отношения, политология, российский Дальний Восток*

Volynchuk A. B., Kozlov L. E. On the 10th anniversary of the death of M.Yu. Shinkovsky, political researcher and organizer of political education in the Russian Far East.

Doctor of Political Science, Professor M.Yu. Shinkovsky made a great contribution to the formation of the Far Eastern school of regional and international political studies, as well as to the teaching of political science, international relations and regional studies at the universities of Vladivostok in the 1990s – 2000s. In connection with the 10th anniversary of his untimely death, we recall his scientific ideas and professional path.

Key words: *M.Yu. Shinkovsky, regional studies, international relations, political science, Russian Far East*

Для цитирования: Волынчук А. Б., Козлов Л. Е. М. Ю. Шинковский – политолог-исследователь и организатор политического образования на Дальнем Востоке. К десятилетию со дня кончины // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 167–170. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/167-170

For citation: Volynchuk A. B., Kozlov L. E. On the 10th anniversary of the death of M.Yu. Shinkovsky, political researcher and organizer of political education in the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 167–170. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/167-170

УДК 93: 378: 351.74(571.63): 929

Шабельникова Н. А.

**"Работать наполовину не умею, не хочу и не могу...":
Зиновий Абрамович Муравич – руководитель и наставник
(к 50-летию подготовки кадров системы МВД в Приморском крае)**

История подготовки кадров системы МВД в Приморском крае ведёт начало с 12 ноября 1970 г., когда, в соответствии с приказом Министра внутренних дел СССР, во Владивостоке был создан Учебно-консультационный пункт Хабаровского отделения заочного обучения Омской высшей школой милиции МВД СССР.

Инициатива открытия учебно-консультационного пункта во Владивостоке принадлежала В. М. Авдееву, заместителю начальника УВД Приморского края по кадрам, полковнику внутренней службы, и объяснялась настоятельной потребностью укрепления правоохранительных органов региона специалистами высокой квалификации, способными грамотно решать задачи защиты правопорядка. Эта идея была поддержана начальником УВД Приморского края О. А. Яковлевым, по распоряжению которого и было подготовлено представление министру внутренних дел А. Н. Щелокову. Поддержка была получена и у Л. В. Ярославского, начальника Хабаровского отделения Омской высшей школы МВД СССР.

Первым начальником учебно-консультационного пункта (УКП) в январе 1971 г. назначается Зиновий Абрамович Муравич.

Зиновий Абрамович родился в 1927 г. на Украине в семье выпускницы царской гимназии и будущего бухгалтера, в 1919 г. бравшего Перекоп в составе 1-й Конной армии. В 1929 г. семья Муравичей переехала в г. Ленинград. Осенью 1941 г., с началом блокады, семью эвакуировали на Дальний Восток.

Отец Зиновия Абрамовича – Абрам Ильич – долгие годы работал главным бухгалтером санатория "Приморье". Душой и сердцем семьи была мама – Мария Зиновьевна. Именно в семье были заложены высокоинтеллектуальные качества Зиновия Абрамовича. Родители великолепно знали классику мировой литературы. Доброй семейной традицией стали вечера, где читали стихотворения, музицировали. Эта традиция была бережно сохранена и продолжается уже в семье дочери Зиновия Абрамовича – Ольги Зиновьевны. И еще одна замечательная семейная традиция была продолжена. И Ольга Зиновьевна, и ее дети – внуки Зиновия Абрамовича – Дмитрий и Елена получили юридическое образование.

В 1944 г. Зиновия Абрамовича, 1927 г. рождения, призывают в армию. Эшелон с мобилизованными солдатами, в составе которых находится Зиновий Абрамович, доходит до границ Хабаровского края. В это время выходит распоряжение И. В. Сталина о том, что призыву в действующую армию подлежат только люди 1926 г. рождения включительно. Зиновий Абрамович возвращается во Владивосток и успешно в 1945 г. заканчивает школу. 1-ая в Приморском крае "Золотая медаль" (ее учредили в 1944 г.) вручается Зиновию Муравичу. Золотая медаль далась Зиновию нелегко. Несмотря на блокаду, переезды, смены школ, тяготы эвакуации и даже то, что до 10-го класса в Ленинградской и Находкинской школах изучали немецкий, а во Владивостоке надо было сдавать экзамены по английскому языку, и пришлось за полгода выучить и сдать английский за все 6 классов. И он это сделал. Легкость в изучении языков была, но всегда была и удивительная целеустремленность, упорство, трудолюбие, ответственность и огромная требовательность к себе, с годами только развившаяся и укрепившаяся.

© Шабельникова Н. А., 2020

ШАБЕЛЬНИКОВА Наталья Алексеевна, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России (г. Владивосток). E-mail: nhistorik@mail.ru

Фото 1. З.А. Муравич.

Через несколько месяцев поступило предложение стать сотрудником уголовного розыска. З. А. Муравич начал службу в органах внутренних дел 6 июня 1949 г. в должности старшего фельдъегеря УВД Приморского края. Позже Зиновий Абрамович стал сыщиком и единственным в краевом УВД – со средним образованием (даже начальник краевой милиции имел образование 7 классов). С октября 1950 г. по март 1969 г. проходил службу на разных должностях оперативно-начальствующего состава органов внутренних дел Приморского края, занимал должность начальника отделения оперативно-служебной подготовки отдела кадров УВД Примкрайисполкома.

Важным для Зиновия Абрамовича был 1952 г., когда он становится старшим сыщиком краевого уголовного розыска. Вместе с другом Федором Макшановым – фронтовиком, много лет возглавлявшем (уже в чине полковника) Ленинский РОВД в г. Владивостоке, раскрывает "дела". Часто пути двух друзей пересекаются со следователем краевой прокуратуры Геннадием Обьедковым, приехавшим из Саратова по распределению после окончания Юридического института МВД СССР. Не только работали вместе, но и соревновались в творчестве: наизусть знали всего Есенина, Маяковского, Пушкина, Лермонтова, – цитировали страницами. Великолепно пели – оперные арии, неаполитанские песни, арии из оперетт.

Главным в жизни была работа. Что только не пришлось испытать и пережить за долгие годы работы в уголовном розыске – и освобождение сотен уголовников после амнистии 1953 г., поножовщины, хищения, убийства, разбои, массовые беспорядки и многое другое. Получил прозвание "Гусь" (он был высокого роста и худого телосложения). В него стреляли, кидались с заточками и обрезками. В поисках преступников сутками сидел в засаде, ездил на коне без седла сотни километров по тайге, догоняя бандитов.

Возглавляя уголовный розыск в г. Находка, жил с женой и родившейся дочкой в кабинете управления, так как другого жилья не было. Одновремен-

Золотая медаль позволяла учиться в любом вузе страны, причем поступать без экзаменов – в стране было всего несколько десятков золотых медалистов. Выбрана была Москва – МВТУ им. Баумана. Родителям вернуться в Ленинград было невозможно. Дом, в котором они раньше жили, был разрушен во время бомбежки, а другого жилья предоставить им не могли.

Самостоятельная жизнь в столице сложилась не совсем удачно. После голодной эвакуации, студент, обнаружив, что в Москве открылись все театры, стал менять хлебные карточки на театральные билеты, посматрив, таким образом, практически весь московский репертуар. В состоянии близком к голодному обмороку попал в больницу с пневмонией. Доктор, лечившая его, посоветовала возвратиться домой, чтобы не умереть с голоду. Поразмыслив над ее словами и не осилив в МВТУ начертательную геометрию, голодный студент-театрал возвращается во Владивосток, где при наличии блестящего аттестата был принят корректором в типографию УВД.

Фото 2. Прием экзамена З.А. Муравичем у слушателей заочной формы обучения. 1970-е гг.

но учился в вузе, в поезде Находка – Хабаровск ночью писал курсовые работы. Получив "красный" диплом, стал начальником водной милиции. В 36 лет "заработал" обширный инфаркт (последствие эвакуации, голода, переживаний) и строжайший запрет врачей заниматься оперативной работой. Так состоялся переезд во Владивосток, в квартиру, где нужно было топить печку, носить уголь, дрова и воду, и новая работа в учебной группе отдела кадров УВД Приморского края.

В январе 1971 г. З. А. Муравич возглавил созданный во Владивостоке Учебно-консультационный пункт Хабаровского отделения заочного обучения Омской высшей школы милиции МВД СССР (с 1982 г. – Хабаровской высшей школы МВД СССР). Совмещал административную должность с преподаванием – в течение нескольких лет вел уголовное право.

Умело применяя практический опыт, был требовательным и грамотным руководителем, квалифицированным и творческим преподавателем. Обладал колоссальной энергией, знаниями. По отзывам коллег и слушателей, был интеллигентным человеком, принимал участие в организации различных культурно-просветительских мероприятий для слушателей, приезжающих во Владивосток из разных районов Приморья.

В период создания Владивостокский УКП занимал одну небольшую комнату в здании учебного центра УВД Приморского крайисполкома, где велось делопроизводство и находился библиотечный фонд, для занятий была выделена учебная аудитория, а с увеличением количества слушателей – еще одна комната и учебная аудитория.

Подготовка слушателей велась по специальности "правоведение" с присвоением квалификации "юрист". В 1974 г. произошёл переход на пятилетний срок обучения. Число выпускников, получивших образование, постепенно выросло – с 30 до 50 человек.

В соответствии с приказом начальника Омской высшей школы СССР В. Г. Смирнова (23 декабря 1970 г.) штат учебно-консультационного пункта включал четырех сотрудников: секретаря и трех преподавателей – специальных дисциплин (он же начальник УКП), военно-физической подготовки

и оперативной работы. Преподаватели других дисциплин привлекались для работы в УКП из высших учебных заведений г. Владивостока и г. Хабаровска.

Научно-педагогический и методический уровень приглашенных преподавателей был чрезвычайно высок. Например, занятия по уголовному праву вел крупнейший ученый – заслуженный юрист, заслуженный деятель науки, доктор юридических наук Плехан Сергеевич Дагель, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного государственного университета.

Большое участие в становлении учебно-консультационного пункта и организации учебного процесса принимал доктор юридических наук, профессор Н. И. Овчинников, декан юридического факультета Дальневосточного государственного университета. Многие занятия вели преподаватели юридического факультета ДВГУ и других вузов – это И. М. Резниченко, В. В. Сонин, Р. И. Михеев, А. И. Коробеев, Л. И. Романова, Ю. А. Афиногенов, Т. К. Святцкая, Т. А. Бушуева, Т. С. Исаева, А. Н. Карпова, И. Н. Твёрдая, С. Я. Улицкий, Р. М. Готлиб, Т. В. Свистунова, В. И. Курилов, П. С. Щетинников, К. Г. Павлова, А. А. Биневский, Е. Н. Хрусталева и другие.

В июле 1982 г. приказом МВД СССР Владивостокский УКП переходит в подчинение Хабаровской высшей школы МВД СССР. С этого периода времени учебный процесс осуществлялся с привлечением преподавателей Хабаровской высшей школы МВД СССР – В. Г. Балицкого, Л. В. Ярославского, А. В. Мошака, М. И. Алексеенко, Б. Т. Матюшина, В. В. Казурова, Ю. П. Морозова, В. Г. Лапиной, А. И. Петрова и других.

Интересный и познавательный опыт был накоплен не только в организации учебного процесса, но и в воспитательной работе. В условиях заочной формы обучения со слушателями проводилось множество культурных мероприятий.

Например, одной из форм работы, которая впоследствии стала традицией, был выпуск на каждом курсе стенгазеты, посвященной наиболее значительным событиям в учебном заведении. В воспоминаниях З. А. Муравича и слушателей, которые обучались в этот период, наиболее яркой и запоминающейся называлась газета под редакцией Александра Борисовича Цыганка, в то время старшего лейтенанта милиции, впоследствии полковника, одного из руководителей УМВД России по Приморскому краю.

Слушатели этого периода времени соревновались не только в учебе и освещении наиболее значимых событий курса. Большой популярностью пользовались спортивные соревнования, особенно по волейболу. С окончанием строительства спортивного зала спортивные соревнования стали доброй традицией в "школе милиции".

Много времени уделялось эстетическому воспитанию слушателей. Организовывались походы в театр, на концерты, в музеи и на выставки картин, на заводы и фабрики. Особенно запомнилась слушателям, по воспоминаниям выпускников, экскурсия на полиграфкомбинат, где не только рассказывалось о технологическом процессе выпуска книг, но и о ценности книги. Были встречи с интересными людьми. Среди них – редактор краевой газеты "Красное знамя" Валерий Михайлович Теплюк, известный журналист, историк Валерий Семенович Куцый.

Со слушателями встречались крупные ученые, руководящие работники аппарата министерства, образовательных организаций. Например, приезжал профессор Ромен Рахиммулович Галиакбаров – специалист в области уголовного права, Борис Семенович Крылов – специалист в области международного права, свободно владеющий 5 языками (докторскую диссертацию писал в Лондоне). Со слушателями встречались начальник Омской высшей школы МВД СССР генерал-майор милиции Василий Макарович Пахаев, начальник Хабаровской Высшей школы милиции Василий Антонович Текутьев. Никогда не отказывал в помощи учебно-консультационному пункту начальник УВД Приморского края Иван Федорович Шилов. Он проявлял инициативу и настойчивость в том, чтобы люди, работающие на самом тяжелом участке, повышали свое профессиональное мастерство.

Создание УКП во Владивостоке позволило расширить возможности Хабаровского ОЗО, а затем и Хабаровской высшей школы милиции МВД СССР. За 16 лет было выпущено около 600 юристов высшей квалификации. Из них

многие поднялись на очень высокие ступени служебной лестницы. Среди выпускников – 15 генералов, более 60 полковников, руководители крупнейших подразделений управлений внутренних дел краев и областей Дальнего Востока, МВД России. Во Владивостокском филиале Дальневосточного юридического института МВД России учатся их дети, а у некоторых – внуки.

Молодые офицеры приезжали во Владивосток не только из Приморья, но и из других регионов Дальнего Востока. Из глухих таежных сел, из райцентров, из маленьких городов ехали не просто за знаниями и дипломами. Они ехали, как оказалось, за новым отношением и пониманием жизни, за новыми возможностями по реализации своих творческих возможностей. И они получили отеческое внимание, твердость, требовательность и огромную заботу, что оказало значительное влияние на их профессиональное становление, способствовало укреплению органов внутренних дел Дальнего Востока.

В 1987 г. подполковник милиции З. А. Муравич вышел на пенсию, однако и после этого неоднократно делился своим жизненным опытом с курсантами и слушателями, преподавателями филиала. Получая очередные звания и повышения по службе, его ученики обязательно приезжали к "папе", так ласково называли Зиновия Абрамовича, ведь "папа" был в курсе их дел, и служебных, и семейных.

Уход из жизни 4 февраля 2006 г. Зиновия Абрамовича стал тяжелой утратой для тех, кому посчастливилось знать его лично, для тех, кто работал рядом с ним. Отличительными чертами Зиновия Абрамовича были профессионализм, демократичность, порядочность, чуткость и внимательность к людям. Он пользовался заслуженным авторитетом и уважением со стороны всех, кто его знал, работал и общался с ним.

Дело, которому Зиновий Абрамович Муравич отдал годы жизни и частичку своего большого и доброго сердца, живет. 50 лет Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института готовит специалистов с высшим образованием для органов внутренних дел. За эти годы в ряды органов правопорядка Приморья влились более шести тысяч молодых, профессиональных, подготовленных к службе следователей и оперативных работников. Выпускники филиала с честью и достоинством несут нелегкую службу по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью, защите прав и законных интересов российских граждан, своими достижениями укрепляя авторитет родного вуза.

Шабельникова Н. А. "Работать наполовину не умею, не хочу и не могу...": Зиновий Абрамович Муравич – руководитель и наставник (к 50-летию подготовки кадров системы МВД в Приморском крае).

В статье рассматривается жизненный путь и деятельность Зиновия Абрамовича Муравича – первого руководителя ведомственного образовательного учреждения системы МВД в Приморском крае. Анализируются условия создания и развития высшего учебного заведения, готовящего кадры для органов внутренних дел. Обобщается опыт работы с личным составом в области учебной и воспитательной работы. Делается вывод о преемственности подготовки специалистов высшей квалификации системы МВД в Приморье.

Ключевые слова: *З.А. Муравич, подготовка кадров, органы внутренних дел, учебно-консультационный пункт, МВД СССР, Приморский край*

Shabelnikova N. A. "I can't work half-way, I don't want to, and I can't...": Zinovy Abramovich Muravich – manager and mentor (for the 50th anniversary of the training of personnel of the Ministry of internal Affairs in the Primorsky territory).

The article examines the life and work of Zinovy Abramovich Muravich – the first head of the departmental educational institution of the Ministry of internal Affairs in the Primorsky territory. The author analyzes the conditions for creating and developing a higher educational institution that trains personnel for internal Affairs bodies. The article summarizes the experience of working with personnel in the field of training and educational work. The conclusion is made about the continuity of training of highly qualified specialists of the Ministry of internal Affairs in Primorye.

Key words: *Z. A. Muravich, personnel training, internal Affairs agencies, training and consulting point, MVD USSR, Primorsky Krai*

Для цитирования: Шабельникова Н. А. "Работать наполовину не умею, не хочу и не могу...": Зиновий Абрамович Муравич – руководитель и наставник (к 50-летию подготовки кадров системы МВД в Приморском крае) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 171–176. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/171-176

For citation: Shabelnikova N. A. "I can't work half-way, I don't want to, and I can't...": Zinovy Abramovich Muravich – manager and mentor (for the 50th anniversary of the training of personnel of the Ministry of internal Affairs in the Primorsky territory) // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 171–176. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/171-176

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент (*г. Находка*)
- Бартолов Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гайе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Филипова Александра Геннадьевна** – доктор социологических наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Хисамутдинова Наталья Владимировна** – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Шестаков Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – 42354.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редакция журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2019).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2020 № 3 (54)

Подписано к печати 03. 09. 2020 г. Вышло в свет 24. 09. 2020 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 10,46. Уч. -изд. л. 17,84. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

